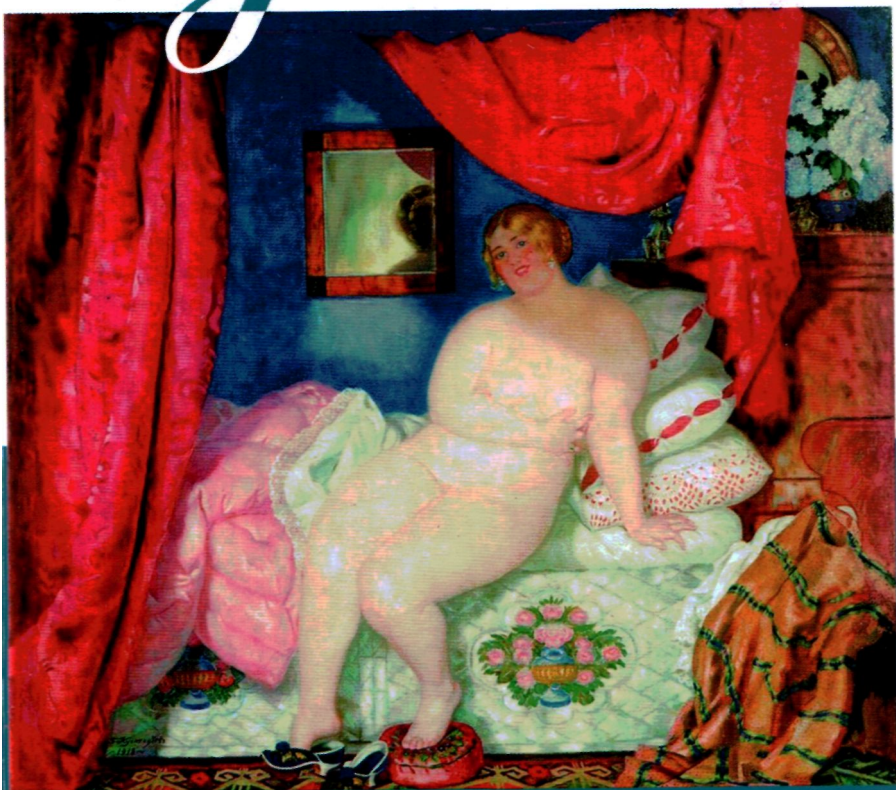


А. Н. АФАНАСЬЕВ

Русские



эротические
сказки

Оформление обложки В. Ноздрина

*Выпуск произведения без разрешения
издательства считается противоправ-
ным и преследуется по закону*

Афанасьев А. Н.

А94 Русские эротические сказки. — СПб.: Лениз-
дат, «Ленинград», 2008. — 320 с.

ISBN 5-289-02580-3

В настоящую книгу А. Н. Афанасьева вошли сказки эротического содержания. Сказки такого рода были очень распространены в русском быту. Они раскрывают ту сторону жизни русского народа, где есть место сатире, иронии, где людская фантазия в ярких красках, не смущаясь в выражениях, развернула всю силу и богатство юмора, где живым ключом бьет неподдельная народная речь.

ББК 47.2.1.1.5

ISBN 5-289-02580-3

© «Ленинград», 2008

ЛИСА И ЗАЯЦ

Пришла весна, разыгралась у зайца кровь. Хоть он силой и плох, да бегать резов и ухватка у него молодецкая. Пошел он по лесу и вздумал зайти к лисе. Подходит к лисицыной избушке, а лиса на ту пору сидела на печи, а детки ее под окошком. Увидела она зайца и приказывает лисеняткам:

— Ну, детки! Коли подойдет косою да станет спрашивать, скажите, что меня дома нету. Ишь его черт несет! Я давно на него, подлеца, сердита. Авось теперь как-нибудь его поймаю.

А сама притаилась. Заяц подошел и постучал.

— Кто там? — спрашивают лисенятки.

— Я, — говорит заяц. — Здравствуйте, милые лисенятки! Дома ли ваша матка?

— Ее дома нету!

— Жалко! Было еть — да дома нет!

Сказал косою и побежал в рощу. Лиса услышала и говорит:



— Ах он сукин сын, косой черт! Охаверник эдакой! погоди же, я ему задам зорю!

Слезла с печи и стала за дверью караулить, не придет ли опять заяц. Глядь, а заяц опять пришел по старому следу и спрашивает лисенят:

— Здравствуйте, лисенятки! Дома ли ваша матка?

— Ее дома нету!

— Жаль, — сказал заяц, — я бы ей напырлял по-своему!

Вдруг лиса как выскочит.

— Здравствуй, голубчик!

Зайцу уж и не до е...ли, со всех ног пустился бежать, ажно дух в ноздрях захватывает, а из ж...пы орехи сыплются. А лиса за ним.

— Нет, косой черт, не уйдешь!

Вот-вот нагонит! Заяц прыгнул и проскочил меж двух берез, которые срослись вместе. И лиса тем же следом хотела проскочить, да и завязла. Ни туда, ни сюда! Билась-билась, а вылезти не может. Косой оглянулся, видит, дело хорошее, забежал с заду и ну лису еть, а сам приговаривает:

— Вот как по-нашему! Вот как по-нашему!

Отработал ее и побегал на дорогу, а тут недалеко была угольная яма — мужик уголья жег. Заяц поскорей к яме, вывалился весь в пыли да в саже и сделался настоящий чернец. Вышел на дорогу, повесил уши и сидит. Тем



временем лиса кое-как выбралась на волю и побежала искать зайца. Увидала его и приняла за монаха.

— Здравствуй, — говорит, — святой отче! Не видал ли ты где косого зайца?

— Которого? Что тебя давеча е...л?

Лиса вспыхнула со стыда и побежала домой.

— Ах он подлец! Уже успел по всем монастырям расславить!

Как лиса ни хитра, а заяц-то ее попробовал!

ВОРОБЕЙ И КОБЫЛА

У мужика на дворе сидела куча воробьев. Один воробей и начал перед своими товарищами похваться.

— Полюбила, — говорит, — меня сивая кобыла, часто на меня посматривает. Хотите ли, отделаю ее при всем честном собрании?

— Посмотрим, — говорят товарищи.

Вот воробей подлетел к кобыле и говорит:

— Здравствуй, милая кобылушка!

— Здравствуй, певец! Какую нужду имеешь?

— А такую нужду — хочу попросить у тебя...

Кобыла говорит:

— Это дело хорошее, по нашему деревенскому обычаю, когда парень начинает любить

девушку, он в ту пору покупает ей гостинцы: орехи и пряники. А ты меня чем дарить будешь?

— Скажи только, чего хочешь?

— А вот: натаскай-ка мне по одному зерну четверик овса, тогда и любовь у нас начнется.

Воробей изо всех сил стал хлопотать, долго трудился и натаскал-таки наконец целый четверик овса. Прилетел и говорит:

— Ну, милая кобылушка! Овес готов!

А у самого сердце не терпит — и рад, и до смерти боится.

— Хорошо, — отвечала кобыла, — откладывать дела нечего, вить истома пуще смерти, да и мне век честно не проходить. По крайней мере от молодца потерпеть не стыдно! Приноси овес да созывай своих товарищей — былъ молодцу не укора! А сам садись на мой хвост подле самой ж...пы да дожидайся, пока я хвост подыму.

Стала кобыла кушать овес, а воробей сидит на хвосте, товарищи его смотрят, что такое будет. Кобыла ела, ела да и заб...дела, подняла хвост, а воробей вдруг и вспорхнул в зад. Кобыла прижала его хвостом. Тут ему плохо пришлось, хоть помирай!

Вот она ела, ела, да как запе...дела. Воробей оттуда и выскочил, и стал он похваляться пред товарищами:

— Вот как! Небось от нашего брата и кобыла не стерпела, ажно запе...дела.

МЕДВЕДЬ И БАБА

Пахала баба в поле; увидал ее медведь и думает себе: «Что я ни разу не боролся с бабами! Сильнее она мужика или нет? Мужиков довольно-таки поломал, а с бабами не доводилось повозиться». Вот подошел он к бабе и говорит:

— Давай-ка поборемся!

— А если ты, Михайло Иваныч, разорвешь у меня что?

— Ну, если разорву, так улей меду принесу.

— Давай бороться!

Медведь ухватил бабу в лапы да как ударит ее об землю — она и ноги кверху задрала, да схватилась за пи...ду и говорит ему:

— Что ты наделал? Как теперь мне домой-то показаться, что я мужу-то скажу!

Медведь смотрит, дыра большущая, разорвал! И не знает, что ему делать. Вдруг откуда ни возьмись бежит мимо заяц.

— Постой, косой! — закричал на него медведь. — Поди сюда!

Заяц подбежал. Медведь схватил бабу за края пи...ды, натянул их, приказал косому придерживать своими лапками. А сам побежал в лес, надрал лык целый пук — едва тащит. Хочет зашивать бабе дыру. Принес лыки и бросил оземь, баба испугалась да как перданет, так заяц аршина на два подскочил вверх.

— Ну, Михайло Иваныч, по целому лопнуло!

— Пожалуй, она вся теперь излопается! — сказал медведь и бросился что есть духу бежать: так и ушел!

ВОЛК

Был мужик, у него была свинья, и принесла она двенадцать поросят; запер он ее в хлев, а хлев был сплетен из хворосту. Вот на другой день пошел мужик посмотреть поросят, сосчитал — одного нет. На третий день опять одного нет.

— Кто ворует поросят?

Вот и пошел старик ночевать в хлев, сел и дожидается, что будет. Прибежал из лесу волк, да прямо к хлеву, повернулся к двери ж...пою, натиснул и просунул в дыру свой хвост, и ну хвостом-то шаркать по хлеву. Почуяли поросята шорох и пошли от свиньи к дверям нюхать около хвоста. Тут волк вытащил хвост поворотился передом, просунул свою морду, схватил поросенка и удрал в лес. Дождался мужик другого вечера, пошел опять в хлев и уселся возле самых дверей. Стало темно, прибежал волк и только засунул свой хвост и начал шаркать им по сторонам, мужик как схватил обеими руками за волчий хвост, уперся в дверь ногами и во весь голос закричал:

— Тю, тю, тю!

Волк рвался, рвался и начал срать, и потуда жилился, пока хвост оторвал. Бежит, а сам кровью д...ищет. Шагов двадцать отбежал, упал и издох. Мужик снял с него кожу и продал на торгу.

КОТ И ЛИСА

Мужик прогнал из дома блудливого кота в лес. А в этом лесу жила-была лиса, да такая бл...ды! Все валялась с волками да медведями. Повстречала она кота, разговорились с том о сем. Лиса и говорит:

— Ты, Котофей Иванович, холост, а я незамужняя жена! Возьми меня за себя.

Кот согласился. Пошел у них пир и веселье, после пира надо коту по обряду иметь с лисицею грех. Кот взлез на лису, не столько еб...т, сколько когтями дерет, а сам еще кричит:

— Мало, мало, мало!

— Вот еще какой! — сказала лисица, — ему все мало!

ВОШЬ И БЛОХА

Повстречала вошь блоху:

— Ты куда?

— Иду ночевать в бабью пи...ду.

— Ну, а я залезу к бабе в ж...пу.

И разошлись. На другой день встретились опять.

— Ну что, каково спалось? — спрашивает вошь.

— Уж не говори! Такого страха набралась; пришел ко мне какой-то лысый и стал за мной гоняться, уж я прыгала, прыгала, и туда-то и сюда-то, а он все за мной, да потом как плюнет в меня и ушел!

— Что ж, кумушка, и ко мне двое стучались, да я притаилась, они постучали себе, постучали, да с тем и прочь пошли.

ПИ...ДА И Ж...ПА

В одно время поспорили между собой пи...да и ж...па и такой подняли шум, что хоть святых выноси! Пи...да говорит ж...пе:

— Ты бы, мерзавка, лучше молчала! Ты знаешь, что ко мне каждую ночь ходит хороший гость, а в ту пору ты только б...дишь да коптишь.

— Ах ты подлая пи...дюга! — говорит ей ж...па. — Когда тебя е...ут, по мне слюни текут — я ведь молчу!

Все это давно было, еще в то время, когда ножей не знали, х...ем говядину рубили.

МОЙ Ж...ПУ

Жили муж да жена. Вот, бывало, как подают жена мужу обедать, он и начнет ее колотить, а сам еще и приговаривает:

— Мой ж...пу, мой ж...пу!

Вот она и начнет мыть ж...пу, трет ее и песком и рогожею, так что кровь пойдет, а только что подаст мужу обедать, он начнет ее колотить и опять приговаривает:

— Мой ж...пу, мой ж...пу!

Вот она и говорит своей тетке:

— Что это, тетушка, когда я подаю мужу обедать, он всегда меня бьет и приговаривает: «Мой ж...пу, мой ж...пу» — кажись, я и так мою, что до крови растираю!

— Эх ты, дура! Ты мой-то ж...пу, да не свою, а у чашки.

Как стала мыть ж...пу у чашки, так и перестал ее бить муж.

ХУДО НЕ ХУДО

Жернова по воде плавают, на них собака сидит, голову согнувши, хвост в ж...пу воткнувши, повизгивает, лапу полизывает.

— Ты ехал мимо архиерейского дома?

— Ехал; там кони поседланы, седоки посажены, в трубы играют, черт знает кого,

еб...на мать, величают! Говорят, архиерея на соловой кобыле венчают...

— А ростовского медведя видел?

— Видел.

— Каков?

— Серый!

— Какой, еб...на мать, медведь? Пошел к х...ю, не бредь! Это волк.

— Х...й те в лоб! У нас волк по лесу побегивает, ушами подергивает.

— Это заяц.

— Кляп ты знаешь. Это трус.

— Го...на тебе кус.

ДУРЕНЬ

Жили мужик да баба, у них был сын дурак. Задумал он как бы жениться да и поспать с женою. То и дело пристает к отцу:

— Жени меня, батюшка!

Отец и говорит ему:

— погоди, сынок, еще рано тебя женить, х...й твой еще не достает до ж...пы, когда достанет до ж...пы, в ту пору тебя и женю.

Вот сын схватился руками за х...й, натянул его как можно крепче, посмотрел — и точно правда, не достает немного до ж...пы.

— Да, — говорит, — и то рано мне жениться, х...й мой еще маленький, до ж...пы не хватает! Надо повременить годик-другой.

Время идет себе да идет, а дураку только и работы, что вытягивает х...й. И вот-таки добился он толку, стал х...й его доставать не только до ж...пы — и через хватает.

— Не стыдно будет и с женою спать, сам ее удовольствием, не пущу в чужие люди!

Отец подумал себе: «Какого ожидать от дурака толку!»

Сказал ему:

— Ну, сынок, когда х...й у тебя такой большой вырос, что через ж...у хватает, то и женить тебя не для чего; живи холостой. Сиди дома, да своим х...ем е...и себя в ж...у.

Тем дело и кончилось.

ЩУЧЬЯ ГОЛОВА

Жили-были мужик да баба, и была у них дочь, девка молодая. Пошла она бороновать огород; бороновала, бороновала, только и позвали ее в избу блины есть. Она пошла, а лошадь со всем, с бороною оставила в огороде:

— Пуцай постоит, пока ворочусь.

Только у ихнего соседа был сын — парень глупый. Давно хотелось ему поддеть эту девушку, а как — не придумает. Увидел он лошадь с бороною, перелез через изгородь, выпряг коня и завел его в свой огород. Борону хоть и оставил на старом месте, да оглобли-то про-

сунул сквозь изгороду к себе и запряг опять лошадь-то. Девка пришла и далась диву:

— Что бы это такое — борона на одной стороне забора, а лошадь на другой?

И давай бить кнутом свою клячу да приговаривать:

— Какой черт тебя занес! Умела втесаться, умей и вылезать; ну, ну, выноси!

А парень стоит, смотрит да посмеивается.

— Хочешь, — говорит, — помогу, только ты дай мне.

Девка-то была воровата:

— Пожалуй, — говорит, а у нее на примете была старая щучья голова, на огороде валялась, разинувши пасть. Она подняла ту голову, засунула в рукав и говорит:

— Я к тебе не полезу, да и ты сюда-то не лазь, чтоб не увидал кто; а давай-ка лучше сквозь этот тынок. Скорей просовывай кляп, а я уж тебе наставлю.

Парень вздрочил кляп и просунул его сквозь тын, а девка взяла щучью голову, раззявила ее и посадила на плешь. Он как дернет — и ссадил х...й до крови. Ухватился за кляп руками и побежал домой, сел в угол и помалкивает.

«Ах, мать ее так, — думает про себя, — да как больно пи...да-то у нее кусается! Только бы х...й зажил, а то я сроду ни у какой девки просить не стану!»

Вот пришла пора; вздумали женить этого

парня, сосватали его на соседской девке и женили. Живут они день, и другой, и третий, живут и неделю, другую и третью. Парень боится и дотронуться до жены. Вот надо ехать к теще; поехали. Дорогой молодая-то и говорит мужу:

— Послушай-ка, милый Данилушка! Что же ты женился, а дела со мной не имеешь? Коли не сможешь, на что было чужой век заедать даром?

А Данило ей:

— Нет, теперь ты меня не обманешь! У тебя пи...да кусается. Мой кляп с тех пор долго болел, насилу зажил.

— Врешь, — говорит она, — это я в то время пошутила над тобою, а теперь не бойся. На-ка попробуй хоша дорогою, самому полюбится.

Тут его взяла охота, заворотил ей подол и сказал:

— Постой, Варюха, дайкося я тебе ноги привяжу, коли станет кусаться, так я смогу выскочить да уйти.

Отвязал он вожжи и скрутил ей голые ляжки. Струмент у него был порядочный, как надавил он Варюху-та, как она закричит благим матом, а лошадь была молодая, испугалась и начала мыкать (сани то сюда, то туда), вывалила парня, а Варюху так с голыми ляжками и примчала на тещин двор. Теща смотрит в окно, видит: лошадь-то зятева, и

подумала, верно, это он говядины к празднику привез, пошла встречать, а то ее дочка.

— Ах, матушка, — кричит, — развяжи-ка поскорей, покедова никто не видал.

Старуха развязала ее, расспросила, что и как.

— А муж-то где?

— Да его лошадь вывалила!

Вот вошли в избу, смотрят в окно — идет Данилка, подошел к мальчишкам, что в бабки играли, остановился и загляделся.

Теща послала за ним старшую дочь. Та приходит:

— Здравствуй, Данила Иванович!

— Здорово.

— Иди в избу, только тебя и недостает!

— А Варвара у вас?

— У нас.

— А кровь у нее унялась?

Та плюнула и ушла от него. Теща послала за ним сноху; эта ему угодила.

— Пойдем, пойдем, Данилушка, уж кровь давно унялась.

Привела его в избу, а теща встречает и говорит:

— Добро пожаловать, любезный зятюшка!

— А Варвара у вас?

— У нас.

— А кровь у нее унялась?

— Давно унялась.

Вот он вытащил свой кляп, показывает теще и говорит:

— Вот, матушка, это шило все в ней было!

— Ну, ну, садись, пора обедать.

Сели и стали пить и есть. Как подали яичницу, дураку и захотелось всю ее одному съесть, вот он и придумал, да и ловко же вытащил кляп, ударил по плечи ложкою и сказал:

— Вот это шило все в Варюхе было! — да и начал мешать своею ложкою яичницу. Тут делать нечего, полезли все из-за стола вон, а он приел яичницу один и стал благодарствовать теще за хлеб за соль.

ЖЕНИТЬБА ДУРНЯ

Жив був собі казак, у него була жинка и еще був сын Грицько. Грицько ходив в степу за вивцями. От дид с бабою змовляються:

— Стара! Треба нам Грицька ожениць.

— Як женить, так женить! — послали воны за Грицьком.

Приходе наймит да и каже:

— Здоров був, паноче! Батько звалив тоби иты до господив.

Прийшов до дому, устричають його батько и мате:

— Здоров був, сынку! Як собі маешь?

— Слава Богу, тату и мамо! Помаленьку. А чого-це вы мене до дому звали?

А батько каже:

— Та вже-ж я — старий и мате твоя — стара, так треба тебе ожениць.

— Не хочу! Пиду собі у степ.

— Почекай (подожди) лышинь трохи: мы порадамось (рада — совет) з добрыми людьми, як вони скажуть.

— Ну, добре!

От добри люды присовитовалы, щоб даты йому борошня (зерно, хлеб) мишкив шисть и послаты на базар; тай звилить йому, щоб вин не продавав ни евреям, ни купцям, ни старым бабам, а продавав дивчатам и молодыцям и просыв бы з их за борошно еб...лки. Прийшов старый до дому, та и каже:

— Сынку! Бери пару волив, запрягай у виз и йидь на базар, та везы шисть мишкив борошня; тилко не продавай евреям, купцям и старым бабам, а продавай дивчатам та молодыцям.

От вин узав пару водив, заприг, наклав на виз борошня и повиз у мисто. Пидѣхав к базару, устричае його еврей.

— Здоров був, паноче! Що таке у вас е продажие?

— Ничего нема, бисив еврей!

Пидходе купец:

— Що таке, паноче, продаете?

— Ничего нема!

Оце подходе к йому молодыця и пытае:

— Що таке продажие? Вин каже:

— Борошно.

— А скилько е?

— Шисть мишкив.

— А що просите за його?

— Та дай еб...лки!

Вона подывилась на парубка и каже:

— Чи не можно менши узять?

— Ни, не возьму; як дасы еб...лку, так оддам.

— Везы ж за мною.

Вин зараз:

— Гей, гей!

И прийихав до ней на двир и пытае:

— Куды ж мини зносить?

Вона показала йому, а сама пишла, прыготовыла меду и паляныць, та и говорить:

— Иди сюда, паноче!

Вин прийшов в хату.

— Здоров був, паноче! Сидай та йижь еб...лку.

Вин сив и зачав опиз...ячивать, найився и каже:

— Спасыби за еб...лку.

Вона отвичае:

— Богу святому дякуй!

Прийихав вин до дому, батько и мате пытают:

— А що, сынку! Продав борошня?

— Продав.

— А за що продав?

— За еб...лку.

— А що, сынку, гарна еб...лка?

— Та така солодка, що и сказать не можно.
— Ну, сынку, женысь, и у твоей жинци буде!

— Колы так, та и женить мене!

— Ну, стара, — каже батько, — слава Богу! Наш Грицько жениця захотив.

Пислалы воны сваху к богатому мужику. Прийшла сваха:

— Помогай Бог!

— Здорова була, бабуся! А що ты нам скажеш хорошее?

— Та у вас товар, а у мене е купец.

От и сосватала за Грицька дивчину Гапку. Тутычки выбрали дружку и бояр, созвалы пойизд, пойихалы до церкви и повинчалы, та и началы гулять, веселиця. От вжеж треба молодых весты спать до коморы. Дружко каже:

— Ну, гляды ж, Грицько! Чи знаешь де, еб...лка?

А вин:

— Як не знать!

— А де?

— Та на столи.

— Та ни, ты шукай — де волосья, там еб...лка.

— Добре.

Положили йих спаты и самы пийшлы гуляты. Долго лежав Грицько з Гапкою, и захотилось йому еб...лки. Начав вин шукать по кошелю и полкам — нигде нема, а в тий же комори стояла соха, а вверху на сохи було

пидоткнуто кущем волосьев. Вин побачив тые волосья, полиз на соху, просунув руку и щупае: чи нема там еб...лки! Та вже слизты с сохи боиця. Прийшов дружко пидниматы молодых, стучить:

— Добрый день, молодой Грицько!

А вин сыдыть на сохи и каже:

— Здоров був!

— А що, Грицько, найшов волосья?

— Найшов.

— И близ?

— Близ, та оце лыхо — не злизу.

— Валысь набик.

Грицько зваливсь набик, ударивсь об землю и разбив соби голову до крови.

Дружко пытае:

— А що, зваливсь?

— Зваливсь.

— А що до крови?

— Та вже ж, до крови.

— Отчиняйте ж двери.

Отчинили. Грицько зараз выскочив и побиг в степь, к своим вивцям. Бижить биля попова двора, удруг наскочылы на його собаки; вин начав обороняця, пятався, пятався и влиз у самую церковь, а се було у нидию (воскресенье). Вин подивився та и каже:

— Ишь бисови собаки, сколько нагналы сюда людей!

И дивно йому, шо людей багацько, а уси мовчат, тилько помаленьку шепчуть та кла-

няюця; мабуть вони кого просять, щоб їх до дому довів. А дали побачив він попа в золотий святилище, що ходять між людей та все кланяюця: от іде він і до Грицька. Грицько думає: «Що се таке? Несе він якусь торбинку і на людей огонь кидає (речь идет о кадилах)».

Пип ближче, а Грицько йому каже:

— Помалу, батько, очі не випечи!

А пип усе махає та махає. Як Грицько свисне його по голові, аж він упав; тут люди, мабуть чоловіків п'ятдесят буде, учинились за дурня; він усіх їх витавив з церкви і сам пішов у степ.

— Ну, бисові люди, кажити міні спасиби, а то б ви тутечки і заночували!

А Гапка скупає собі без чоловіка і плаче. От научили її, щоб вона пішла до Грицька у степ; як буде він стояти з ватагою біля води, то щоб вона спитала у його:

— А що, чоловіче, чи не можна тут скупатися?

А він каже:

— Чому ж неможливо? Можливо.

— Та, може, тут глибоко? Полизай сам перші у воду.

От так дило і здиляюця! Пішла Гапка у степ, приходить, а він стоїть коло пруда.

— Здоров був, паночко!

— Здорова була!

— А що, чоловіче, чи можна тут скупатися?

— Чому ж неможливо?

— Та, може, глибоко, покажи міні.

Він зараз скинув сорочку і штани, влиз у воду і каже:

— Бачиш, по коліни.

Бона і собі влизує у воду, побачила у його х...й і питає:

— Що се таке?

А він каже:

— Се табака.

— На що ж вона? Що ти робиш з нею?

— Съю.

— А чим ти їй годуєш (кормиш)?

— Та нічим.

— Ото-то вона і худа!

А Грицько побачив у Гапки пи...ду да і питає:

— А у тебе що се таке?

— Поцька.

— А на що вона тобі?

— Табаку годувати. Хай твоя табака поїсть поцьки.

— Э, щоб вона мене укусила! Хай їй бис!

— Ні, не укусити.

Грицько узав свою гирлицю (овчарская палка) і зачав пробувати: чи не укусити? А потім погодився негодувати свою табаку. Надрочила вона йому і направила х...й у пи...ду, та і паридерживає. Любо стало Грицьку, бросив він степ і прибіжав до дому, і кричить:

— Тату, мамо! Де моя жинка?
— На що вона тобі?
— Еб...ть хочу.
— Зараз прийде.

А жинка тому и рада, а сама каже:

— Пидожди до обида, мате галушки ва-
рыла.

А вин:

— Ничего не хочу, ходим годоватъ табаку.

И зачав йии еб...ть, а она зачала пир...ить;
трудно йии стало, скочила и охота. Вона и го-
ворить:

— Я, чоловіче, вже не vzdужаю.

— Що ж робыты?

— Та мині добрі люди казали, щоб на-
шого сусида вил полызав мині с...аку, то,
може, я и поправлюся. Пиды попроси вола!

Пийшов вин до сусида:

— Нехай ваш вил моеї жиньци с...аку по-
лыже.

— Нехай!

Воротився до жинки, та и каже:

— Иды! Вже пригнав вола.

От Гапка задрала хвист, устала с...аку
у викно, Грицько йии придерживає: а сусид-
ский Ивашка (бо вона з ним наперед его зго-
ворылась) як почав Гапку чесать через с...а-
ку, аж йии лыхорадка забира.

— Ну що? — каже Грицько.

— Та мало полегчило!

А потом и сам Грицько заболив и каже:

— Жинка, пиды, попроси сусидова вола,
щоб мині сраку полызав.

Вина пийшла и выпросила вола:

— Ну уставай, иды до викна!

От вин спустив штаны и выпятив у викно
с...ку, а вин як вдарить його по тий с...ци, аж
через голову вин перевернулся!

БОЯЗЛИВАЯ НЕВЕСТА

Разговорились промеж себя две девки.

— Как ты — а я, девушка, замуж не пой-
ду!

— А что за неволя идти-то! Ведь мы не гос-
подские.

— А видала ль, девушка, тот струмент, ка-
ким нас пробуют?

— Видала.

— Ну что же — толст?

— Ах, девушка, право, у другого толщи-
ною будет с руку.

— Да это и жива-то не будешь!

— Пойдем-ка, я потычу тебя соломин-
кою — и то больно!

Поглупей-то легла, а поумней-то стала ей
тыкать соломинкой.

— Ох, больно!

Вот одну девку отец приневолил и отдал
замуж. Оттерпела она две ночи и приходит
к своей подруге.

— Здравствуй, девушка!

Та сейчас ее расспрашивать, что и как.

— Ну, — говорит молодая, — если бы да я знала, ведала про это дело, не послушалась бы ни отца, ни матери. Уж я думала, что и жива-то не буду, и небо-то мне с овчинку показалось!

Так девуку напугала, что и не поминай ей про женихов.

— Не пойду, — говорит, — ни за кого, разве отец силою заставит, и то выйду ради одной славы за какого-нибудь безму...ного.

Только был в этой деревне молодой парень, круглый бедняк; хорошую девуку за него не отдают, а худой самому взять не хочется. Вот он и подслушал ихний разговор.

«Погоди ж, — думает, — мать твою так! Улучу время, скажу, что у меня кляпа-то нет».

Раз как-то пошла девушка к обедне, смотрит, а парень гонит свою худенькую да некованую клячу на водопой. Вот лошаденка идет, идет да и спотыкнется, а девка так смехом и заливается. А тут приплась еще крутая горка, лошадь стала взбираться, упала и покатила назад. Рассердился парень, ухватил ее за хвост и начал бить немилостиво да приговаривать:

— Вставай, чтоб тебя ободрало!

— За что ты ее, разбойник, бьешь? — говорит девка.

Он поднял хвост, смотрит и говорит:

— А что с ней делать-то? Теперь бы ее еть да еть, да х...я-то нет!

Как услышала она эти речи, так тут же и ус...лась от радости и говорит себе: «Вот Господь дает мне жениха за мою простоту!»

Пришла домой, села в задний угол и надула губы. Стали все за обед садиться, зовут ее, а она сердито отвечает:

— Не хочу!

— Поди, Дунюшка! — говорит мать. — Или о чем раздумалась? Скажи-ка мне.

И отец говорит:

— Ну что губы-то надула? Может, замуж захотела? Хошь за этого, а не то за этого?

А у девки одно в голове, как бы выйти замуж за безму...ного Ивана.

— Не хочу, — говорит, — ни за кого; хочете отдайте, хотите нет, за Ивана.

— Что ты, дурица, взбесилась али с ума спятила? Ты с ним по миру находишься!

— Знать, моя судьба такая! Не отдадите — пойду утоплюсь, не то удавлюсь.

Что будешь делать? Прежде старик и на глаза не принимал этого бедняка Ивана, а тут сам пошел набиваться со своею дочерью. Приходит, а Иван сидит да чинит старый лапоть.

— Здорово, Иванушка!

— Здорово, старик!

— Что поделываешь?

— Хочу лапти заковыривать.

— Лапти? Ходил бы в новых сапогах.

— Я на лыки-то насилу собрал пятнадцать копеек; куда уж тут сапоги?

— А что ж ты, Ваня, не женишься?

— Да кто за меня отдаст девку-то?

— Хочешь, я отдам! Целуй меня в самой рот!

Ну и сладили. У богатого не пиво варить, не вино курить; в ту ж пору обвенчали, отпировали, и повел дружка молодых в клеть и уложил спать. Тут дело знакомое: пронял Ванька молодую до руды (крови), ну да и дорогогато была туды!

«Эх, я дура глупая! — подумала Дунька. — Что и наделала? Уж ровно бы принять стравыйтить бы мне за богатого! Да где он кляп-то взял? Дай спрошу у него».

И спросила-таки:

— Послушай, Иванушка! Где ты х...й-то взял?

— У дяди на одну ночь занял.

— Ах, голубчик, попроси у него еще хоть на одну ночку.

Прошла и другая ночь; она опять говорит:

— Ах, голубчик, спроси у дяди, не продаст ли тебе х...й совсем? Да торгуй хорошенько.

— Пожалуй, поторговаться можно.

Пошел к дяде, сговорился с ним заодно и приходит домой.

— Ну что?

— Да что говорить! С ним не столкнешь-

ся; триста рублей заломил, эдак не укупишь; где я денег-то возьму?

— Ну, сходи, попроси займы еще на одну ночку; а завтра я у батюшки выпрошу денег — и совсем купим.

— Нет уж, иди сама проси, а мне, право, совестно!

Пошла она к дяде, входит в избу, помолилась Богу и поклонилась.

— Здравствуй, дядюшка!

— Добро пожаловать! Что хорошего скажешь?

— Да что, дядюшка, стыдно сказать, а грех утаить; одолжите Ивану на одну ночку х...йка вашего.

Дядя задумался, повесил голову и сказал:

— Дать можно, да чужой х...й беречь надыть!

— Будем беречь, дядюшка: вот те крест! А завтра беспрременно совсем у тебя его купим.

— Ну, присылай Ивана!

Тут она кланялась ему до земли и ушла домой. А на другой день пошла к отцу, выпросила мужу триста рублей и купила она себе важный кляп.

ГОРЯЧИЙ КЛЯП

Был-жил мужик, у него была дочь. Говорит она отцу:

— Батюшка, Ванька просил у меня поеть.

— Э, дурная! Зачем давать чужому, мы и сами пое...ем!

Взял гвоздь, разжег в печи и прямо ей в пи...ду и вляпал, так что она три месяца с...ать не могла! А Ванька повстречал эту девушку да опять начал просить:

— Дай-де мне поеть.

Она и говорит:

— Брешешь, черт Ванька! Меня батюшка по...б, так пи...ду обжег, что я три месяца не с...ала!

— Не бойсь, дура! У меня холодный кляп.

— Врешь, черт Ванька! Дай-ка я пощупаю.

— На, пощупай.

Она взяла его за х...й рукою и закричала:

— Ах ты, черт эдакой! Вишь теплой: макай в воду.

Ванька стал макать в воду, да с натуги и заб...дел.

А она:

— Ишь зашипел! Ведь сказывала, что горяч, так еще обмануть, вор, хочешь!

Так и не дала Ваньке.

ПРИБАУТКИ

а) Вчерашний день я по улице гулял, видел: петух топчет курицу, воробей — воробушку; надели меня супругой — веселой и упру-

гой. Будешь доволен, я знаю приворотный корень, да видя твою дурацкую рожу — приведу тебе козу. «Чем же тебя благодарить, не успел киселя наварить; хотел бы сварить кашу, да расклевали куры чашу».

б) — Где ты, сорока, была?

— Да на колу сидела.

— Да что ж ты оттуда улетела?

— Да напакостила.

— А, напакостила! Черт же те в шею, так ты и здесь напакостишь.

в) Был я добрый молодец, пошел я к синю морю дубище-коренище рубить; как отрубил я коренец, он ударил меня посередь яеца, так вот и теперь у меня рубец. Пошел я оттедова по-над синим морем и зашел в кузницу. «Кузнецы, кузнецы, скуйте мне топор, крепок и востер». Взял топор, иду по-над рекою, а там прачка: я етую прачку кляпом в с...ачку, она в воду, я на колоду, высек из пи...ды лобок и уехал на тот бок.

г) Стоит поп на льду, подпер х...ем бороду. Еб...на мать — дочку е...ли на лубочку: лубочек вот гнется, черна пи...да трется-потирается, разъедается. Трах, трах, трах! Е...ет старуху монаха на осиновых дровах — три полена в головах.

д) В пи...де черви завелись, немножечко проточили — три кареты проскочили. Гарнизонный капитан в пи...де роту обучал, сам на секеле стоял да и саблею махал, нигде края не достал.

е) Из монастыря боголюбова идут старцы станицами; впереди идет сам игумен, ничего он не гунит (скажет). Состроим же, братия, келью под елью, проторим дорожку в деревню, чтоб молодые бабы ходили, печеные яйца носили, нас, молодцов, кормили.

ж) Задумал наш дядюшка жениться на сивой кобыле. Стали мы своего дядюшку жени-ти в четыре свахи дубовые, пята сваха вязовая. С той радости наш дядюшка у...рался, кругом го...ном обклатся, домой пришел — не сказался.

СТАРЧЕСКИЙ СТИХ

Как у Спаса на Новом
Архимандрит был новой,
Строители-разорители,
Экононы-пустодомы;
Они рано нас будили,
Понемногу нам пити давали.
Рассердимся мы, братия,
Не пойдем ни к обедне-заутрени,
Ни к тому ли честному молебну!
Будет нас игумен просить,
Будет кланяться.
Выкатят нам, братия,
Бочки дубовые,
Подадут нам, братия,
Ковши железные,

Размахнем, почерпнем,
По компанье обнесем,
Кому два — кому три,
Мне четыре ковша;
Кабаки возрадуются,
А пьяницы возвеселятся.

СЕМЕЙНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Жил-был мужик, у него были жена, дочь да два сына — еще малые ребята. Раз пошла мать с детьми в баню, посбиала черное белье и начала стирать его, стоя над корытом, а к мальчикам-то повернулась жопою. Вот они смотрят да смеются:

— Эх, Андрюшка! Посмотри-ка, ведь у ма-тушки две пи...ды.

— Что ты врешь! Это — одна, да только раздвоилась.

— Ах, вы сопливые черти! — закричала на них мать. — Вишь что выдумали!

Пришла баба в избу, легла с дочкою на печь, и стали они меж собой разговаривать.

— Ну, дочка! — рассказывает мать, — скоро тебя замуж пора отдавать; будешь тогда с мужем жить, а не с нами...

— Коли так, я и замуж не хочу!

— Что ты, что ты, глупая! Да чего тебе бо-яться? Добрые девки еще тому радуются.

— Да чего радоваться-то?

— Как чего? Переспишь с мужем первую ночь, променяешь тады и отца с матерью на него, понравится тебе слаще меду и сахару.

— Отчего же, матушка, так сладко и где у них эта сладость?

— Ах, ты какая глупая! Вить ты ходила маленькою с отцом в баню-то?

— Ходила, — говорит дочь.

— Ну, видела ты у отца на конце зарубку?

— Видела, матушка!

— Вот это и есть самая сласть.

А дочь говорит:

— Коли бы эдак зарубить зарубок пять, тады б еще слаще было!

Отец лежал, лежал на полатах, слушал, слушал, не утерпел и закричал:

— Ах вы разбойницы! Х...й вам в горло! Про что говорят! Мне для вашей сласти не зарубить своего х...я на мелкие части.

Вот тут девушка гадала да гадала: одного-то х...я мало, а два не влезут; лучше их вместе свить да оба вбить.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО ЖЕНИХА С НЕВЕСТОЮ

У одного старика был сын, парень взрослый, у другого дочь — девка на поре. И задумали они оженить их.

— Ну, Иванушка! — говорит отец. — Я хо-

чу женить тебя на соседской дочери, сойдись-ка с нею да поговори ладнее да поласковее!

— Ну, Машутка! — говорит другой старик. — Я хочу отдать тебя за соседского сына, сойдись-ка с ним да ладнее познакомься!

Вот они сошлись на улице, поздоровались.

— Мне отец велел с тобой, Иванушка, ладнее познакомиться, — говорит девка.

— И мне тож наказывал мой батька, — говорит парень.

— Как же быть-то? Ты где, Иванушка, спишь?

— В сенцах.

— А я в амбарушке; приходи ночью ко мне, так мы с тобою и поговорим ладнее...

— Ну что ж!

Вот пришел Иванушка ночью и лег с Машуткою. Она и спрашивает:

— Шел ты мимо гумна?

— Шел.

— А что, видел кучу го...на?

— Видел.

— Это я на...рала.

— Ничего — велика!

— Как же нам с тобою поладить? Надо посмотреть, хорош ли у тебя струмент?

— На, посмотри, — сказал он и развязал гашник, — я этим богат!

— Да эдакой-то мне велик! Посмотри, какая у меня маленькая!

— Дай-ка я попробую: придется ли?

И стал пробовать; х...й у него колом стоит; как махнет ее — ажно из всех сил она закричала:

— Ох, как больно кусается!

— Не бось! Ему места мало, так он и сердится.

— Ну вот, я ведь сказывала, что места-то для него мало!

— Погоди, будет и просторно. — Как пробрал ее всласть, она и говорит: «Ах, душечка! Да твоим богатством можно денежки доставать!»

Покончили и заснули; проснулась она ночью и ну целовать его в жопу — думает в лицо, а он как подпустил сытности — девка и говорит: «Ишь, Ваня, от тебя цингой пахнет!..»

МУЖИК И БАРИН

Пришел барин в праздник к обедне, стоит и молится Богу; вдруг откудова ни возьмись — встал впереди его мужик, и этот сукин сын согрешил, так наб...дел, что продохнуть не можно.

«Эка подлец! Как навонял», — думает барин. Подошел к мужику, вынул целковый денег, держит в руке и спрашивает:

— Послушай, мужичок! Это ты так хорошо на...рал?

Мужик увидал деньги и говорит:

— Я, барин!

— Ну вот, братец! На тебе за это рубль денег.

Мужик взял и думает: «Верно, барин уж очень любит б...дех, надо каждой праздник ходить в церковь да около него становиться: он и всегда по целковому будет давать».

Отошла обедня, разошлись все по домам. Мужик прямо к соседу своему и рассказал, как и что с ним было.

— Ну, брат, — говорит сосед, — теперича, как дождем праздника — пойдем оба в церковь; вдвоем мы еще больше наб...дим; он обем (обоим) нам даст денег!

Вот дождались они праздника, пошли в церковь, стали впереди барина и напустили вони на всю церковь. Барин подошел к ним и спрашует:

— Послушайте, ребята, это вы так хорошо на...рали?

— Мы, сударь!

— Ну спасибо вам; да жалко, со мной теперича денег не случилось. А вы, ребята, как отойдет обедня, пообедайте поплотней да приходите ко мне на дом наб...деть хорошенько, я вам тогда заодно заплачу.

— Слушаем, барин! Нынче же к вашей милости оба прийдем.

Как покончилась обедня, мужики пошли домой обедать, нажрались и к барину. А барин приготовил им добрый подарок — розог да палок; встречает их и говорит:

— Что, ребята, поб...деть пришли?
— Точно так, сударь!
— Спасибо, спасибо вам! Да как же, молодцы, вить надо раздеться, а то на вас одежды много — не скоро дух прошибет.

Мужики поскидали армяки и поддевки, спустили портки и долой рубашки. Барин махнул слугам своим; как они схватили мужиков, растянули их да начали парить: па-лок пятьсот задали в спину! Насилу выбра-лись, да бежать домой без оглядки и одежу-то побросали.

ДОГАДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА

Жила-была старуха, у ней была дочь — большая нееряха; за что ни возьмется, все у ней из рук валится. Пришло время — нашелся дурак, сосватал ее и взял за себя замуж, пожил с нею год и больше и прижил сына. Пришла один раз она к матери в гости: эта ну ее угощать да потчевать. А дочь ест да рассказывает:

— Ах, матушка! Какой у тебя хлеб скусной, настояще ситной, а у меня такой, что и проглотить не хочется — настояще кирпич.

— Послушай, дочка! — говорит старуха. — Ты, верно, не хорошо месить квашню, оттого у тебя и хлеб не скусен; а ты попробуй квашню вымесить так, чтоб у тебя ж...па была мокра! Так и дело будет ладно.

Пришла дочь домой, растворила квашню и начала месить; помесит-помесит да подымет подол и пощупает: мокра ли ж...па? И опять начнет месить. Часа два так месила, всю ж...пу выпачкала, а узнать не может, мокра ли у ней ж...па или нет. Вот она подняла подол, стала раком и говорит сынишке:

— Подь сюды, посмотри, не видать ли, мокра ли моя ж...па или нет?

Мальчик посмотрел и говорит:

— Эге, матушка! У тебя две дырки вместе, да обе в тесте!

Тут она полно месить квашню и спекла с того теста хлеба такие скусные, что если б знали, как она месила, — никто б в рот не взял.

НЕТ

Жил-был старой барин, у него была жена и молода, и собой хороша. Случилось этому барину куда-то уехать далеко, он и боится, как бы жена его не стала с кем бляд...вать, и говорит:

— Послушай, милая! Теперь я уезжаю на-долго от тебя, так ты никаких господ не принимай к себе, чтоб они тебя не смутили, а лучше вот что: кто бы тебе и что бы тебе ни рассказывал — отвечай все нет да нет!

Уехал муж, а барыня пошла гулять в сад. Ходит себе по саду; а мимо на ту пору проез-

жал офицер. Увидел барыню такую славную и стал ее спрашивать:

— Скажите, пожалуйста, какая это деревня?

Она ему отвечает:

— Нет!

«Что бы это значило? — думает офицер, — о чем ее не спросишь — она все нет да нет».

Только офицер не будь промах:

— Ежели, говорит, я слезу с лошади да привяжу ее к забору — ничего за это не будет?

А барыня:

— Нет!

— А если взойду к вам в сад — вы не рассердитесь?

— Нет!

Он вошел в сад.

— А если я с вами стану гулять — вы не прогневаетесь?

— Нет!

Он пошел рядом с нею.

— А если возьму вас за ручку — не будет вам досадно?

— Нет!

Он взял ее за руку.

— А если поведу вас в беседку — и это ничего?

— Нет!

Он привел ее в беседку.

— А если я вас положу и сам с вами лягу — вы не станете противиться?

— Нет!

Офицер положил ее и говорит:

— А если я вам да заворочу подол, вы, конечно, не будете сердиться?

— Нет!

Он заворотил ей подол, поднял ноги покруче и спрашивает:

— А если я вас да стану еть — вам не будет неприятно?

— Нет!

Тут он отработал ее порядком, слез с нее, полежал да опять спрашивает:

— Вы теперь довольны?

— Нет!

— Ну, когда нет, надо еще еть. — Отзудил еще раз и спрашивает:

— А теперь довольны?

— Нет!

Он плюнул и уехал, а барыня встала и пошла в хоромы.

Вот воротился домой барин и говорит жене:

— Ну что, все ли у тебя благополучно?

— Нет!

— Да что же? Не по...б ли тебя кто?

— Нет!

Что ни спросит, она все: нет да нет; барин и сам не рад, что научил ее.

МУЖ НА ЯЙЦАХ

Жил мужик с бабою, мужик был ленивой, баба работающая. Вот жена землю пашет, а муж на печи лежит. Раз как-то и поехала она орать землю, а мужик остался дома стряпать да цыплят пасти, да и тут ничего не сделал: завалился спать и проспал цыплят: всех их ворона перетаскала: бегают по двору одна квочка да кричит себе, а ему хоть трава не расти. Вот приехала хозяйка и спрашивает:

— А где у тебя цыплята?

— Ах женушка, беда моя! Я уснул, а ворона всех цыплят и перетаскала.

— Ах ты, пес эдакой! Ну-ка, ку...вин сын, садись на яйца да высиживай сам цыплят.

На другой день жена поехала в поле, а мужик взял лукошко с яйцами, поставил на полатах, скинул с себя портки и сел на яйцах. Вот баба, не будь дура, взяла у отставного солдатики шинель и шапку, нарядилась, приезжает домой и кричит во все горло:

— Эх, хозяин! Да где ты?

Мужик полез с полатей и упал вместе с яйцами наземь.

— Это что делаешь?

— Батюшка служивой! Домовничаю.

— Да разве у тебя жены нету?

— Есть, да в поле работает.

— А ты что сидишь дома?

— Я цыплят высиживаю.

— Ах ты сукин сын! — И давай его плетью дуть изо всех сил да приговаривать: — Не сиди дома, не высиживай цыплят, а работай да землю паши.

— Буду, батюшка, и работать и пахать, ей-богу, буду!

— Врешь, подлец!

Била его баба, била, потом подняла ногу.

— Посмотри, сукин сын! Был я на стражении, так меня ранили — что, подживает моя рана? Али нет?

Смотрит мужик жене в пи...ду и говорит:

— Заволакивает, батюшка!

Баба ушла, переоделась в свою бабью одежду и назад домой, а муж сидит да охает.

— Что ты охаешь?

— Да приходил солдат, всего меня плетью избил.

— За что?

— Велит работать.

— Давно бы так надо! Жалко, что меня дома не было, я бы попросила еще прибавить.

— Ну, да ладно же, и он издохнет!

— Это отчего?

— Да был он на стражении, там его промеж ног... он мне показывал свою рану да спрашивал: «Подживает ли?» Я сказал: «Заволакивает — только больно рдится, а кругом мохом обросло!»

С тех пор стал мужик работать и на пашню ездить, а баба домовничать.

ОХОТНИК И ЛЕШИЙ

Ходил охотник по лесу, ходил-ходил и ничего не убил, нарвал орехов и грызет себе. Попадаетеся ему навстречу дедушка леший.

— Дай, — говорит, — орешков.

Он дал ему пулю. Вот леший грыз ее, грыз, никак не сладит и говорит:

— Я не разгрызу!

Охотник ему:

— Да ты выхолощен или нет?

— Нет!

— То-то и есть! Давай я тебя охолощу, так и станешь грызть орехи.

Леший согласился. Охотник взял, заще-мил ему х...й и м...де между осинами.

— Пусти, — кричит леший, — пусти! Не хочу твоих орехов.

— Врешь, будешь грызть!

Вырезал ему яйца, выпустил и дал за-правский орех. Леший разгрыз.

— Ну вот, ведь я сказывал, что будешь грызть!

Пошел охотник в одну сторону, а леший пошел в другую сторону и грозит ему:

— Ну ладно! Придешь овин сушить, я сыг-раю с тобою штуку!

Пришел охотник домой, сел на лавку и го-ворит:

— Ох жена! Я устал, поди-ка ты овин су-шить.

Баба пошла в овин, развела огонь и легла у стенки. Вот приходят два лесовика и гово-рят промеж себя:

— Давай-ка зажгем овин!

— Нет, давай наперво посмотрим, такова ли у него рана, какую он у тебя сделал?

Посмотрели.

— Ну, брат! У него еще больше твоей, ви-дишь, как рассажена, больше шапки, да ка-кая красная!

И пошли они прочь — в свой лес.

МУЖИК И ЧЕРТ

Жил-был мужик, и посеял он репу. При-ходит время репу рвать, а она не поспела; тут он с досады и сказал:

— Чтоб черт тебя побрал!

А сам ушел с поля. Проходит месяц, жена и говорит:

— Ступай на полосу, может статься, набе-решь репы.

Отправился мужик, пришел на полосу, видит — репа большая да славная уродилась, давай ее рвать. Вдруг бежит старичок и кри-чит на мужика:

— Зачем воруешь мою репу?

— Какая твоя?

— А как же, разве ты мне ее не отдал, когда она еще не поспела? Я старался, поли-вал ее!

— А я сажил.

— Не буду спорить, — сказал черт, — ты точно ее сажил, да я поливал. Давай вот что: приезжай на чем хошь сюда, и я приеду, если ты узнаешь, на чем я приеду, — то твоя репа; если я узнаю, на чем ты приедешь, — то моя репа.

Мужик согласился. На другой день он взял с собой жену и, подойдя к полосе, поставил ее раком, заворотил подол, воткнул ей в пи...ду морковь, а волоса на голове растрепал. А черт поймал зайца, сел на него, приехал и спрашивает мужика:

— На чем я приехал?

— А что ест? — спросил мужик.

— Осину гложет.

— Так это заяц!

Стал черт узнавать: ходил, ходил кругом и говорит:

— Волоса — это хвост, а это голова, а ест морковь!

Тут черт совсем спутался.

— Владей, — говорит, — мужик, репою!

Мужик вырыл репу, продал и стал себе жить да поживать.

МУЖИК ЗА БАБЬЕЙ РАБОТОЙ

Жил-был мужик с женою, дождались лета, пришло жнитво, стали они ходить в поле да жать. Вот каждое утро разбудит баба

мужика пораньше; он поедет в поле, а баба останется дома, стопит печку, сварит обед, нальет кувшинчики и понесет в поле мужу обедать да до вечера и жнет с ним в поле. Воротятся вечером домой, а наутро опять то же. Надоела мужику работа; стала баба его будить и посылать на поле, а он не встает и ругает свою хозяйку:

— Нет, бл...дь! Ступай-ка ты наперед, я дома останусь; а то я все хожу на поле рано, а ты спишь только да придешь ко мне уж тады, когда я досыта наработаюсь!

Сколько жена ни посылала его, мужик уперся на одном слове:

— Не пойду!

— Нынче суббота, — говорит жена, — надо много в доме работать: рубахи перемыть, пшена на кашу натолочь, квашню растворить, кринку сметаны на масло к завтраму сколотить...

— Я и сам это обделаю! — говорит мужик.

— Ну, смотри ж, сделай! Я тебе все приготовлю.

И принесла ему большой узел черных рубах, муки для квашни, кринку сметаны для масла, проса для каши да еще приказала ему караулить курицу с цыплятами, а сама взяла серп и пошла в поле.

— Ну, еще маленько посплю! — сказал мужик и завалился спать, да и проспал до самого обеда. Проснулся в полдень, видит — ра-

боты куча, не знает, за что прежде братья. Взял он рубахи, связал и понес на реку, намочил да так в воде и оставил. — Пуцай по-вымокнет, потом развеши, просохнет и будет готово.

А река-то была быстротекучая, рубахи все за водою и ушли. Приходит мужик домой, насыпал квашню муки, налил водою.

— Пуцай киснет!

Потом насыпал в ступу проса и начал толочь, и видит: наседка по сениям бродит, а цыплята все в разные стороны рассыпались. Он сейчас половил цыплят, перевязал их всех шнурочком за ножки и прицепил к курице, и опять начал толочь просо; да вздумал, что еще кринка сметаны стоит, надо сколотить ее на масло. Взял эту кринку, привязал к своей ж...пе: «Я, дескать, буду просо толочь, а сметана тем временем станет на ж...пе болтаться, разом и пшено будет готово, и масло спактано!»

Вот и толчет просо, а сметана на ж...пе болтается. Тут курица побрела во двор и цыплят за собой потащила. Как вдруг налетел ястреб, ухватил курицу и потащил совсем с цыплятами. Курица завоккала, цыплята запищали; мужик услышал, бросился во двор, да на бегу ударился кринкою об дверь, кринку расшиб и сметану всю пролил. Побежал отнимать у ястреба курицу; а дверей не запер; пришли в избу свиньи, квашню опрокинули,

тесто все поели и до проса добрались: все пожрали. А мужик курицы с цыплятами не отнял, воротился назад — полна изба свиней, хуже хлева сделали! Насилу вон всех выгнал.

«Что теперича делать-то? — думает мужик. — Придет хозяйка — беда будет!»

Все дело чисто убрал — нет ничего! — Дай-ка поеду рубахи из воды вытащу. Запряг кобылу и поехал на реку. Уж он искал-искал белья; нету.

— Да-ка в воде поищу!

Разделся, скинул с себя рубашку и штаны и полез в воду, и пошел бродить, а толку все не добьется: так и бросил! Вышел на берег, глядь — ни рубахи, ни штанов нет, кто-то унес.

Что делать-то? Не во что и одеться, надо в деревню голому ехать.

— Нарву-ка я себе, — говорит, — длинной травы да обвяжу кляп, сяду в телегу и поеду домой, все не так стыдно будет!

Нарвал зеленой травы, обертел свой х...й и стал отвязывать повод у лошади. Лошадь увидала траву, схватила ее зубами и оторвала со всем х...ем. Заголосил мужик о кляпе, кое-как добрался в избу, залез в угол и сидит в углу.

— Ну что, все приготовил?

— Все, любезная жена!

— Где же рубашки?

— За водою уплыли.

- а / (П
- А курица с цыплятами?
 - Ястреб утащил.
 - А тесто? А просо?
 - Свины съели.
 - А сметана?
 - Всю разлил.
 - А х...й-то где?
 - Кобыла съела.
 - Экой ты, сукин сын, наделал добра!

ЖЕНА СЛЕПОГО

Жил-был барин с барыней. Вот барин-то ослеп, а барыня и загуляла с одним подьячим. Стал барин подумывать: не бл...дует ли с кем жена, и шагу не даст ей без себя сделать. Что делать? Раз пошла она с мужем в сад, и подьячий туда же пришел. Захотелось ей дать подьячему. Вот муж-то слепой у яблони сидит, а жена свое дело справляет, подьячему поддает. А сосед ихний смотрит из своего дома, из окна в сад, увидал, что там строится: подьячий на барыне сидит, и рассказывает своей жене:

— Посмотри-ка, душенька, что у яблони-то делается. Ну, что как теперь откроет Бог слепому глаза, да увидит он — что тогда будет? Ведь он ее до смерти убьет.

— И, душенька! Ведь и нашей сестре Бог увертку дает!

— А какая тут увертка?

— Тогда узнаешь.

На тот грех и открыл Господь слепому барину глаза; увидел он, что на его барыне подьячий сидит, и закричал:

— Ах ты, ку...ва! Что ты делаешь, проклятая бл...дь!

А барыня:

— Ах, как я рада, милый мой! Ведь сегодня ночью приснилось мне: сделай-де грех с таким-то подьячим и Господь за то откроет твоему мужу глаза. Вот оно и есть правда: за мои труды Бог дал тебе очи!

ТЕТЕРЕВ

Два дня ходил охотник по лесу — ничего не убил; на третий день дал обещанье: «Что ни убью, то про...бу!» — Пошел в лес, напал на тетерева и убил его. Ворочается домой. Вот увидела из окна барыня, что идет охотник, несет тетерева, и позвала его к себе в горницу.

— Что стоит тетерев? — спрашивает барыня.

— Этот тетерев у меня не продажный, — говорит охотник, — а заветный.

— Какой же завет?

— Да как шел я на охоту, дал обещание, что ни убью, то про...бу.

— Не знаю, как быть, — молвила барыня, — хочется мне тетереватники, дюже хо-

чется! Видно, надо делу сбыться. Да мне известно под тобою лежать...

— Ну, я лягу книзу, а ты, барыня, ложись сверху.

Так и сделали.

— Ну, мужик, отдавай тетерева.

— За что я отдам тебе тетерева? Ведь ты меня е...ла, а не я тебя.

Барыне жалко упустить тетерева.

— Ну, — говорит, — полезай на меня!

Мужик и в другой раз отделал барыню.

— Давай тетерева.

— За что я отдам тебе? Мы только покви-
тались.

— Ну полезай еще раз на меня, — говорит барыня.

Влез охотник на барыню, отработал и в третий раз.

— Ну, давай же теперь?

Как ни жалко было охотнику, а делать не-
чего — отдал барыне тетерева и пошел домой.

АРХИЕРЕЙСКИЙ СОВЕТ

Жили-были генерал и архиерей, случи-
лось им быть на беседе. Стал генерал архиерея
спрашивать:

— Ваше преосвященство, мы люди греш-
ные, не можем без греха жить, не еть, а как
же вы терпите, во всю жизнь не согрешите?

Архиерей отвечает:

— Пришлите ко мне за ответом завтра.

На другой день генерал и говорит своему
лакею:

— Поди к архиерею, попроси у него ответа.

Лакей пришел к архиерею, доложил о нем
послушник.

— Пусть постоит, — сказал архиерей.

Вот стоял лакей час, и другой, и третий;
нет ответа. Просит послушника:

— Скажи опять владыке.

— Пусть еще постоит, — отвечает архи-
ерей. Лакей долго стоял, стоял, не вытер-
пел — лег да тут же и заснул и проспал до
утра. Поутру воротился к генералу и сказыва-
ет:

— Продержал до утра, а ответу никакого
не дал.

— Опять, — говорит генерал, — сходи к
нему да непременно попроси ответа.

Пошел лакей, приходит к архиерею, тот
его позвал к себе в келью и спрашивает:

— Ты вчера у меня стоял?

— Стоял.

— А потом лег да заснул?

— Лег да заснул.

— Ну так и у меня х...й встанет — посто-
ит, постоит, потом опустится и уснет. Так и
скажи генералу.

Жили-были два мужика, вспахали себе землю и поехали сеять рожь. Идет мимо старец, подходит к одному мужику и говорит:

— Здравствуй, мужичок!

— Здравствуй, старичок!

— Что ты сеешь?

— Рожь, дедушка.

— Ну помоги тебе Бог, зародись твоя рожь высока и зерном полна!

Подходит старец к другому мужику:

— Здравствуй, мужичок. Что ты сеешь?

— На что тебе надо знать! Я сею х...и!

— Ну и зародись тебе х...и!

Старец ушел, а мужики посеяли рожь, заборонили и уехали домой. Как стала весна да пошли дожди — у первого мужика взошла рожь и густая, и большая, а у другого мужика взошли все х...и красноголовые, да так-таки всю десятину и заняли: и ногой ступить негде, все х...и! Приехали мужики посмотреть, каково их рожь взошла; у одного дух не нарадуется, глядя на свою полосу, а у другого так сердце и замирает.

«Что, — думает, — буду я теперича делать с эдакими чертями?»

Дождались мужики — вот и жнитво пришло, выехали в поле: один начал рожь жать, а другой смотрит — у него на полосе поросли х...и аршина в полтора. Стоят себе красно-

ловые, словно мак цветет. Вот мужик поглазел, поглазел, покачал головой и поехал назад домой; а приехавши, собрал ножи, наточил повострее, взял с собой ниток и бумаги, и опять воротился на свою десятину, и начал х...и срезывать. Срежет пару, обвернет в бумагу, завяжет хорошень ниткою и положит в телегу. Посрезывал все и повез в город продавать.

«Да-ка, — думает, — повезу, не продам ли какой дуре хошь одну парочку!»

Везет по улице и кричит во все горло:

— Не надо ли кому х...ев, х...ев, х...ев! У меня славные продажные х...и, х...и, х...и!

Услыхала одна барыня, посылает горничную девушку:

— Поди, поскорее спроси, что продает этот мужик?

Девка выбежала:

— Послушай, мужичок! Что ты продаешь?

— Х...и, сударыня!

Приходит она назад в горницу и стыдится барыне сказать.

— Сказывай же, дура! — говорит барыня, — не стыдись! Ну что он продает?

— Да вот что, сударыня, он, подлец, х...и продает!

— Эка дура! Беги скорей, догони да поторгуй, что он с меня за пару возьмет?

Девка воротила мужика и спрашивает:

— Что парочка стоит?

— Да без торгу сто рублей.

Как только сказала девка про то барыне, она сейчас же вынула сто рублей.

— На, — говорит, — поди, да смотри, выбери какие получше, подлиннее да потолще.

Приносит девка мужику деньги и упрашивает:

— Только, пожалуйста, мужичок, дай каких получше.

— Они у меня все хороши уродились!

Взяла горничная пару добрых х...ев, приносит и подает барыне; та посмотрела, и показались ей очень. Сует себе куда надеть, а они не лезут.

— Что же тебе мужик сказал, — спрашивает она у девушки, — как командовать ими, чтобы действовали?

— Ничего не сказал, сударыня.

— Эка ты дура! Поди сейчас спроси.

Побежала опять к мужику:

— Послушай, мужичок, скажи, как твоим товаром командовать, чтоб мог действовать?

А мужик говорит:

— Коли дашь еще сто рублей, так скажу!

Горничная скорей к барыне:

— Так и так, даром не сказывает, сударыня, а просит еще сто рублей.

— Такую штуку и за двести рублей купить — недорого!

Взял мужик новую сотню и говорит:

— Коли барыня захочет, пусть только скажет: «Но-но!»

Барыня сейчас легла на кровать, заворотила свой подол и командует: «Но-но!» Как пристали к ней оба х...я да как зачали ее нажаривать, барыня уж и сама не рада, а вытащить их не может. Как от беды избавиться? Посылает она горничную:

— Поди, догоняй этого сукина сына да спроси у него, что надо сказать, чтоб они отстали!

Бросилась девка со всех ног:

— Скажи, мужичок! Что нужно сказать, чтоб х...и от барыни отстали? А то они барыню совсем замучили!

А мужик:

— Коли даст еще сто рублей, так скажу!

Прибегает девка домой, а барыня еле жива на кровати лежит.

— Возьми, — говорит, — в комоде последнее сто рублей да неси подлецу поскорей! А то смерть моя приходит!

Взял мужик и третью сотню и говорит:

— Пусть скажет только: «Тпрру» — они сейчас отстанут.

Прибежала горничная и видит: барыня уж совсем без памяти и язык высунула: вот она сама крикнула на них:

— Тпрру!

Оба х...я сейчас выскочили. Полегчало барыне; встала она с кровати, взяла и припря-

тала х...и и стала жить в свое удовольствие. Как только захочется, сейчас достанет их, скомандует, и х...и станут ее отрабатывать, пока не закричит барыня:

— Тпрру!

В одно время случилось барыне поехать в гости в иную деревню, и позабыла она взять эти х...и с собой. Побывала в гостях до вечера, и стало ей скучно: собирается домой. Тут зачали ее упрашивать, чтоб осталась переночевать.

— Никак невозможно, — говорит барыня, — я позабыла дома одну секретную штуку, без которой мне не заснуть!

— Да коли хотите, — отвечают ей хозяева, — мы пошлем за нею хорошего, надежного человека, чтоб привез ее в целости.

Барыня согласилась. Сейчас нарядили лакея, чтоб оседлал доброго коня, ехал в барынин дом и привез такую-то вещь.

— Спроси, — рассказывает барыня, — у моей горничной, уж она знает, где эта штука спрятана.

Вот лакей приехал, горничная вынесла ему два х...я, оба завернуты в бумагу, и отдала. Лакей положил их в задний карман, сел верхом и поехал назад. Пришлось ему по дороге въезжать на гору, а лошадь была ленивая, и только что он начал понукать ее: «Но-но» — как они выскочили оба и ну его зажаривать в ж...пу, холуй ажно испугался! Что за чудо такое, откуда они, проклятые, взялись? При-

шло холую хоть до слез, не знает, как и быть! Да стала лошадь с горы спускаться прытко, так он закричал на нее: «Тпрру!» Х...и сейчас из жопы и повыскакивали вон. Вот он подобрал их, завернул в бумагу, привез и подает барыне.

— Что, благополучно? — спрашивает барыня.

— Да ну их к черту, — говорит холуй, — коли б на дороге да не гора, они зае...ли бы меня до двора!

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

а) В некотором царстве, в некотором государстве жили-были три брата крестьянина. Повздорили меж собой и стали делиться. Поделили имение не поровну, старшим досталось много, а третьему по жребияу пришлось мало. Все они трое были холостые; сошлись вместе на дворе и говорят промеж себя:

— Пора-де нам жениться.

— Вам хорошо, — говорит меньшей брат, — вы богаты и у богатых сосватались, а мне-то что делать? Я беден, нет у меня ни полена, только и богатства что х...й по колена!

В то самое время проходила мимо купеческая дочь, подслушала этот разговор и думает себе: «Ах, кабы мне попасть замуж за этого молодца, у него х...й-то по колена!»

Вот старшие братья поженились, а меньшей ходит холостой. А купеческая дочь как пришла домой, только на разуме и держит, чтобы выйти за него замуж. Сватали ее разные богатые купцы, только не выходит за них.

— Ни за кого, — говорит, — не пойду замуж, окромя такого-то молодца.

Отец и мать ее уговаривают:

— Что ты, дура, задумала? Опомнись! Как можно идти за бедного мужика?

Она отвечает:

— Нужды вам нет до этого, не вам с ним жить!

Вот купеческая дочь подговорила себе сваху и послала к тому парню, чтоб непременно шел ее сватать. Пришла к нему сваха и говорит:

— Послушай, голубчик! Ты что зеваешь? Ступай сватать купеческую дочь, она давно тебя поджидает и с радостью за тебя пойдет.

Молодец сейчас собрался, надел новый армяк, взял новую шапку и пошел прямо на двор к купцу сватать за себя его дочь. Как увидела его купеческая дочь и узнала, что это подлинно тот самый, у которого х...й по колена, не стала и разговаривать, начала просить отца, матери их родительского навеки нерушимого благословения. Легла она спать с мужем первую ночь и видит, что у него ху...шка так себе, меньше перста.

— Ах ты подлец! — закричала на него. — Ты хвастался, что у тебя х...й по колена. Где же ты его дел?

— Ах, жена, сударыня, вить ты знаешь, что я холостым был очень беден, как стал собираться играть свадьбу — денег у меня не было, не на что было подняться, я и отдал свой х...й под заклад.

— А за сколько ты его заложил?

— Не за много, всего за пятьдесят рублей.

— Ну хорошо же, завтра пойду я к матушке, выпрошу денег, и ты непременно выкупи свой х...й, а не выкупишь — и домой не ходи!

Дождалась утра и сейчас побежала к матери и говорит:

— Сделай милость, матушка, дай мне пятьдесят рублей, очень нужно!

— Да скажи, на что нужно-то?

— А вот, матушка, для чего; у моего мужа был х...й по колена, да как стали мы играть свадьбу, ему, бедному, не на что было подняться, он и заложил его за пятьдесят рублей. Теперича у моего мужа ху...шка так себе, меньше перста, так непременно надо выкупить его старый х...й!

Мать, видя такую нужду, вынула пятьдесят рублей и отдала дочери. Та прибегает домой, отдает деньги мужу и говорит:

— Ну, ты теперича беги как можно скорей, выкупи свой старый х...й, пускай чужие люди им не пользуются!

Взял молодец деньги и пошел с очей долой; идет и думает: «Куда мне теперича деваться? Где такого х...я жене достать? Пойду куда глаза глядят».

Шел он близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль и повстречал старуху.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, добрый человек! Куда путь держишь?

— Ах, бабушка, коли б ты знала, ведала мое горе, куда я иду!

— Скажи, голубчик, твое горе, может, я твоему горю и пособию.

— Сказать-то стыдно!

— Небось не стыдись, а говори смело.

— А вот, бабушка, похвастался я, что у меня х...й по колена, услышала эти речи купеческая дочь и вышла за меня замуж, да как ночевала со мной первую ночку и увидела, что ху...шка мой так себе, менее перста, она заартачилась, стала спрашивать: «Куда девал большой х...й?» А я сказал ей, что заложил, дескать, за пятьдесят рублей. Вот она дала мне эти деньги и сказала, чтоб непременно его выкупил; а коли не выкуплю, чтоб и домой не показывался. Не знаю, что моей головушке и делать-то!

Старуха говорит:

— Отдай мне свои деньги, я пособию твоему горю.

Он сейчас вынул и отдал ей все пятьдесят рублей, а старуха дала ему кольцо.

— На, — говорит, — возьми это кольцо, надевай только на один ноготок.

Парень взял кольцо и надел; как надел на ноготок — х...й у него сразу сделался на локоток.

— Ну что, — спросила старуха, — будет твой х...й по колена?

— Да, бабушка, еще хватил пониже колен.

— Ну-ка, голубчик, надвинь кольцо на целый перст.

Он надвинул кольцо на целый перст — у него вытянулся х...й на семь верст.

— Эх, бабушка, куда ж я его дену? Вить мне с ним беда будет!

А старуха:

— Надвинь кольцо опять на ноготок — будет с локоток. Теперича с тебя довольно! Смотри ж, всегда надевай кольцо только на один ноготок.

Он поблагодарил старуху и пошел назад домой. Идет и радуется, что не с пустыми руками явится к жене. Шел, шел, и захотелось ему поест. Своротил он в сторону и сел неподалеку от дороги около репейника, вынул из котомки сухариков, размочил в воде и закусил. Захотелось отдохнуть ему; он тут же лег вверх брюхом и любитесь кольцом. Надвинул на ноготь — х...й поднялся вверх на локоть, надвинул на целый перст — х...й поднялся на семь верст, снял кольцо и стал ху...шка маленьким по-прежнему да по-ста-

рому. Смотрел-смотрел на кольцо, да так и заснул, а кольцо позабыл спрятать, осталось у него на груди. Проезжал мимо в коляске один барин с женою и увидал: спит неподалеку мужик, а на груди у него светится кольцо, как жар горит на солнце. Остановил барин лошадей и говорит лакею:

— Поди к этому мужику, возьми кольцо и принеси ко мне.

Лакей сейчас побежал и принес кольцо барину. Вот они и поехали дальше. А барин любит колючку.

— Посмотри, душенька, — говорит своей жене, — какое славное кольцо. Дай-ка я надену его.

И сразу надвинул на целый перст — у него х...й вытянулся, спихнул кучера с козел и прямо потрогал кобылу под хвост. Кобылу пихает да коляску вперед подвигает. Видит барыня, что беда, крепко перепугалась и кричит громким голосом на лакея:

— Беги скорей назад, к мужику, тащи его сюда!

Лакей бросился к мужику, разбудил его и говорит:

— Иди, мужичок, скорее к барину.

А мужик кольцо ищет.

— Мать твою так, ты кольцо взял?

— Не ищи, — говорит лакей, — иди к барину, кольцо у него, оно, брат, много хлопот нам наделало.

Мужик побежал к коляске, барин просит его:

— Прости меня, пособи моему горю!

— А что дашь, барин?

— Вот тебе сто рублей.

— Давай двести, так пособию!

Барин вынул двести рублей, мужик взял деньги да стащил у барина с руки кольцо — х...я как не бывало, остался у барина его старый ху...шка, барин уехал, а мужик пошел со своим кольцом домой.

Увидела его жена в окошечко, выбежала навстречу.

— Ну что, — спрашивает, — выкупил?

— Выкупил!

— Ну покажь!

— Ступай в избу, не на дворе же тебе показывать.

Вошли в избу, жена только и твердит:

— Покажь да покажь.

Он надвинул кольцо на ноготь, стал х...й у него с локоть: вынимает из порток и говорит:

— Смотри, жена.

Она зачала его целовать.

— Вот муженек! Пускай лучше эдакое добро при нас будет, чем в чужих людях. Давай-ка поскорее пообедаем, ляжем, попробуем!

Сейчас наставила на стол разных кушаньев и напитков поить да кормить его. Поит да кормит его. Пообедали и пошли отдыхать.

Как пробрал он жену своим х...ем, так она целых три дня под подол себе засматривала, все ей мерещится, что промеж ног торчит!

Пошла она к матери в гости, а муж тем временем вышел в сад и лег под яблоней.

— Что же, — спрашивает мать у дочери, — выкупили х...й-то?

— Выкупили, матушка!

Вот купчиха только о том и думает, как бы ухитриться сбегать к зятю, покудова дочь здесь, да попробовать его большого х...я. Дочь-то заговорила, а теща-то и удрала к зятю, прибежала в сад, смотрит — а зять спит себе, кольцо у него надето на ноготок — х...й стоит с локоток.

«Дай-ка я тепереча залезу к нему на х...й», — думает теща, влезла и давай на х...ю покачиваться, вот на ту беду надвинулось как-то кольцо у сонного зятя на целый перст, и потащил х...й тещу вверх на семь верст.

Дочь видит, что мать куда-то ушла, догадалась и бросилась домой, в избу — нет никого, она в сад — смотрит — муж спит, его х...й высоко торчит, а наверху чуть-чуть видно тещу. Как ветром поддаст — она так и завертится на х...е, словно на рожне. Что делать, как матушку с х...я снять? Набежало на то место народу видимо-невидимо, стали ухитряться да раздумывать. Одни говорят:

— Больше нечего делать, как взять топор да х...й подрубить.

А другие говорят:

— Нет, это не годится! За что две души погубить: как срубим х...й, ведь баба на землю упадет — убьется. Лучше миром помолиться, авось каким чудом старуха с х...я свалится!

На ту пору проснулся зять, увидел, что у него кольцо надето на весь перст, а х...й торчит к небу на семь верст, и крепко прижал его самого к земле, так, что и повернуться на другой бок нельзя! Начал потихоньку кольцо с пальца сдвигать, стал у него х...й убывать. Сдвинул на ноготь — стал х...й с локоть, и видит зять, что на х...е теща торчит.

— Ты, матушка, как сюда попала?

— Прости, зятюшко, больше не стану!

б) Был-жил портной, у него было такое волшебное кольцо: как наденешь на палец, так х...й вырастет! Случилось ему работать у одной барыни, а он был такой весельчак да шутник: когда спать ложился, никогда своего х...я не закрывал. Вот эта барыня увидела, что у него х...й очень велик, позадорилась на эдакую сбрую и позвала его к себе.

— Послушай, — говорит, — согласишься сделать со мной грех, хоть один раз.

— Отчего не так, барыня! Только с уговором: чур не пе...деть! А если упе...днешься, то с тебя триста рублей!

— Хорошо, — сказала барыня. Легли они, вот барыня всячески старается, чтобы как

можно под портным не ус...аться, и приказа-
ла своей горничной девке приготовить боль-
шую луковицу и заткнуть ей ж...пу и покреп-
че придерживать обеими руками. Воткнула
барыне в ж...пу луковицу и стала придержи-
вать; а портной как взобрался на нее, как на-
пер — куда к еб...ной матери и луковица вы-
летела, да прямо в горничную, так ее до смер-
ти и убила! Пропало у барыни триста рублей.
Взял портной деньги и пошел домой. Шел,
шел, долго ли, коротко ли, и лег в поле отдох-
нуть, надел на палец свое кольцо — у него х...й
и протянулся на целую версту, лежал-лежал
да так и заснул. Откуда ни возьмись семь вол-
ков, стали х...й глотать, одной плечи не съе-
ли — и то сыты наелись. Проснулся порт-
ной — будто мухи кляп покусали. Снял с руки
кольцо, спрятал в карман и пошел в путь-до-
рогу. Шел-шел и зашел ночевать к одному
мужику, а у того мужика была жена молодая,
до больших х...ев великая охотница. Лег пор-
тной спать на дворе и выставил х...й наружу.
Увидала мужикова жена: как ухитриться?
Подошла, заворотила подол и наставила чу-
жой х...й в свою пи...ду. Портной видит —
дело ладно, стал потихоньку кольцо на палец
надевать — стал у него х...й больше да боль-
ше вырастать, поднял ее на целую версту.
Пришлось бабе не до е...ли, уцепилась за х...й
обеими руками. Увидали добрые люди, сосе-
ди, знакомые, что баба на х...ю торчит.

— Давай молебен служить, обое целы будут!
Стал портной помаленьку снимать с руки
кольцо, х...й понизился, баба свалилася.
— Ну, нена...бная пи...да! Смерть бы твоя
была, коли б х...й подрубили.

РАЗЗАДОРЁННАЯ БАРЫНЯ

В некотором царстве, в некотором государ-
стве жил богатый мужик, у него был сын по
имени Иван.

— Что ты, сынок, ничем не займешься? —
говорит ему отец.

— Еще поспею! Дай-ка мне сто рублей де-
нег да благослови на промысел.

Дал ему отец сто рублей денег. Пошел
Иван в город. Идет мимо господского двора и
увидал в саду барыню: очень из себя хороша!
Остановился и смотрит сквозь решетку.

— Что ты, молодец, стоишь? — спросила
барыня.

— На тебя, барыня, засмотрелся! Уж боль-
но ты хороша! Коли б ты мне показала свои
ноги по щиколотки, отдал бы тебе сто рублей!

— Отчего не показать! На, смотри, — ска-
зала барыня и приподняла свое платье. Отдал
он ей сто рублей и воротился домой.

— Ну, сынок, — спрашивает отец, — каким
товаром занялся? Что сделал на сто рублей?

— Купил место да лесу для лавки. Дай еще

двести рублей, надо заплатить плотникам за работу.

Отец дал ему денег, а сын опять пришел и стоит у того же сада. Барыня увидела и спрашивает:

— Зачем, молодец, опять пришел?

— Пусти меня, барыня, в сад да покажи свои коленки, отдам тебе двести рублей.

Она пустила его в сад, приподняла подол и показала свои коленки. Парень ей отдал деньги, поклонился и воротился домой.

— Что, сынок, устроился?

— Устроился, батюшка, дай мне триста рублей, я товару накуплю.

Отец дал ему триста рублей. А сын сейчас отправился к барынину саду. Стоит и глядит сквозь решетку.

А отец думает: «Дай-ка схожу, посмотрю на его торговлю».

Пошел за ним следом и посматривает.

— Зачем, молодец, опять пришел? — спросила барыня.

Парень отвечал ей:

— Не во гнев тебе, барыня, сказать, позволь поводить мне х...ем по твоей пи...де, я за то дам тебе триста рублей.

— Пожалуй.

Пустила в сад, взяла деньги и легла на траву: а парень скинул портки и стал ее х...ем по губам поваживать и так раззадорил, что барыня сама просит:

— Ткни в серединку! Пожалуйста, ткни!

А парень не хочет:

— Я просил только по губам поводить.

— Я отдам тебе назад все твои деньги, — говорит барыня.

— Не надо!

А сам все знай поваживает по губам-то.

— Я у тебя шестьсот взяла, а отдам тысячу двести, только ткни в серединку!

Отец глядел-глядел, не вытерпел и закричал из-за решетки:

— Бери, сынок, копейка на копейку хороший барыш!

Барыня услышала да как вырвется и убежала. Остался парень без копейки и заругался на отца:

— Кто просил тебя кричать-то, старый хрен!

ПО-СОБАЧЬИ

В некотором царстве жил-был дворянин, у него была дочь-красавица. Пошла она как-то погулять, а лакей идет за ней позади да думает: «Экая ловкая штука! Ничего б, кажись, не желал в свете, только б отработать ее хоть один разок, тогда б и помирать не страшно было!»

Думал, думал, не вытерпел и сказал потихоньку:

— Ах, прекрасная барышня, шаркнул бы тебя хоть по-собачьи!

Барыня услышала эти слова и, как воротилась домой, дождалась ночи и позвала к себе лакея.

— Признавайся, мерзавец, — говорит ему, — что ты говорил, как я гулять ходила?

— Виноват, сударыня! Так-то и так-то говорил.

— Ну, коли хотел, так и делай сейчас по-собачьи, не то все папеньке расскажу...

Вот барыня заворотила подол, встала посреди горницы раком и говорит лакею:

— Нагибайся да нюхай, как собаки делают. Холуй нагнулся и понюхал.

— Ну, теперича языком лизни, как собаки лижут.

Лакей лизнул раз, и два, и три раза.

— Ну, теперь бегай вокруг меня!

Начал он кругом барышни бегать, обежал разов десяток, да опять пришлось нюхать и лизать ее языком. Что делать? Морщится да нюхает, плюет да лижет.

— Ну, теперича на первый раз будет, — сказала барышня, — ступай, ложись себе спать, а завтра вечером опять приходи.

На другой день вечером опять барышня позвала к себе лакея.

— Что ж ты, мерзавец, сам не идешь? Не всякий же день за тобой посылать? Сам знай свое дело!

Сейчас заворотила подол и встала раком, а лакей стал ей под ж...пою нюхать и языком в пи...де лизать. Обежит кругом ее разов десять да опять нюхает да полижет. Эдак долгое время угощала его барышня, да потом сжалилась, легла на постель, заворотила подол спереди, дала ему разок поеть и простила всю вину. Лакей отработал да и думает: «Ну ничего, хоть и полизал, да свое взял».

ДВЕ ЖЕНЫ

Жили-были два купца, оба женатые, и жили они промеж себя дружно и любовно. Вот один купец и говорит:

— Послушай, брат, давай сделаем пробу, чья жена лучше мужа любит.

— Давай, да как пробу-то сделать?

— А вот как: соберемся-ка да поедем на Марьевскую ярмарку, и которая жена лучше станет плакать, та больше и мужа любит.

Вот собрались в путь, стали их провожать жены. Одна плачет, так и разливается. А другая прощается, и сама смеется. Поехали купцы на ярмарку, отъехали эдак верст пятьдесят и разговорились между собой.

— Ишь как тебя жена-то любит, — говорит один, — как она плакала-то на прощанье, а моя стала прощаться, а сама смеется!

А другой говорит:

— Вот что, брат, теперь нас жены проводили, воротимся-ка назад, таким образом да посмотрим, что наши жены без нас делают.

— Хорошо.

Воротились к ночи и вошли в город пешие, подходят наперед к избе того купца, у которого жена на прощанье горько плакала, смотрят в окно, она сидит себе с любовником и гуляет. Любовник наливает стакан водки, сам выпивает и ей подносит:

— На, милая, выпей!

Она выпила и говорит:

— Друг ты мой любезный, теперь я твоя.

— Вот какие пустяки: вся моя! Есть чего-нибудь и мужнино!

Она оборотилась к нему ж...пою и говорит:

— Вот ему, бл...дскому сыну, — одна ж...па!

Потом пошли купцы к той жене, которая не плакала, а смеялась. Пришли под окошко и смотрят: перед иконами горит лампадка, а она стоит на коленях и усердно молится да приговаривает:

— Подаждь, Господи, моему сожителю в пути всякого возвращения!

— Ну вот, — говорит один купец другому, — теперь поедем торговать.

Поехали на ярмарку и торговали очень хорошо, такая задача в торговле была, какой никогда не бывало! Пора уж и домой. Стали собираться назад и вздумали купить своим

женам по гостинцу. Один купец, у которого жена Богу молилась, купил ей славной парчи на шубку, а другой купил жене парчи только на одну ж...пу.

— Ведь моя одна ж...па! Так только мне пол-аршина и надобно: я свою ж...пу не хочу паскудить.

Приехали и отдали женам гостинцы.

— Что ж ты купил эдакой лоскут? — говорит жена с сердцем.

— А ты вспомни, бл...дь, как ты сидела с любовником и говорила, что моя только ж...па, ну я свою часть и снарядил! Нашей парчу на ж...пу да и носи!

СТЫДЛИВАЯ БАРЫНЯ

Была-жила молодая барыня, много перебывало у нее лакеев, и все казались ей похабными, и она прогоняла их от себя. Вот один молодец и сказал:

— Дай-ка я пойду, к ней наймусь!

Пришел наниматься.

— Смотри, голубчик, — говорит барыня, — я не пожалею денег, только с тем условием, чтоб ты не говорил ничего похабного!

— Как можно говорить похабное.

В одно время поехала барыня в свою вотчину, стала подъезжать к деревне, смотрит: ходит стадо свиней, и один боров взлез на

свинью. И так его с той работы припирало, что изо рта пена клубом валит. Барыня и спрашивает лакея:

— Послушай!

— Чего изволите, сударыня?

— Что это такое?

Лакей был не промах.

— А это, — говорит, — вот что: под низом, должно быть, какая-нибудь родня — сестра или тетка, а наверху-то брат или племянник; он крепко нездоров, вот она и тащит его домой на себе.

— Да, да, это точно так! — сказала барыня и засмеялась.

Ехали-ехали, ходит другое стадо, и один бык взлез на корову.

— Ну, а это что такое? — спросила барыня.

— А это вот что: у коровы-то сила плохая и прокормиться не сможет, кругом себя корм объела и траву общипала, вот бык и попикивает ее на свежую травку.

Барыня опять засмеялась:

— Это точно так!

Ехали-ехали, ходит табун лошадей, и один жеребец взлез на кобылу.

— А это что такое?

— А вон, сударыня, изволите видеть, за лесом-то дым, должно быть, горит что-нибудь; так жеребец и взлез на кобылу пожар поглядеть.

— Да, да, это правда, — сказала барыня, а сама-то смеется, так и заливается.

Опять ехали-ехали и приехали к реке. Барыня и вздумала купаться, велела остановиться и начала раздеваться, да и полезла в воду. А лакей стоит да смотрит.

— Если хочешь со мною купаться — раздевайся скорее!

Лакей разделся и полез купаться. Она увидела у него тот струмент, которым делают живых людей, затряслась от радости и стала спрашивать:

— Посмотри, что это у меня? — А сама на дыру показывает.

— Это колодезь, — говорит лакей.

— Да, это правда! А у тебя что такое висит?

— Это конь называется.

— А что, он у тебя пьет?

— Пьет, сударыня; нельзя ли попоить в вашем колодезе?

— Ну, пусти его, да чтоб он сверху напился, а глубоко его не пускай!

Лакей пустил своего коня к барыне и стал ее раззадоривать. Стало ее разбирать, стала она приказывать:

— Пущай его дальше, пущай его дальше, чтобы хорошенько напился.

Вот тут-то он натешился: насилу оба из воды вылезли.

ДОБРЫЙ ОТЕЦ

В одной деревне жил веселый старик. У него были две дочери — хорошие девицы. Знали их подруги и привычны были к ним на поседки сходиться. А старичок сам был до девок лаком, завсегда по ночам, как только они уснут, так и полезет щупать, и какой подол ни заворотит, ту и отработает; а дёвка все молчит, такое уж заведение было. Ну, мудреного нет, таким образом, может, он и всех-то девок перепробовал, кроме своих дочерей. Вот и случилось, в один вечер много сошлось к ним в избу девок, пряли и веселились, да потом разошлись все по домам: той сказано молотить рано поутру, другой мать ночевать наказала дома, у третьей отец хворает. Так все и разошлись. А старик храпел себе на полатах и ужин проспал, и не видал, как девки-то ушли. Проснулся ночью, слез с полатей и пошел ощупывать девок по лавкам, и таки нашупал на казенке большую дочь, заворотил ей подол и порядком-таки отмахал, а она — спрсонок-то отцу родному подмахнула. Встает поутру старик и спрашивает свою хозяйку:

— А что, старуха, рано ли ушли от нас ночевщицы?

— Какие ночевщицы? Девки еще с вечера — все по дворам ушли.

— Что ты врешь! А кого же я на казенке дячил?

— Кого? Вестимо кого, знать, большую дочуху.

Старик засмеялся и говорит:

— Ох, мать ее растак!

— Что, старый черт, ругаешься?

— Молчи, старая кочерга! Я на дочку-то смеюся, ведь она лихо подье...ать умеет.

А меньшая дочь сидит на лавке да обертывает онучею ногу, хочет лапоть надевать, подняла ногу и говорит:

— Ведь ей стыдно не подье...ать-то, люди говорят: девятнадцатый год!

— Да, правда, евто ваше ремесло!

СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП РОДИЛ ТЕЛЕНКА

Были-жили поп да попадья. У них был казак (т. е. батрак) Ванька, только житье у них казаку было не очень-то хорошее, больно скупа попадья была. Вот однажды поехал поп с казаком по сено верст за десять. Приехали, наклали воза два. Вдруг пришло к сену стадо коров. Поп схватил хворостинку и давай за ними бегать, прогнал коров и воротился к казаку весь в поту. Тотчас вместе dokonчили работу и поехали домой. Было темно.

— Ванька, — сказал поп, — не лучше ли нам ночевать в деревне, хоть у Гвоздя, он мужик добрый, да у него и двор-то крытой.

— Хорошо, батюшка, — отвечал Ванька.

Приехали в деревню, выпросились ночевать у того мужика. Казак вошел в избу, помолился Богу, поклонился хозяину и сказал:

— Смотри, хозяин, когда станешь садиться ужинать, то скажи: «Садитесь все крещеные», а если скажешь попу: «Садись, отец духовный!», то он рассердится на тебя и не сядет ужинать: он не любит, когда его так называют.

Поп выпряг лошадей и пришел в избу, тут хозяин велел жене собрать на стол и, когда все было готово, сказал:

— Садитесь, все крещеные, ужинать!

Все сели, кроме попа, он сидел на лавочке да подумывал, что его хозяин особенно просить станет, а то не сбылось. Отужинали. Хозяин и спросил попа:

— Что, отец Михаил, не садился с нами ужинать?

А поп отвечал:

— Мне не хочется есть.

Стали ложиться спать. Хозяин отвел попа и его казака в скотницу, потому что в ней было теплее, чем в избе, поп лег на печь, а казак на полати. Ванька сейчас уснул, а поп все думает, как бы найти что-нибудь поесть. А в скотной ничего не было, окромя квашни с раствором. Поп стал будить казака.

— Что, батюшка, надобно?

— Казак, мне есть хочется.

— Ну, так что не ешь, в квашне тот же хлеб, что и на столе, — сказал Ванька и сошел с полатей, наклонил квашню и говорит:

— Будет с тебя!

Поп начал лакать из квашни, а Ванька как будто невзначай толкнул ее и облил попа раствором. Поп, налакавшись досыта, лег опять и скоро заснул. В это время отелилась на дворе корова и стала мычать, хозяйка услышала, вышла на двор, взяла теленка, принесла в скотную, пихнула его на печь к попу, а сама ушла. Поп проснулся ночью, слышит: кто-то лижет его языком, схватил рукою теленка и стал будить казака.

— Что опять понадобилось? — сказал Ванька.

А поп:

— Ванька, ведь у меня на печи теленок, и не знаю, откуда он явился.

— Вот еще что выдумал! Сам родил теленка да и говорит: не знаю, откуда взялся.

— Да как же это так могло случиться? — спрашивает поп.

— А вот как: помнишь, батюшка, как мы сено клали, мало ли ты бегал за коровами! Вот теперь и родил теленка.

— Ванька, как бы сделать, чтобы попадья не узнала?

— Давай триста рублей, все сделаю, никто не узнает!

Поп согласился.

— Смотри же, — говорит казак попу, — ступай теперь тихонько домой да надень вместо сапогов мои липовки.

Только что ушел поп, казак тотчас к хозяину:

— Ах вы ослы, ведь не знаете того, что теленок попа съел, оставил только одни сапоги, ступайте — посмотрите.

Напуганный мужик обещал казаку триста рублей, чтобы обделал дело так, чтобы никто про это не узнал. Ванька все обещал сделать, взял деньги, сел на лошадь и поскакал за попом. Нагнал его и говорит:

— Батюшка! Теленка-то хозяин хочет привезти к попадье да сказать, что ты его родил!

Поп еще больше испугался и набавил Ваньке сотнягу: только обделай все тихонько.

— Ступай себе, все сделаю, — сказал казак и поехал опять к мужику.

— Ведь попадья сойдет с ума без попа, тебе худо будет!

Этот простофиля дал казаку еще сотнягу:

— Только обмани попадью да никому не рассказывай!

— Хорошо, хорошо, — сказал казак, приехал на погост, содрал с попа денежки, отошел от него, женился и стал себе поживать да добра наживать.

ПОП И ЗАПАДНЯ

В одной деревне был мужик, промыслом мясник: бил он скотину да продавал говядину, а мясо хранил в сарае. Только в этом сарае было окно, и повадились туда лазить собаки и кошки таскать мясо. Вот мужик и поставил в окне капкан: прибежала попова собака и попала в капкан, да подохла. Жалко попу собаки, да делать нечего, купил другую и боится:

— Как бы и эта не пропала.

Думал-думал, как бы пособить горю да насмеяться над мужиком, и надумался: пришел к сараю, скинул штаны, влез в окно и ну срать в капкан, а капкан как спустится да как схватит попу за м...де — закричал он благим матом. Прибежал мужик.

— Ах, мать твою разэдак, какой черт тебя сюда занес? Уж и впрямь дурья порода!

Сбежался народ, кое-как отцепили попу, а он тут же издох, так и повалился!

ПОП, ПОПАДЬЯ, ПОПОВНА И БАТРАК

Собрался поп нанимать себе работника, а попадья ему приказывает:

— Смотри, поп, не нанимай похабника: у нас дочь невеста!

— Хорошо, мать! Не найму похабника.

Поехал поп, едет себе путем-дорогою, вдруг попадаетея ему навстречу молодой парень, идет пешком-шажком.

— Здравствуй, батька!

— Здравствуй, свет! Куда Бог несет?

— Хочу, батька, в работники наниматься.

— А я, свет, еду искать работника, наймись ко мне.

— Изволь, батька!

— Только с тем уговором, свет, чтобы по-соромски не ругаться.

— Я, батька, отродясь не слыхивал, как и ругаются-то!

— Ну, садись со мной: мне такого и надо.

А поп ехал на кобыле: вот он поднял ей хвост и указывает кнутовищем на пи...ду.

— А это, свет, что?

— Пи...да, батька!

— Ну, свет, мне эдаких похабников не надо, ступай куда хошь.

Парень видит, что дал маху, делать нечего, слез с телеги и стал раздумывать, как бы ухитриться да надуть попу. Вот он обогнал попу стороною, забежал вперед, шубу свою выворотил и опять идет навстречу.

— Здравствуй, батька!

— Здравствуй, свет! Куда Бог несет?

— Да вот, батька, иду наниматься в работники.

— А я, свет, ищу себе работника, иди ко

мне жить, только с уговором: не ругаться по-соромски: кто из нас выругается по-соромски, с того сто рублей! Хочешь?

— Изволь, батька, я и сам терпеть не могу таких ругателей!

— Ну хорошо! Садись, свет, со мною.

Парень сел, и поехали вместе в деревню. Вот поп отъехал маленько, поднял у кобылы хвост и показывает кнутовищем на пи...ду:

— Это, свет, что такое?

— Это тюрьма, батька!

— Аи свет, я такого и искал себе работника.

Приехал поп домой, вошел с батраком в избу, задрал у попадьи подол, показывает на пи...ду пальцем:

— А это что, свет?

— Не знаю, батюшка! Я сроду не видывал такой страсти!

— Не робей, свет! Это тоже тюрьма.

Потом кликнул свою дочь, заворотил ей подол, показывает на пи...ду.

— А это что?

— Тюрьма, батюшка!

— Нет, свет, это подтюрюмок.

Поужинали и легли спать: батрак влез на печь, собрал поповы носки, надел их на х...й обеими руками и закричал во все горло:

— Батька, я вора поймал! Дуй скорей огня.

Поп вскочил, бегае по избе, словно бешеный.

— Не пускай, держи его! — кричит батраку.

— Небось не вывернется!

Поп вздул огонь, полез на печь и видит: батрак держится руками за х...й, а на х...ю надеты носки.

— Вот он, батюшка, вишь все носки твои заграбастал; надо наказать его, мошенника!

— Что ты, с ума, что ли, спятил? — спрашивает поп.

— Нет, батька, я не люблю вора́м потачку давать; вставай, мать, давай его, мошенника, в тюрьму сажать.

Попадья встала, а батрак ей:

— Становись-ка скорей раком!

Делать нечего, встала попадья раком, батрак и зачал ее осаживать. Поп видит, дело плохо, и говорит:

— Что ты, свет, делаешь? Ведь ты еб...шь!

— А, батька! Уговор-то был по-соромски не ругаться: заплати-ка сто рублей!

Пришлось попу раскошелиться, а работник отъ...б попадью, держит х...й в руках да свое кричит:

— Этого тебе, каналья, мало, что в тюрьме сидел, еще в подтюрьмок посажу тебя! Ну-ка, голубушка, — говорит поповне, — отворяй подтюрьмок!

Поставил и ее раком да зачал осаживать по-своему. Попадья накинута на попа:

— Что ты смотришь, батька! Ведь он дочь нашу еб...т!

— Молчи, — говорит ей поп, — за тебя заплатил сто рублей, не прикажешь ли заплатить и за нее столько же! Нет, пускай делает, что хочет, а я ничего говорить не стану!

Отработал батрак поповну как нельзя лучше. Тут поп и прогнал его из дому.

ПОРОСЁНОК

Жил-был в одном селе поп, толоконный лоб, у него была дочка, да такая уродилась прекрасная, что любо-дорого посмотреть. Вот и нанял поп себе батрака: детина ухарской! Живет у попа месяц, и другой, и третий. На ту пору у богатого мужика на деревне родила баба: приехал мужик и зовет попа окрестить младенца:

— Да, милости просим, батюшка, пожалуйте вместе с матушкой, не оставьте!

А поповская порода на чужое добро лакома, за чужим угощением обос...аться рада. Вот поп запряг кобылу и уехал с попадьею на крестины, а батрак остался дома вместе с поповною. Захотелось батраку есть, а в печито у попадьи было припасено два жареных поросенка.

— Послушай, что я скажу, — стал говорить он поповне, — давай съедим этих поросят, вить попа с попадьею дома нету!

— И то давай!

Он сейчас достал одного поросенка и съели его вдвоем.

— А другого, — говорит он поповне, — я спрячу тебе под подол, чтоб наши не нашли, да после сами и съедим! А когда поп с попадьей спросят про поросят — заодно скажем, что кошка съела!

— Да как же ты под подол спрячешь?

— Уж не твое дело! Я знаю как.

— Ну хорошо, спрячь!

Он велел ей нагнуться (встать раком), поднял подол да и давай прятать своего сырого ей в пи...ду.

— Ах, как хорошо ты прячешь! — говорит поповна. — Да как же я его оттуда выну?

— Ничего, помани только овсом, он и сам выйдет!

Таким манером уважил ее батрак так славно, что она сразу и сделалась беременною. Стало у ней брюхо расти, стала она поминутно на двор бегать: у нее в брюхе шевелится-то ребенок, а она думает — поросенок. Выбежит на крыльцо, поднимет ногу, а сама сыплет на пол овес да манит:

— Чух, чух, чух! — Авось выйдет.

Раз как-то она и говорит батраку:

— Знаешь что? Вить тот поросенок, что ты тогда схоронил ко мне, у меня в брюхе ожил?

— И впрямь?

— Ей-богу! Так и шевелится.

— Ну, его пирогами можно вымануть!

Вот поповна взяла конец пирога, пошла в сарай к телеге, подняла левую ногу на колесо и кричит:

— Чух, чух, чух!..

Увидел это поп и стал с попадьей думать: «Ведь непременно дочь-то брюхата, давай-ка спросим у нее, с кем ее лукавый стрёс?»

Призвали дочку.

— Аннушка, подь сюда! Что это с тобой? Отчего ты очижелела (отяжелела)?

Она смотрит в оба и молчит.

«Что такое, — думает, — меня спрашивают?»

— Ну скажи же, отчего ты забрюхатила?

Поповна молчит.

— Да говори же, глупая! Отчего у тебя пузо велико?

— Ах, маменька, ведь у меня в животе поросенок, мне его батрак засадил!

Тут поп ударил себя в лоб, кинулся за батраком, а того и след давно простыл.

ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ

Пришел Великий пост: надо мужику итить на исповедь к попу. Завернул он в кулек березовое полено, обвязал его веревкою и пошел к попу.

— Ну говори, свет, в чем согрешил? А это у тебя что такое?

— Это, батюшка, белая рыбица, тебе на поклон принес!

— Ну, это дело хорошее! Чай, замерзла?

— Замерзла, все на погребке лежала.

— Ну, когда-нибудь растает!

— Я пришел, батюшка, покаяться: раз стоял на обедне да б...днул.

— Что это за грех? Я и сам один раз в алтаре пе...днул. Это ничего, свет! Ступай с Богом.

Тут начал поп развязывать кулек, смотрит, а там березовое полено.

— Ах ты, б...дун проклятый! Где ж белорыбица-то?

— Х...я не хочешь ли, пе...дун эдакой.

ПОП И МУЖИК

а) В некотором царстве, в некотором государстве, а по правде сказать, в том, где мы живем, был-жил мужик, у него была молодая жена; вот муж-то пошел на заработки, а жена осталась дома беременная. А попу давно она приглянулась. И хочется ему, как бы умудриться да мужику в карман на...ть. Дождался он, пришла к нему баба на исповедь.

— Здравствуй, Марья, — говорит поп, — где твой муж теперь?

— Пошел на работу, батюшка!

— Ах он мошенник! Как же он тебя-то

оставил? Ведь он заклал тебе ребенка, да не доделал! Родишь теперь какого-нибудь уродя, безрукого или безногого! И пойдет про тебя худая слава на целый уезд!

Баба была очень проста.

— Что же мне делать, батюшка? Нельзя ли помочь этому горю?

— Похлопотать-то можно, только разве для тебя, а для твоего мужа не в жисть бы не согласился!

— Похлопочите, батюшка! — просит его баба со слезами.

— Ну, так и быть, я тебе ребенка доделаю! Приходи уже вечером к нам в сарай. Я пойду за кормом скотине, тут тебе и исправлю.

— Спасибо, батюшка!

Пришла баба вечером к попу в сарай.

— Ну, ложись, голубушка, хоть на солону.

Легла баба и ноги растопырила: поп отвалил ее разов шесть и говорит:

— Ступай домой с Богом! Теперь все благополучно.

Баба стала попу кланяться да благодарствовать.

Вот воротился домой мужик, а баба сидит и губы надула — такая сердитая.

— Что ты рыло-то воротишь? — спросил мужик. — Смотри, как бы я тебе не утер его!

— Подикась! Твое дело только гадить! Ишь, пошел из дому, а ребенка так и оставил

недоделанным! Спасибо, поп уж смиловался — доделал, а то родила бы тебе урода!

Видит мужик, что поп на...рал ему в карман. Погоди же, думает, и я тебе навалю.

Пришло время, родила баба мальчишку; поехал мужик звать попа на крестины. Собрался поп окрестить младенца и сел за стол да стал попивать водочку.

— Эка славная водка! — говорит поп хозяину. — Ты бы послал кого за попадьей, и она б выпила.

— Я сам пойду за ней, батюшка!

— Поди, свет!

Пришел мужик и зовет попадью.

— Спасибо, что нас не забываешь! Сейчас оденусь, — говорит попадьа. Стала убираться да наряжаться, положила на лавку золотые серьги, а сама принялась умываться; только смочила глаза водою — а мужик взял и спрятал к себе серьги. Умылась попадьа и давай искать серег — нет нигде.

— Не ты ли, мужичок, взял? — спрашивает она у мужика.

— Как можно, матушка! Я хоть и видел, куда они запропастились, да сказать совестно.

— Ничего, сказывай!

— Ты, матушка, на скамью-то села, а пи...да их и съела!

— Нельзя ли как достать их оттудова?

— Пожалуй, для тебя постараюсь!

Заворотил ей подол, запендюрил и начал

валять; отделал раз-другой и вытащил свой кляп и повесил ему на плешь одну сережку.

— Вот достал, матушка!

Слазил на попадью еще раза два, достал и другую серьгу.

— Замучился ты, бедной, да уж потрудишься еще: третьего года пропал у нас медный чугунок, поищи, нет ли его там!

Отработал ее мужик еще раза два:

— Нет, матушка, не достанешь! Чугун-то, он тут, да повернулся дном кверху, зацепить не за что.

Вот, покончивши это дело, пришла попадьа к мужику на крестины да и говорит:

— А ты, батька, чай заждался?

— И то заждался! Тебя, — говорит мужику, — только за смертью посылать!

— Что ты, батька! Вить у меня, было, серьги пропали, я положила их на лавку, да сама-то и села, а пи...да их и съела; спасибо мужику, уж он мне достал!

Поп услышал и надулся, сидит как сыч. Вот тебе, невестка, на отместку!

б) Жил мужик с женою. Только ему пришла нужда ехать в Москву; что делать; жена беременна, а ехать надо.

— Ладно, — говорит он жене. — Я поеду в Москву, а ты живи без меня поскромнее да повоздержаннее.

Сказал и уехал. А дело-то было Великим

постом. Баба говела и пошла к попу на дух. Баба-то собой была хороша. Вот поп ее на духу и спрашивает:

— Отчего у тебя брюхо велико?

— Согрешила, батюшка, жила с мужем, сделалась тяжела, а теперича он в Москву уехал.

— Как в Москву?

— Да, батюшка.

— А долго ль проедит?

— Почти с год.

— Ах он мошенник, заделал ребенка и не доделал, вить это смертной грех! Делать нечего, я твой отец духовной и должен тебе доделать, а за хлопоты принеси-ка три холста!

— Сделай божескую милость, — просит баба, — избавь от смертного греха, доделай, а ему, мошеннику, как приедет с Москвы, все глаза выцарапаю!

— Ну, свет, рад послужить тебе; а то грешно, коли до его приезда станешь носить младенца!

Так дело-то и обделалось.

А поп был женатый, и у него были две дочери; вот он и боится, как бы попадья про его шашни не узнала. Хорошо. Приехал мужик с Москвы, а жена его уж давно родила, только что входит он в избу, баба и напустилась на него:

— Ах, ты сукин сын, мошенник! Наказывал мне жить воздержаннее, а сам у меня

ребенка заделал, да не доделал, так и уехал! Спасибо еще: батюшка-поп мне его доделал, а то что бы я стала делать?

Мужик догадался, что дело не ладно, и говорит себе: «Погоди, я его, долгогривого колухана, обтяпаю!»

Случилось в одно время летом, поп служил обедню, а дом его был подле самой церкви. Мужик собирался ехать в поле на пашню, и понадобилась ему борона, а у попа их было три. Мужик пошел к попу в церковь и стал просить борону. Поп рад всячески ему угодить, чтоб только до попадьи не довел мужик его шашней, боится отказать и говорит:

— Возьми хоть все три!

— Да без тебя, батюшка, не дадут; скричи попадью-то хоть из окошка, чтоб все три дали.

— Хорошо, свет, ступай.

Мужик к попадье пришел и говорит:

— Матушка! Батюшка велел вам всем трем мне дать...

— Что ты, свет, с ума, что ли, сошел?

— Спроси его хоть сама, ведь он мне сейчас приказывал.

Попадья и кричит попу: «Поп! Ты велел нам дать мужику?»

— Да, да, все три дайте!

Делать нечего, стали давать мужику по очереди; он начал с попадьи, а кончил меньшей поповною и воротился домой. Как толь-

ко пришел поп от обедни, попадья и давай его ругать:

— Ах ты, черт, колухан! С ума, что ли, спятил! Всех дочерей перепортил; ну меня одну уж так и быть бы, а то всех трех велел ему отделать.

Поп хватя себя за бороду и побежал к мужику:

— Я тебя в суд потащу, ты моих дочерей перепортил!

— Не сердись, батька! — говорит мужик. — Любил чужих ребят доделывать да еще за труды холстом брал, вот теперь мы с тобой поквитались.

Помирился поп с мужиком и стали жить большими приятелями.

в) Та же интрига в одном варианте выставляется как случившаяся между племянником и дядею, который вздумал доделывать ребенка.

Задумал Иван, как бы дяде Кузьме насмешку отплатить. На ту пору Кузьмы дома не было, оставались одни бабы. Ванька взял веревку, привязал корову за рога и повел вдоль деревни. Увидала из окна тетка и говорит:

— Видно, Ванька-то совсем промотался: последнюю корову повел продавать. Сноха, поди-ка спроси его, куда ведет корову?

Сноха выбежала и спрашивает:

— Куда повел корову?

— Да рассердился на жену, так и веду; где-нибудь про...бу!

— Дай ему, сноха! — говорит тетка. — Пусть чужим корова не достанется!

Сноха согласилась.

— Веди корову на двор, — закричала она Ваньке.

Вот он привел ее на двор, привязал к столбу, положил сноху на солому, отделал как надо и хочет зашивать ей пи...ду: вынимает иголку и нитки. Та испужалась да в избу.

— Ну, где ж корова? — спрашивает тетка.

Та чуть не плачет:

— Поди сама! Он отделать-то отделал, да еще хотел пи...ду зашить, очень-де широка!

— Ну, ступай ты, Матрешка! — стала посылать тетка свою дочь-девку, — хоть не задаром твоя честь пропадет, все корову возьмешь!

Пошла Матрешка к Ваньке, он положил ее на солому, отработал и стал вынимать ножик.

— Ах, старая чертовка! — говорит Ванька, — что она на смех высылает? Весь х...й до крови ободрал. Я не пожалею, что родня, разрежу пи...ду-то!

Матрешка испужалась и побежала в избу.

— Сама ступай, старая ведьма! — говорит с плачем матери, — мне и так больно, а он хотел еще ножом резать.

А старуха говорит:

— Уж разве мне пойти — старинкой тряхнуть!

Пошла к Ваньке; он и ее положил на солому да и стал смеяться.

— У меня-де и дома много в погребу снегу!

Вынул огниво и хочет поджечь солому.

Старуха давай Бог ноги, а Ванька отвел свою корову назад домой и пошел навстречу к дяде. Повстречались.

— Здорово, дядюшка!

— Здорово! Спасибо, что без меня в моем дому порядок держал! Да что у тебя волос на голове совсем нету?

— Что делать. Бог взял!

— Хошь, я сделаю, что у тебя на голове будут волосы; только пошепчу тебе в шапку — и дело с концом!

Взял дядину шапку, зашел за куст, на-с...ал в нее, застлал сверху травкой и надел дяде на голову.

— Смотри, дядя, трое суток носи, не скидывай!

ПОП И БАТРАК

а) Жил поп с попадьею; у них были две дочери. Нанял себе поп работника; дождался весны, сам поехал на богомолье, а работнику приказывает:

— Смотри, свет, к моему приезду чтоб ты весь огород скопал и гряды поделал.

— Слушаю, батюшка!

Вот батрак кое-как копал огород колом да все время и прогулял. Воротился поп, пошел с попадьею на огород, видит — ничего не сделано.

— Эх ты, свет! Уж ли ты не знаешь, как огороды копают?

— То-то и оно, что не знаю, коли б знал — так бы и сделал.

— Ну, свет, ступай в горницу, спроси у дочерей, чтоб дали тебе железную лопатку, я тебе покажу, как копать-то.

Батрак побежал в горницу прямо к дочерям.

— Ну, барышни, батюшка приказал вам, чтобы вы обе мне дали!

— Чего?

— Сами знаете чего — поёт!

Поповны на него заругались.

— Нечего тут ругаться-то! Батюшка велел, чтобы скорее меня отпустили: надо гряды копать. Коли не верите, сами у него спросите.

Одна сестра сейчас выбежала на крыльцо и кричит:

— Батюшка, вы приказали дать работнику?

— Дайте ему поскорее, что вы его там держите!

— Ну, сестрица, — говорит, воротившись, поповна, — нечего делать — надо ему дать, батюшка приказал.

Тут они обе легли, и работник лихо их отмахал. После того схватил в сенях лопату и

побежал к батьке на огород. Поп показал ему, как копать гряды, а сам с попадьей пошел в горницу; смóтрит, а дочери плачут.

— О чем вы плачете?

— Как нам не плакать, батюшка! Сам же ты велел работнику над нами насмеяться.

— Как насмеяться?

— Да вить ты велел, чтобы мы ему дали!

— Ну, что же? Я велел дать ему лопату.

— Какую лопату? Он нас обеих перепортил, невинность нашу порушил.

Поп, как услышал это, сильно рассердился; схватил кол и прямо на огород. Батрак видит, что поп с колом бежит к нему — не с добром, бросил лопату и давай Бог ноги от попа бежать. Поп за ним, а батрак шибче, так и укрылся с батькиных глаз. Пошел поп отыскивать своего батрака. Идет, а навстречу ему мужичок.

— Здравствуй, свет!

— Здравствуй, батюшка!

— Не попадался ли тебе навстречу мой работник?

— Не знаю, какой-то парень пробежал бойко.

— Это он самой и есть! Пойдем, мужичок, со мною, пособи мне его отыскать, я тебе за то заплачу.

Вот пошли они вместе, прошли немного, и повстречался им цыган.

— Здравствуй, цыган! — говорит поп.

— Здоров бул, батенька!

— Что, не попадался ли тебе навстречу какой парень?

— А, батенька, какой-то проскочил мимо.

— Это он самой и есть! Пособи нам отыскать его, я тебе заплачу за это.

— Изволь, батенька.

Пошли они втроем. А батрак прибежал в деревню, надел на себя другую одежду и сам идет попу навстречу. Поп не узнал его и стал спрашивать:

— Что, свет, не видал ли ты какого мужика по дороге?

— Видел, в деревню побежал.

— Ну, брат, пособи нам его найти.

— Извольте, батюшка.

Пошли все четверо искать попова батрака, пришли в деревню, ходили-ходили до самого вечера: нет толку. Стало темно: где бы переночевать?

Вот приходят они к одной избе, в которой вдова жила, стали проситься на ночлег. Вдова отвечает:

— Добрые люди! У меня эту ночь потоп будет! Пожалуй, еще потонете.

Но сколько она ни отказывалась — не могла отказаться и впустила их на ночь. А к ней в эту ночь обещался прийти любовник. Вот взошли они в избу и легли спать. Поп думает: «Что, коли в самом деле будет потоп?»

Взял большое корыто, поставил на полку и лег в корыте.

«Коли будет потоп, — думает себе, — так я стану в корыте по воде плавать».

Цыган лег на шестке головой в золу; мужик лег за столом на лавке, а попов работник у самого окна на скамье. Только улеглись они и уснули все крепким сном, один работник не спит, и слышит он, что под окошко подошел хозяйкин любовник и стучится:

— Отопри, душенька.

Работник встал, отворил и тихонько говорит ему:

— Ах, миленький мой! Ты пришел не вовремя. Теперича у меня ночуют чужие люди в доме; приходи на ту ночь.

— Ну, миленькая, — говорит любовник, — нагнись в окошко, хоть мы с тобой поцелуемся!

Работник повернулся к окну ж...пою и высунул свою с...аку, любовник и поцеловал ее всласть.

— Ну, прощай, миленькая! Будь здорова, на ту ночь приду к тебе.

— Приходи, душа! Я стану дожидаться, а на прощанье дай, миленький, свой х...й — мне хоть в руках его подержать: все как будто будет повеселее.

Вот он вывалил из штанов на окно свой кляп:

— На, милая, полюбуйся!

А батрак взял тот кляп в руки, побаловал-побаловал, вынул нож из кармана и отхватил

у него х...й вместе с му...ями. Любовник закричал благим матом — и без памяти домой. Работник затворил окно, сидит себе на лавке и чавкает ртом, будто ест. Мужик услышал, проснулся да и спрашивает:

— Что ты, брат, ешь?

— Да вот нашел на столе кусок колбасы, только никак не угрызу, такая сырая.

— Даром, брат, что сырая, дай-ка мне кусочек попробовать.

— Э, брат, мне и самому мало! Да, пожалуй, на тебе один конец, ешь на здоровье, — и отдал мужику отрезанный х...й. Мужик с голодухи начал его жевать: грыз-грыз, никак не может откусить и говорит:

— Что, брат, с нею делать? Никак не угрызешь; эдакая сырая!

— Ну, ты положи колбасу в печь, пускай поджарится, тогда ты и съешь.

Мужик встал, подошел к печке и сунул колбасу прямо на цыганские зубы; подержал, подержал и стал пробовать:

— Нет, ничего колбаса не упарилась! Ее и огонь не берет.

— Да полно тебе с нею-то возиться, еще, пожалуй, хозяйка услышит, забранится. Небось в печке-то огонь весь разгреб, залей его водой, чтоб хозяйка не узнала.

— Да где воды-то искать?

— Ну пос...ы туда! Чем на двор идти, лучше огонь залей.

Мужик крепко хотелось с...ать, и зачал он прямо цыгану в рожу с...ать. Как почувал цыган, что откуда-то вода льет ему прямо в рот, подумал: пришел-де потоп, и стал кричать во все горло:

— Аи, батенька, потоп, потоп!

Поп услышал голос цыгана и захотел спросонок прямо на корыте спуститься на воду, да как шлепнется об пол, все ребра себе и переломал.

— О Боже мой! — кричит поп. — Когда падает малой ребенок, Бог подставляет под него подушку, а как старому придется упасть — так черт борону подставит. Вот теперича я весь разбился! Не найти мне, верно, разбойника, моего батрака.

А работник:

— И не ищи лучше, ступай-ка с Богом домой — будет здоровее!

б) Нанял поп батрака. Раз поутру говорит поп батраку:

— Давай-ка позавтракаем да пойдем молотить.

Сели завтракать, поели того-сего, потом попадья дала на закуску три яйца, попу два, а батраку — одно. Пошли они на ток молотить, взяли цепи и стали работать; поп ударит цепом два раза, а батрак один раз. Поп видит, что батрак выдает его в работе, рассердился и говорит:

— Что ты, свет, со мною шутишь, что ли? Я как следует молочу, а ты все выжидаешь, я ударю цепом два раза, а ты супротив меня только один раз.

— Послушай, батюшка, — сказал батрак, — когда мы завтракали, так ты два яйца съел, а я одно, оттого и силы у меня меньше!

— Что ж, свет, давно мне этого не скажешь? Я бы приказал матке, чтоб тебе и другое яйцо дала. Ступай в избу да скажи матке, чтоб дала тебе другое яйцо, съешь да и ворочайся назад.

Батрак бросил цеп, прибежал в избу и говорит попадье:

— Матушка! Поп приказал, чтоб ты мне дала.

— Чего тебе дать?

— Сама догадаешься — вестимо, поеть! Только давай поскорей, батька велел торопиться.

— Что ты, проклятой, с ума спятил? Эдакие речи говоришь?

— Ну, сама спроси у попа, коли не веришь. Попадья вышла на двор и кричит:

— Послушай, батюшка! Ты велел работнику дать?

— А ты еще не дала? — кричит ей поп. — Дай ему поскорее да отпусти, пусть молотить идет.

Попадья вошла в избу.

— Ну, правда твоя! — говорит работнику и легла на лавку за столом.

Батрак взлез на нее, живо отмахал, торопится уйти, чтоб поп-то не застал, и прямо с попадьи полез через стол, и тут с его х...я потекло на стол соплей-таки порядочно. Вышел на двор и дал тягу от попа. Вот поп помолотил, помолотил и думает: что такое значит, что по сию пору нет работника, дай схожу за ним. Пришел в избу и спрашивает у попадьи:

— Где же батрак?

— Как обработал, так сейчас и ушел.

Поп думает, что попадья говорит об яйце, подошел к столу и видит, что на столе нагажено, и говорит жене:

— Эка ты ему уважила! Верно, дала яйцо всмятку: ишь, не мог он аккуратно съесть, на стол разлил.

А попадья посмотрела на стол и говорит:

— Эка подлец! Это как он с меня слез прямо через стол, верно, с его х...я натеки сопли; надо убрать.

— Что, что, — спрашивает поп, — что он с тобою сотворил?!

— Да что ты приказал, то он и сотворил — отъ...б меня!

Поп начал на себе длинные волосы рвать и заругался на попадью:

— Ах ты, проклятая бл...ща!

Тотчас запряг он лошадь и поехал нагонять батрака. Батрак увидел попа — взял выпачкался в грязи и сам пошел к нему навстречу.

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет!

— Куда едешь?

— Батрака своего разыскиваю.

— Возьми и меня с собою.

— Да ты кто?

— Грязнов.

— Пожалуй, поедem.

Едут вдвоем, попадаетсЯ им цыган, тоже назвался с ними ехать. Вот едут втроем, и настигла их ночь. Приехали они к реке и увидели: стоит на берегу избушка, а в той избушке жила вдова, и к ней по ночам ходил любовник. Стали у ней проситься ночевать; она им отказывает:

— Никак нельзя! Нынче ночью зальет мою избу водою — все, пожалуй, сонные потонете!

— Ничего, мы тогда как-нибудь выйдем.

Делать нечего, пустила их ночевать; поп лег на полати.

«Здесь, — думает, — высоко, авось вода не дойдет!»

Цыган привесил корыто к потолку, лег в него и взял нож.

«Когда придет вода, — думает себе, — обрежу веревки и поплыву в корыте».

Хозяйка легла на печке, а батрак хозяйкино-то дело сметил да и лег у окна:

«Пусть вода придет, ведь один раз умирать!»

Вот ночью слышит он: кто-то стучится к нему под окошко.

- Кто там?
- Я, — говорит любовник.
- Ну что ж, принес что-нибудь?
- Принес полштофа водки да колбасу.
- Ну давай!

Тот подал. Батрак взял и говорит ему:

— Мне никак нельзя теперича тебя принять, потому что у меня постояльцы ночуют; а дай хотя для потехи поддержку твой х...й в руках: все легче мне будет!

Любовник вывалил из штанов свой х...й, а батрак взял рукою за х...й покрепче, другою ищет, нет ли палки его попотчевать; на счастье, и попадись ему ножик. Как он барахнул-то ножом — тот и стоит, словно безумный, без х...я, видит: дело-то плохо, и марш домой!

А батрак сейчас полуштоф побоку, пьет себе да колбасой заедает. А попы на это чутки. Проснулся поп и кричит:

- Грязнов! Что ты ешь?
- Колбасу.
- Дай-ка и мне!

Он ему и подал отрезанный х...й. Поп погрыз, погрыз, да и отдал назад.

- Очень крепка! — говорит.
- Еще не уварилась.

Потом опять заснули все; батрак и вздумал еще подшутить, взобрался на полати и зачал с...ать да наметился прямо попу в рот, а тот как закричит:

— Вода, вода!

Да чебурах вниз головою. А цыган видит, что поп нырнул вниз, сейчас обрезал ножом веревки да и с корытом бац — так и брякнулся об пол. Кое-как повскакивали да бежать вон! А батрак и теперь поживает с этою хозяйкою.

ПОПОВСКАЯ СЕМЬЯ И БАТРАК

В некотором царстве, в нашем государстве жили-были поп с попадьею, у них были три дочери да батрак. Вот этот батрак и задумал: как бы подобраться к поповым дочерям. Попросить он прямо не смел; дождался он праздника, взял с собою котелок и пошел в сарай, налил в котелок воды, разложил огонь и давай кипятить воду. Поп воротился от обедни, сел обедать с женою и дочерьми да спрашивает:

— А где же батрак?

— В сарае, — говорит попадья, — что-то все утро работает.

— Что вы, безбожницы? Послали его работать — эдакой нынче праздник! Или в вас Бога-то нет?

— Мы его не усылали, он сам пошел.

— Ступай, — сказал поп старшей дочери, — сходи за ним, чтобы шел обедать.

Поповна побежала в сарай, прибежала и спрашивает:

— Что ты, батрак, варишь?

- Сладь!
- Дай-ка хлебнуть!
- А дай е...нуть!

Поповна заворотила подол, а батрак и ну ее талить, отдедал и дал хлебнуть. Она хлебнула:

- Вода как вода! — говорит и ушла назад.
- Приходит в избу, поп и спрашивает ее:
- Что же батрак не идет?
- Что-то работает!

— Дура! Ведь я сказал, чтобы все бросил да шел обедать. Поди ты, — говорит поп средней дочери, — гони его сюда!

Побежала средняя дочь и спросила:

- Что ты, батрак, варишь?
- Сладь!
- Дай мне хлебнуть!
- Дай-ка раз е...нуть!

Тут он и эту отвалаял и дал после хлебнуть.

— Как есть вода! — говорит поповна и убежала назад.

- Что же батрак? — спрашивает поп.
- Неидет, что-то все возится!

Послал поп меньшую дочь. Пришла она в сарай и тоже спросила:

- Батрак! Что ты варишь?
- Сладь!
- Дай-ка мне хлебнуть!
- Дай разок е...нуть!

Поповна дала ему разок, хлебнула воды и ушла в избу.

Поп осердился и говорит:

— Все вы дурищи! Поди ты, попадьа! Зови его, чтобы сейчас шел!

Пришла попадьа в сарай.

— Что ты, батрак, варишь?

— Сладь!

— Дай отведасть — хоть раз хлебнуть!

— Дай е...нуть!

Попадьа было заартачилась, а он так — даром не дает попробовать сладости, но уж ей очень захотелось узнать, что такое там варится, попадьа и дала ему е...нуть, а потом хлебнула и водицы.

— Ну что, хороша, матушка, моя сладь?

Вылили вместе воду и пошли обедать.

— Что ты, дурак, долго не шел; ныне грешно работать! — сказал поп.

Стали обедать, вот подали пирог, поп разрезал его и роздал всем по куску. Попадьа отдает свою долю батраку.

— На тебе, батрак, мою долю за давешнее!

Глядя на мать, и поповны стали отдавать батраку свои куски.

— На тебе, батрак, за давешнее!

Поп глядел, глядел, да и сам туда же:

— На тебе, батрак, и мою долю за давешнее!

— Да разве тебя батрак нежил? — спросила его попадьа.

А поп спрашивает:

— А вас разве нежил?

Попадья и поповны в один голос так и заголосили:

— Как же! Нас нежил!

Поп рассердился и согнал батрака со двора.

ЧЕСАЛКА

Купил старик своей старухе тулуп да под забором ее всю ночь и е... Поутру стала погода мокрая, идет старушонка, сгорбилась да плачет, а старик вслед за нею да на жену так и скачет. Старуха своему старику говорила:

— Не разорви меня, Гаврила!

А старик был на ухо крепок, тех речей не расслухал да ей в чрево свой х...й вбухал и е... ее до ус...ру. Не насытится никогда око зрением, а ж...па б...дением, нос табаком, а пи...да хорошим ел...аком: сколько ее ни зуди — она все, гадина, недовольна!

Это присказка, сказка будет впереди.

Жил-был поп. У попа была дочка, еще невинная девка. Пришло лето, стал поп нанимать работников косить сено и нанимает с таким уговором, если дочь его пере...икнет через стог сена, что работник накосит, то и заработной платы ему нет. Много нанималось к нему рабочих, да все работали на попа даром: поповна, что ни выйдет, так стог и пере...икнет. Вот договорился с попом один удалой работник с тем, что будет он косить попу

сено и коли поповна пере...икнет, то вся работа пойдет ни за что. Стал работник косить сено, накосил и сметал в стог, лег подле стога, вынул из порток свой х...й и давай его над...ачивать. А дочь попова идет к работнику посмотреть на работу, глядит на него да и спрашивает:

— Что это ты, мужичок, делаешь?

— Чесалку поглаживаю.

— Что ж ты этою чесалкой чешешь?

— Давай я тебя почешу! Ложись на сено.

Легла попова дочка, он начал ее чесать, да и промахнул ее как следует. Встала поповна да и говорит:

— Какая славная чесалка!

Потом стала си...ать через стог — нет, не берет, только себя обос...ала, словно из решета вылила. Приходит к отцу и рассказывает:

— Оченно велик стог — не смогла пере...икнуть.

— Ах, дочка! Верно, больно хороший работник! Я его на год найму.

Как только пришел работник за расплатою, поп пристал к нему:

— Наймись, свет, на год!

— Хорошо, батюшка!

Нанялся он к попу. А поповна так ему рада! Приходит ночью к батраку и говорит:

— Почешу тебя!

— Нет, я даром чесать не буду, принеси сто рублей, купи себе чесалку!

Поповна принесла ему сто рублей, он и начал чесать ее каждую ночь. После того батрак поссорился с попом и говорит ему:

— Рассчитай меня, батька.

Рассчитался и ушел, а дочери на ту пору дома не было; приходит она домой:

— Где работник?

— Он, — говорит поп, — рассчитался и сейчас ушел на деревню.

— Ах, батюшка, что вы сделали, ведь он мою чесалку унес.

И пустилась бежать за ним в погоню. Нагоняет его около речки. Батрак засучил портки и стал переходить вброд.

— Отдай мою чесалку! — кричит попова дочь.

Батрак поднял камень, бросил его в воду.

— Возьми себе, — говорит.

Перешел на ту сторону и был таков! Поповна подняла подол, полезла в воду и ну искать чесалку. Шарит по дну — нет чесалки. Ехал мимо барин и спросил.

— Что ты, голубушка, ищешь?

— Чесалку. Я купила ее у батрака за сто рублей, а он, уходя, унес было, да я погналась за ним, так он и бросил ее в воду.

Барин вылез из брички, скинул с себя штаны и полез искать чесалку. Искали-искали вдвоем. Вот попова дочь увидала, что у барина висит х...й, как схватила его обеими руками, держит, а сама кричит:

— Ах, барин! Стыдно тебе, вить это моя чесалка, отдай назад!

— Что ты делаешь, бесстыдная,пусти меня! — говорит барин.

— Нет, ты сам бесстыдник! Чужое добро хочешь взять. Отдай мою чесалку!

И потащила барина за х...й к своему отцу. Поп смотрит в окно: дочка тащит барина за х...й да все кричит:

— Отдай, подлец, мою чесалку!

А барин жалобно просит:

— Батька, избавь от напрасной смерти! Век тебя не забуду!

Что делать? Поп вынул из порток свой поповский кляп, показывает дочери в окошко и кричит:

— Дочка, а дочка! Вот твоя чесалка!

— И то моя, — говорит дочь, — ишь, с конца-то красная! А я уж думала, что барин ее взял!

Сейчас бросила барина и бегом в избу. Барин наострил лыжи — только пятки показывает. А девка вбежала в избу:

— Где же моя чесалка, тятенька?

— Ах, ты сякая-такая! — напустился на нее поп. — Гляди, матка, вить у нее честности-то нет!

— Полно, батька, — сказала попадья, — посмотри сам, да получше.

Поп долой портки и давай свою дочь ети. Как стало попа забирать, он ржет да кричит:

— Нет, нет, не потеряла дочка честности...
Попадья говорит:
— Батюшка! Засунь ей честность-то подальше!
— Не бось, матка, не выронит, далече засунул!
А дочь-то еще молоденькая, не умеет подымать ноги круто.
— Круче, дочка, круче! — кричит попадья.
А поп:
— Ах, матка, и так вся в куче!
Так-то и нашла попова дочь чесалку.
С тех пор стал поп их обеих чесать, состряпал им по куколке и доселева живет: дочку с матушкой е...ет!

ЗАГОНИ ТЁПЛА

Жил-был мужик; у него было три сына: два умных, а третий дурак. Стал он их спрашивать:

— Дети мои любезные! Чем вы меня под старость будете кормить?

Старшие братья сказали:

— Работою.

А дурак по-дурацки и отвечал:

— Чем тебя больше кормить, как ни х...ем!

На другой день старший сын взял косу и пошел косить сено; идет дорогою, попадает-ся ему навстречу поп.

— Куда идешь? — спрашивает поп.

— Ищу работы, где бы сена косить.

— Поди ко мне, только с уговором: я дам тебе сто рублей, если моя дочь не пере...икнет того, что ты накосишь за день, а коли она пере...икнет — не заплачу тебе ни копейки.

«Где ей пере...икнуть!» — думает парень и согласился.

Поп привел его на полосу:

— Вот здесь коси, работник!

Парень сейчас же начал косить и к вечеру накосил такую кучу, что страшно посмотреть. Но поповна пришла и пере...икнула. Пошел он домой, как не солоно хлебал!

Со средним братом случилось то же самое. Ну, пошел и дурак.

— Дай-ко, — говорит, — я пойду, поищу своему х...ю работы.

Взял косу и идет; попадает-ся ему навстречу тот же самый поп и зазвал его к себе работать с таким же уговором.

Начал дурак косить; прошел одну линию, скинул портки и встал раком. Тут пришла старшая попова дочь и спрашивает:

— Работник, что же ты не косишь?

— Подожди, дай мне тепла в ж...пу загнать, чтоб зимою не мерзнуть.

— Загони и мне тепла, пожалуйста, а то мы зимой в гости ездим — всегда зябнем.

— Становись раком; заодно загонять!

Она встала раком, а дурак вздрочил махалку да как хватит ей в пи...ду и давай загонять

тепло; до тех пор загонял, что с ней аж пот градом льет. Как его забрало, он и говорит:

— Ну, будет с тебя, хватит на одну зиму! Она побежала домой и сказала двум своим сестрам:

— Ах, душечки сестрицы! Как славно мне работник тепла в ж...пу загонял, с него и с меня даже пот лил!

И эти туда ж побежали; дурак и им загнал тепла на зиму. А сена накосил он так, самую малость, только три раза прошел.

Приходит поп со старшей дочерью и хвастает:

— Ступай, работник, лучше заранее домой; моей дочери этого нетрудно пере...икнуть!

— А вот посмотрим! Поп велел своей дочке си...ать; она подняла подол, как си...нет, да прямо себе в чулки.

— Вот видишь! — сказал дурак, — а тоже хвастаешь!

Поп в досаде послал за меньшими дочерьми.

— Коли и эти не пере...икнут, — говорит поп, — то я даю тебе с каждой по сто рублей!

— Хорошо.

Но и средняя и меньшая поповны только себя обос...али.

Дурак сорвал с попа триста рублей, пришел к отцу и говорит:

— Вот вам и жу...ва работа! Посмотрите, сколько денег!

ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ (ИЛИ КОЗЛА)

а) Жил-был мужик, у него был кобель. Рассердился мужик на кобеля, взял и повез его в лес и привязал около дуба. Вот кобель начал лапами копать землю; подкопался под самый дуб, так что его ветром свалило. На другой день пошел мужик в лес и вздумал посмотреть на своего кобеля, пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побежал домой, запряг лошадь да опять в лес; забрал все деньги и кобеля посадил на воз. Воротился домой и говорит бабам:

— Смотрите, угождайте у меня кобелю всячески! Коли не станете за ним ходить да не будете его кормить — я с вами по-своему разделаюсь!

Ну, бабы стали кормить на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески, а хозяин никому, кроме кобеля, не верит: куда ни поедет — ключи завсегда повесит кобелю на шею.

Жил-жил кобель, заболел да околел. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всею церемонией. Взял он пять тысяч и пошел к попу.

— Батюшка! У меня помер кобель и отказал тебе пять тысяч денег с тем, чтобы ты похоронил его по христианскому обряду.

— Ну, это хорошо, свет! Только в церковь носить его не надо, а похоронить можно! Приготовляйся, завтра приду к выносу.

Мужик изготовился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришли поп с дьяконом и дьячками в ризах, пропели что надо и понесли кобеля на кладбище да и закопали в могилу. Дошло у попа до дележа с причтом; он и обидел дьячков — мало им дал. Вот они просьбу на него к архиерею: так и так, дескать, похоронил кобеля по-христиански.

Архиерей позвал к себе попа на суд.

— Как ты смел, — говорит, — хоронить нечистого пса?

И посадил его под арест. А мужик взял десять тысяч и пошел к архиерею попа выручать.

— Ты зачем? — спросил архиерей.

— Так и так, — отвечает мужик, — помер у меня кобель, отказал вашему преосвященству десять тысяч денег да попу пять!

— Да, брат, я слышал про то и посадил попа под арест, зачем он, безбожник, как нес кобеля мимо церкви — не отслужил по нем панихиды!

Взял архиерей отказанные кобелем десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его благочинным, а дьячков сдал в солдаты.

б) Жили старик со старухой. Не было у них ни одного детища, только и был, что козел: тут все и животы! Старик никакого мастерства не

знал, плел одни лапти — только тем и питался. Привык козел к старику: бывало, куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним из дому. Вот однажды случилось старику идти в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес; старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям да травку щиплет. Щипал, щипал, да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл оттедова котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему — и увидел золото. Несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги — и домой. Рассказал обо всем старухе.

— Ну, старик, — говорит старуха, — это нам Бог дал такой клад на старость за то, что столько лет с тобой потрудились в бедности! А теперь поживем в свое удовольствие.

— Нет, старуха! — отвечал ей старик. — Эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым, теперича надо нам жалеть и беречь козла пуще себя!

С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и сами поправились — лучше быть нельзя! Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе поживают, никакого горя не знают. Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухой, что делать:

— Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед Богом и людьми грешно,

потому что все счастье наше мы через козла получили! А лучше пойду я к попу и попрошу его похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят.

Собрался старик, пришел к попу и кланяется:

— Здравствуй, батюшка!

— Здравствуй, свет! Что скажешь?

— А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому случилось большое несчастье: козел помер! Пришел звать тебя на похороны.

Как услышал поп такие речи — крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе:

— Ах ты, окаянной! Что выдумал! Вонючего козла хоронить.

— Да вить этот козел, батюшка, был совсем-таки православной, он отказал тебе двести рублей.

— Послушай, старый хрен! — сказал поп. — Я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сию пору не дал мне знать о его кончине: может, он у тебя давно уже помер!

Взял поп с мужика двести рублей и говорит:

— Ну, ступай же скорей к отцу-дьякону, скажи, чтобы приготавлился; сейчас пойдем козла хоронить!

Приходит старик к дьякону и просит:

— Потрудись, отец-дьякон, приходи ко мне в дом на вынос.

— А кто у тебя помер?

— Да вы знали моего козла, он-то и помер! Как начал дьякон хлестать его с уха на ухо.

— Не бей меня, отец-дьякон! — говорит старик. — Ведь козел-то был, почитай, совсем православный; как умирал — тебе сто рублей отказал за погребение.

— Эка ты стар да глуп! — сказал дьякон. — Что же ты давно не известил меня о его православной кончине. Ступай скорей к дьячку: пуцай прозвонит по козловой душе!

Прибегает старик к дьячку и просит:

— Ступай, прозвони по козловой душе!

И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать. Старик кричит:

— Отпусти, пожалуй, вить козел-то был православный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал.

— Что же ты по этих пор копаешься! Надо было пораньше сказать мне: следовало бы уже давно прозвонить!

Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и стали похороны отправлять: положили козла во гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что поп-де козла похоронил по-христиански.

Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом.

— Как вы смели похоронить козла? Ах вы безбожники!

— Да вить этот козел, — говорит старик, — совсем был не такой, как другие козлы; он перед смертью отказал вашему пресвященству тысячу рублей.

— Эка ты глупой, старик! Я не за то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!..

Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

СУД О КОРОВАХ

В одной деревне жили-были поп да мужик; у попа было семь коров, а у мужика только одна, да хромая. Только поповы глаза завистливы; задумал поп, как бы ухитриться да отжилить у мужика и последнюю корову: «Тогда было бы у меня восемь!» Случился как-то праздник, пришли люди к обедне, пришел и тот мужик. Поп вышел из алтаря, вынес книгу, развернул и стал читать середь церкви:

— Послушайте, миряне! Аще кто подарит своему духовному пастырю одну корову — тому Бог воздаст по своей великой милости: та одна корова приведет за собой семеро!

Мужик услышал эти слова и думает: «Что уж нам в одной корове! На всю семью и молока не хватает! Сделаю-ка я по писанию, отведу корову к попу. Может, и впрямь Бог смиляется!»

Как только отошла обедня, мужик пришел домой, зацепил корову за рога веревкою и повел со двора к попу. Привел к попу.

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что хорошего скажешь?

— Был я сегодня в церкви, слышал, что сказано в писании: кто отдаст своему духовному отцу одну корову, тому она приведет семеро! Вот я, батюшка, и привел вашей милости в подарок корову.

— Это хорошо, свет, что ты помнишь слово Божие: Бог тебе воздаст за то седмирицею. Отведи-ка, свет, свою корову в сарай и пусти к моим коровам.

Мужик свел свою корову в сарай и воротился домой. Жена ну его ругать:

— Зачем, подлец, отдал попу буренку? С голоду, что ли, нам пропадать, как собакам?

— Эка ты дура! — говорит мужик. — Разве ты не слыхала, что поп в церкви читал? Дождемся, наша корова приведет за собой еще семь; тады похлебаем молока досыта!

Целую зиму прожил мужик без коровы. Дождались весны: стали люди выгонять в поле коров, выгнал и поп своих. Вечером

погнал пастух стадо в деревню, пошли все коровы по своим дворам, а корова, что мужик попу подарил, по старой памяти побежала на двор к своему прежнему хозяину; семеро поповых коров так к ней привыкли, что и они следом за буренкою очутились на мужицком дворе. Мужик увидел в окошко и говорит своей бабе:

— Смотри-кась, ведь наша корова привела за собой целых семь. Правду читал поп: Божие слово завсегда сбывается! А ты еще ругалась. Будут у нас теперича и молоко, и говядина.

Тотчас побежал, загнал всех коров к себе в хлев и накрепко запер. Вот поп видит: уже темно стало, а коров нет, и пошел искать по деревне. Пришел к этому мужику и говорит:

— Зачем ты, свет, загнал к себе чужих коров?

— Поди ты с Богом! У меня чужих коров нет, а есть свои, что мне Бог их дал: это моя коровушка привела за собой ко мне семеро, как помнишь, батька! Сам ты читал на праздник в церкви.

— Врешь ты, сукин сын! Это мои коровы.

— Нет, мои!

Спорили, спорили, поп и говорит мужику:

— Ну, черт с тобой, возьми свою корову назад, отдай хоть моих-то!

— Не хошь ли кляпа собачьего!

Делать нечего, давай поп с мужиком су-

диться. Дошло дело до архиерея. Поподарил его деньгами, а мужик холстом; архиерей и не знает, как их рассудить.

— Вас, — говорит им, — так не рассудишь! А вот что я придумал! Теперь ступайте домой, а завтра кто из вас придет раньше утром ко мне, тому и коровы достанутся.

Поп пришел домой и говорит своей матке-попадье:

— Ты смотри, пораньше меня разбуди утром!

А мужик, не будь дурак, как-то ухитрился, домой-то не пошел, а забрался архиерею под кровать.

Здесь, думает себе, пролежу целую ночь и спать не стану, а завтра рано подымусь, так попу коров-то и не видать!

Лежит мужик под кроватью и слышит: кто-то в дверь стучится. Архиерей сейчас вскочил, отпер дверь и спрашивает:

— Кто такой?

— Я, игуменья, отче!

— Ну, ложись-ка спать, игуменья, на постель.

Легла она спать на постель; стал архиерей ее щупать за титьки, а сам спрашивает:

— Что это у тебя?

— Это, святой отче, сионские горы, а ниже — доли.

Архиерей взялся за пупок.

— А это что?

— Это пуп земли!

Архиерей спустил руку еще ниже, щупает игуменью за пи...ду.

— А это что?

— Это ад крошечный, отче!

— А у меня, мать, есть грешник, надо его в ад посадить.

Взобрался на игуменью, засунул ей грешника и давай наяривать; отработал и пошел провожать мать-игуменью. Тем временем мужик потихоньку выбрался и ушел домой.

На другой день поп поднялся до света, не стал и умываться — побежал скорее к архиерею, а мужик выспался хорошенько, проснулся — уже давно солнце взошло, позавтракал и пошел себе потихоньку. Приходит к архиерею, а поп давно его ждет.

— Что, брат, чай, за жену завалился! — подсмеивается поп.

— Ну, — говорит архиерей мужику, — ты после пришел...

— Нет, владыко, поп пришел после, нешто ты позабыл, что я пришел еще в то самое время, как ты ходил по сионским горам да грешника сажал в ад!

Архиерей замахал обеими руками.

— Твои, — говорит, — твои, мужичок, ко-ровы! Точно, твоя правда: ты пришел раньше!

Так поп и остался ни при чем; а мужик зажил себе припеваючи.

ЖАДНЫЙ ПОП

Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не приносил гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет срамить:

— Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог собрать гривенника, чтобы духовному отцу за исповедь дать. Ведь он за вас, окаянных, Богу молится!

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак.

Поп просто взбесился.

— Послушай, проклятый! — говорит ему. — Откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?

— Помилуй, батюшка! Где я больше возьму? Что есть, то и даю.

— По бл...дям да по кабакам носить, небось есть деньги! А духовному отцу одни грехи тащишь! Ты про эдакий случай хоть укради что да продай, а священнику принеси, что подobaет, заодно уж перед ним покаешься и в том, что своровал, так он все тебе грехи отпустит!

И прогнал поп от себя этого солдата без исповеди.

— И не приходи ко мне без гривенника!

Солдат пошел прочь и думает: «Что мне с попом делать?»

Глядит, а около клироса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка.

«Дай-ка, — говорит сам себе, — попробую эту шапку утащить».

Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да и прямо в кабак. Тут солдат продал ее за двадцать пять рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу.

— Ну что, принес гривенник? — спросил поп.

— Принес, батюшка!

— А где взял, свет?

— Грешен, батюшка! Украл шапку да продал за гривенник!

Поп взял этот гривенник и говорит солдату:

— Ну, Бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю.

Солдат ушел, а поп, покончив исповедовать своих прихожан, стал служить вечерню, отслужил и стал домой собираться, бросился к клиросу взять свою шапку, а шапки-то нет: так простоволосый и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает:

— Что угодно, батюшка?

— Ну скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?

— Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит.

— А из которого места ты ее утащил?

— Да в нашей церкви висела на поповской палке, у самого клироса.

— Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца?

— Да вы, батюшка, сами меня от того греха разрешили и простили.

СМЕХ И ГОРЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был поп; жил он над рекою и содержал на ней перевоз. Приходит к реке один раз бурлак и кричит с другого берега:

— Эй, батька, перевези меня!

— А заплатишь, свет, за перевоз?

— Заплатил бы, да денег нету!

— А нету, так и перевозить не стану.

— Коли перевезешь, батька, я покажу тебе за то смех и горе.

Поп задумался, захотелось ему увидеть смех и горе.

«Про что такое, — думает он себе, — говорил сейчас бурлак?»

Вот он сел в лодку и поехал на тот берег, посадил с собой бурлака и перевез на свою сторону.

— Ну, батька, ворочай лодку вверх дном! — сказал бурлак.

Поп перевернул лодку вверх дном и ждет

себе, что будет. Бурлак вынул из-под порток свой молодецкий х...й и как ударит по дну — так лодка и развалилась надвое.

Поп увидел такой заправский х...й и рас- смеялся; а после как раздумался о своей рас- колотой лодке — так стало ему жалко, что даже заплакал с горя.

— Что, доволен мною, батька? — спраши- вает бурлак.

— Шут с тобой! Ступай, куда идешь!

Бурлак простился с попом и пошел своей дорогой, а поп воротился домой. Только пе- решагнул через порог в избу, вспомнил о бурлаковском х...е и засмеялся, а там взду- мал о лодке — и заплакал.

— Что, батька, с тобою сделалось? — спра- шивает попадья.

— Ты не знаешь, матка, моего горя!

И сдуру рассказал ей обо всем, что с ним случилось.

Как услышала попадья про бурлака, сей- час напустилась на своего батьку:

— Ах ты, старый черт! Зачем ты его от себя отпустил! Зачем домой не привел? Вить это не бурлак, это мой брат родной! Верно, роди- тели послали его нас с тобой провести, а ты нет того, чтоб догадаться... Запрягай-ка ско- рее лошадь да гони за ним, а то он, бедный, блудить станет и, пожалуй, домой воротится, нас не выдавши. Я хоть на него, голубчика, посмотрю да про родителей расспрошу.

Поп запряг лошадь и погнал за мужиком, нагнал его и говорит:

— Послушай, добрый человек! Что же ты мне не сказался: вить ты моей попадье род- ной брат. Как рассказал ей про твою удасть, она сейчас тебя признала и приказала воро- тить.

Бурлак сейчас догадался, к чему дело кло- нится.

— Да, — говорит, — это правда: я твоей попадье родной брат, да тебя, батюшка, преж- де сего никогда я не видал, а потому самому и признать тебя не умел!

Поп схватил его за руку и тащит на телегу.

— Садись, свет, садись! Поедем к нам. Мы с маткою, слава Богу, живем в довольстве и благополучии, есть чем тебя употчевать.

Привез бурлака, попадья сейчас выбежа- ла к нему навстречу, бросилась бурлаку на шею и целует его.

— Ах, братец любезный, как давно тебя не видала, ну что, как наши-то поживают?

— По-старому, сестрица! Меня послали тебя провести.

— Ну и мы, братец, покудова Бог грехи терпит, живем помаленьку.

Посадила его попадья за стол, наставила перед ним разных закусок, яичницу и водки и ну угощать:

— Кушай, любезный братец!

Начали все они трое есть, пить и веселить-

ся до самой ночи. А как стало темно, постлала попадья постель и говорит попу:

— Мы с братцем вот здесь ляжем да поговорим про наших родителей: кто жив, кто помер; а ты, батюшка, ложись один на казенке али на полатах.

Вот легли спать: бурлак влез на попадью и начал ее попирать своим ху...щем, так что она не утерпела — на всю избу завизжала. Поп услышал и спрашивает:

— Что там такое?

— Эх, батька, ты не знаешь моего горя: мой отец помер.

— Ну, царство ему небесное, — сказал поп и перекрестился.

А попадья опять не выдержала да в другой раз еще пуще того завизжала. Поп опять спрашивает:

— О чем еще плачешь?

— Эх, батька, вить и мать моя померла!

— Царство ей небесное! Со святыми упокой!

Так-то вся ночь у них и прошла.

Поутру бурлак стал домой собираться, а попадья ну его угощать на прощанье и вином-то, и пирогами, так и суетится около него:

— Ну, братец любезный, коли опять будешь в этой стороне — завсегда к нам заходи!

А поп говорит:

— Не обходи нас; мы тебе всегда рады!

Попрощался с ними бурлак. Попадья вы-

звалась провожать братца, а за ней и поп пошел. Идут да разговаривают; вот уже и поле. Попадья говорит попу:

— Воротись-ка, батька, домой, что тебе идти, я и одна теперича провожу братца.

Поп воротился, прошел шагов с тридцать, остановился и глядит: далеко ли они ушли?

А бурлак тем временем повалил матку на пригорок, влез на нее и ну отжаривать на прощанье; а чтобы ловчей надуть попа, надел ей на правую ногу свою шапку и велел задрать ногу-то кверху. Вот е...ет ее, а попадья то и дело ногой да шапкой качает. Поп стоит да смотрит.

«Вишь, — говорит сам себе, — какой родственный человек-то! Далеко ушел, а все кланяется да шапкою мне машет!»

Взял да скинул с себя шапку и давай кланяться:

— Прощай, шурин, прощай!

Отвалял бурлак попадью, да так ее утешил, что три дня под подол заглядывала.

Догоняет она попа, а сама с радости песни поет.

— Сколько лет с ней живу, — сказал поп, — а доселева не слыхал от нее песен!

— Ну, батька, — говорит попадья, — проводила я братца любезного, придется ли еще повидаться с ним в другой раз!

— Бог не без милости, авось придет!

а) В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, парень молодой; не посчастливилось ему в хозяйстве, все коровы и лошади подошли, осталась одна кобыла. Стал он эту кобылу беречь пуще глаза, сам недоест — недоспит, а все за ней ухаживает: раздобрела во как кобыла! Раз как-то убирал он свою лошаденку, зачал ее гладить да приговаривать:

— Ах ты, моя голубушка! Матушка! Нет милее тебя!

Услыхала эти слова соседская дочь — девушка рыжая, и как собрались на улицу деревенские девки, она им и сказала:

— Ох, сестрицы! Я стояла у себя на огороде, а сосед наш Григорий убирал на ту пору свою кобылу, да потом слазил на нее и ну целовать и приговаривать: «Ах ты, голубушка моя, матушка! Нет тебя милее на свете!»

Вот девки и начали над парнем смеяться. Где только ни повстречают его, так и закричат:

— Ах ты, матушка моя, голубушка!

Что делать парню, никуда глаз показать нельзя.

Стал он печалиться. Вот увидела его старуха тетка.

— Что, Гриша, невесел? Что головушку повесил?

Он ей и рассказал про все это дело.

— Ничего, Гриша, — сказала старуха, — все поправлю. Приходи-ка завтра ко мне. Небось перестанут смеяться!

Старуха-то была лекарка, да такая важная — на все село. А в избу к ней сходились на вечерницы девки. Вот она вечером-то увидела ту девку, что рассказала о Григории, как он кобыле под хвост лазил, и говорит ей:

— Ты, девушка, заходи ко мне завтра утром, мне надо кое о чем с тобой потолковать.

— Хорошо, бабушка!

На другой день встал молодец, оделся и пришел к старухе.

— Ну смотри, Гриша, чтоб у тебя припас-то готов был! А теперь становись за печку да стой смирно — пока не позову.

Только встал он за печкою, пришла и девка.

— Здравствуй, бабушка!

— Здорово, голубушка! Вот что, девушка, хочу тебе сказать: вить над тобою худое деется, вить ты, родимая, очень больна...

— Э, бабушка, я, кажись, здорова!

— Нет, голубушка, у тебя внутри-то делается, что и подумать-то страшно! Хошь теперь и не больно тебе, а как дойдет до сердца — в то время уж ничем не вылечишь; так и помрешь! Дай-ка я тебя за живот пощупаю.

— Пощупай, бабушка! — говорит девка, а сама чуть не плачет со страху.

Стала баба щупать ее за живот и говорит:

— Вишь, я правду сказывала! Как только вчера на тебя взглянула — сейчас догадалась, что с тобой недоброе деется, у тебя, голубушка, подле сердца желтуха...

— Подлечи, пожалуйста, бабушка!

— Уж коли хворает, так надо полечить; только стерпишь ли, ведь больно будет?

— Что хочешь делай, хошь ножом режь, да вылечи!

— Ну встань же ты вот тут, высунь голову в окошко и примечай: с какой стороны, с правой или с левой, больше народу будет идти? А назад-то не моги оглядываться, а то все мое лекарство задаром пропадет, тогда и двух недель не проживешь!

Девка высунула свою голову в окошко и ну глазеть по сторонам; а старуха задрала ей хвост и говорит:

— Нагнись-ка туда за окошко побольше, да не оглядывайся: сейчас стану мазать тебе помазком да деготьком!

Тут вызвала старуха потихоньку парня:

— Ну, работай!

Вот он и засунул девке помазок свой на целую четверть вглубь, и как стало у них заходить — стала девка ж...пою вертеть, а сама просит:

— Бабушка, голубушка! Мажь, мажь побольше своим деготьком да помазком!

Парень отвалил ее и ушел за печку.

— Ну, девушка! — сказала старуха, — теперича такая будешь красавица, что любо-дорого!

Девка поблагодарила старуху:

— Спасибо, бабушка! Такое славное у тебя лекарство-то, просто сласть!

— У меня ничего худого нету, а это лекарство для баб и девок куда пользоватое! А с какой стороны народу шло больше?

— С правой, бабушка!

— Ишь, какая ты счастливая! Ну, ступай с Богом домой.

Девка ушла, ушел и парень. Вот он пообедал и повел свою кобылу на реку поить. Девка увидала его, выскочила и кричит:

— Ах ты, матушка моя, голубушка!

А он оборотился и ну передразнивать ее:

— Ох, бабушка-голубушка! Мажь, мажь побольше своим деготьком да помазком!

Тут девка язык прикусила и стала жить с парнем дружно.

б) Жил-был молодец, повадился ходить мимо купеческого дома: как идет — прокашляется и скажет:

— Гуся ел, да попершилось!

Вот купеческая дочь и сказала:

— У моего батюшки много денег, а каждый день не едим гусей.

— Это бывает не богатством, а счастьем, — отвечал молодец и пошел домой.

А купеческая дочь позвала какую-то старую нищенку и посылает:

— Иди за этим молодцем вслед да узнай, что он там обедает, я тебя награжу за это.

Молодец пришел домой, а за ним и нищенка просится отдохнуть в избе; вот ее и пустили. Только молодец жил в большой бедности.

— Матушка, — говорит он, — нет ли чего поесть?

— Щи вчерашние да третьевошная каша.

— Давай-ка сюда кашу.

Подала мать кашу.

— А масла, — говорит, — нету? Да нет ли хоть сальной свечки?

— На вот огарочек.

Положил он свечной огарок в кашу и давай уплетать. Нищенка все это и рассказала купеческой дочери. Вот идет молодец мимо купеческого дома, да опять прокашлялся и сказал:

— Гуся ел, да попершилось!

А купеческая дочь в окошко кричит:

— Сальный огарок с кашей ел!

«Ах, мать твою! Почему она знает? Верно, это нищенка ей сказала».

Отыскал он нищенку и стал ее просить:

— Нельзя ли как поправить это дело? Коли будут деньги, заплачу тебе!

— Хорошо, — сказала старуха.

Сейчас пошла к купеческой дочери.

— Как, сударыня, поживаешь?

— Не совсем здорова, бабушка: все живото́м хвораю. Нельзя ли помочь моему горю?

— Можно, прикажи истопить баню, я вам живот-то потру мазью.

Вот истопили баню; старуха загодя спрятала там молодца, потом привела купеческую дочку, раздела ее всю донага и говорит:

— Ну, сударыня, надо завязать тебе глаза, чтоб дурно не сделалось!

Завязала ей платком глаза, положила ее на лавочку и говорит:

— Теперь стану мазать легкою мазью!

И провела по брюху рукою раза два.

— А теперича будет потруднее!

Тут сказала молодцу, он взлез на девку, всунул ей свой кляп, да так, что она на всю баню закричала.

— Потерпи маленько, сударыня! Завсегда сначала больно бывает, а как обойдется — так по маслу пойдет и живот заживет!

Зачал он махать купеческую дочку, забрало ее за живое, хорошо показалось: она и говорит:

— Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь!

Сделал молодец с нею раз и спрятался; старуха развязала купеческой дочери глаза. Та посмотрела, а под нею кровь.

— Что это, бабушка?

— Это дурная кровь из тебя вышла; полегчало тебе?

— Полегчало, бабушка! Ах, какая у тебя славная мазь, слаще меда! Нет ли еще?

— Разве еще хочется?

— Очень хочется, бабушка! Что-то живот опять начал побаливать.

Завязала ей старуха глаза, положила на лавочку, а молодец опять стал ее махать по-свойски.

— Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь, — говорит купеческая дочь.

Отделал ее молодец и спрятался; купеческая дочь встала и просит:

— Принеси мне, бабушка, этой мази, вот тебе сто рублей за лечение!

Так дело и кончилось.

Вот идет молодец мимо купеческого дома и опять говорит:

— Гуся ел, да попершилось.

А купеческая дочь кричит в окно:

— Сальную свечку с кашей ел!

А молодец в ответ:

— Мажь, бабушка, мажь, хороша твоя мазь!

Стало у купеческой дочери брюхо расти; заметила мать и спрашивает:

— Что это, дочка, никуда ты из дому не ходишь, а брюхо у тебя выше носа поднимается?

— Ах, матушка, вить это оттого, как ходила я с бабушкою в баню, а она все мазала мне живот мазью, да такою славною, слаще меду!

Мать догадалась, позвала к себе нищенку и спрашивает:

— Ты, бабушка, мазала мою дочь в бане мазью?

— Я, сударыня!

— Помажь и мне!

— Изволь, помажу!

Тотчас побежала за молодцом.

— Одевайся, иди, купчиха мази просит!

Пришли в баню; старуха завязала купчихе глаза и положила ее на лавку. А молодец взлез на нее и ну отжаривать. Тут купчиха поскорей платок с глаз долой, увидала молодца, поцеловала его за работу и говорит:

— Ну, молодец, живу я с мужем двадцать лет, а этакой сласти не знавала. Вот тебе сто рублей, будь мужем моей дочери.

Женился молодец на купеческой дочери и задал пир на весь мир, и я там был, мед-вино пил, по усам текло, в рот ни капли не попало!

в) Жил-был солдат, любил выпить. Напала на него одышка, и пошел он к лекарке, лекарка была хоть и старуха, да еще крепенькая, как увидала солдата, засвербело у нее меж ногами.

— Что, служивой?

— Да вот, полечи от одышки.

— Раздевайся да садись.

Солдат сел, а лекарка поставила перед ним штоф водки:

— Кушай, служивый, на здоровье!

Солдат не заставил себя просить, так на-

лизался, что в глазах зарябило: тут же повалился да и заснул.

Старуха ну солдата ощупывать, добралась до пупа и пониже да как завоет:

— Ах я взбалмошная! Что наделала, кляп-то у него не то что ожил, а совсем загнулся...

Уложила солдата на кровать и сама улеглась подле, лежит да все щупает: не ожил ли х...й у него? А солдат храпит себе во всю ивановскую. Дотронулась она в последний раз до корня, и корень-то глядит за спину, и уснула. Перед рассветом солдат очнулся, увидел бабу подле себя и думает: «Дай-ка ее с бока хвачу!»

И придвинулся как следует. А старуха была чутка, говорит спросонок:

— Что ты, служивый, делаешь? Как тебе не стыдно?

А сама еще больше на х...й наворачтывается.

— А что, бабушка, разве для хвораго это вредно? Я, пожалуй, выну.

— Что ты, служивый! Засовывай, да нельзя ли поглубже; тебе оттого полегче будет!

Солдат отработал ее и ушел, приговаривая:

— Хоть не легче, так сытно!

На горе солдата, на ту пору спала на полатах девка, старухина племянница, она все это видела и рассказала другим девкам. Стали они солдата дразнить:

— Старуху качал! Старуху качал!

Солдат терпел, терпел и пошел с жалобой к старухе.

— Ах, благодетель! — сказала старуха. — Да что ты давно мне не рассказал про это, я бы отучила смеяться мерзких девчонок. Ах они, такие-сякие! Да разве у старухи хуже ихней-то дыра! Да где им, паскудным, так подмахивать! Послушай же, ко мне ходит лечиться одна девка от грыжи, так ты, служивый, приходи завтра вечером сюда, я тебя спрячу на кровать, а девку-то поставлю на четвереньки, да и заставлю тебя откатать ее на все корки!

Вот на другой день солдат по-сказанному, как по-писаному, пришел и лег на кровать. Прошло с полчаса — глядь: идет молодая девка. Как увидал ее солдат, у него жила подтянулась и приподнялась не хуже штыка. Старуха огляделась на девку и говорит:

— Что ты, родимая! Да у тебя меж ног блохи гнездышко свили, и вывести их нельзя ничем, как только рукой; а то, пожалуй, умрешь.

— Яви, бабушка, божескую милость, вылечи!

— Ну, делать нечего; не хотелось бы рукой туда лезть, да надо. На вот тебе платок, завяжи глаза, разденься наголо да встань на четвереньки.

Девка все то сделала. Тут солдат подошел к мишени, взял х...й в обе руки и стал всаживать ей в пи...ду.

Девка ну кричать:

— Больно, бабушка, больно!

— Терпи, кормилица, вишь, проклятые блохи как расплодились, даже в устьях поделали!

Солдат всунул ей на целую четверть, девка взвизгнула:

— Ой, бабушка, умру; больно, родимая, больно!

— Постой, дитятко, я с деготьком попробую, авось легче будет.

Солдат всадил х...й донельзя — девка и язык прикусила — и давай ее насаливать. Стало у них заходиться.

— Вот теперь, бабушка, хорошо! Право слово, хорошо! Да нельзя ли еще деготьком подмазать? С деготьком-то зазорнее! Я уж у отца целую бадью с дегтем утащу да тебе принесу.

Солдат слышит, что девка-то разгорелась на гвоздю, и ну тискать свой хобот вместе с бубенчиками, да так разутешил, что сделал пи...ду шире шапки.

— Ну что, легче ли? — спрашивает старуха. — Кажись, все подошли!

— Как же, бабушка, теперь полегчило.

Солдат спрятался; девка встала, оделась и ушла.

На другой день девка-широкопи...дка повстречала солдата и стала его дразнить:

— Старуху качал! Старуху качал!

А солдат ей говорит:

— А с деготьком-то ведь лучше!

В некотором царстве, в некотором государстве жил барин да еще был мужик, такой бедной, что и сказать нельзя! Призвал его барин и говорит:

— Послушай, мужичок! Долгу своего ты не платишь, и взять с тебя нечего, ступай ко мне и живи за долг три года.

Прожил у него мужик год, другой, третий.

Барин видит, что мужику скоро срок отходит, и думает, какую бы сыскать вину, чтоб еще оставить мужика при себе на три года. Позвал его барин и стал говорить:

— Послушай, мужичок! Вот тебе десять зайцев, гони их пастись в поле да смотри, чтоб все были целы! А то опять оставлю при себе на три года.

Только погнал мужик зайцев в поле — они все у него разбежались в разные стороны.

«Что делать? — думает он. — Теперь пропал я!»

Сел и плачет. Откудова ни возмись — явился старик и спрашивает:

— О чем, мужичок, плачешь?

— Как мне, старик, не плакать! Дал мне барин пасти зайцев, они все и разбежались; теперь беда мне неминуемая!

Старик дал ему дудочку и говорит:

— На тебе дудочку: когда заиграешь в нее, они все к тебе прибегут!

Мужик сказал спасибо, взял дудочку и только заиграл в нее, как тотчас все зайцы к нему прибежали. Он погнал их домой, барин пересчитал зайцев и говорит:

— Все целы! Ну, что нам делать? — сказал барин своей барыне. — Какую вину на мужике сыскать?

— А вот что, душенька, когда он завтра погонит зайцев, я переоденусь в другое платье, пойду к нему и куплю одного зайца.

— Ну хорошо!

Наутро погнал мужик зайцев в поле и только подошел к лесу, они тотчас все разбежались в разные стороны, а мужик сел на траву и начал лапти плести. Вдруг едет барыня, остановилась, подошла к нему и спрашивает:

— Что, мужичок, здесь делаешь?

— Скотину пасу.

— Какую скотину?

Мужик взял дудочку и заиграл — все зайцы сбежались к нему.

— Ах, мужичок, — сказала барыня, — продай мне одного зайчика.

— Никак нельзя, ведь это господские зайцы. А барин у меня очень строг! Он, пожалуй, меня совсем заест.

Барыня стала к нему приставать:

— Пожалуйста, продай.

Мужик видит, что ей очень хочется зайчика, и говорит:

— У меня, барыня, завет положен.

— Какой завет?

— Кто даст поеть, тому и зайца уступлю.

— Возьми лучше деньгами, мужичок.

— Нет, мне больше ничего не надо!

Барыне делать нечего — дала мужику поеть. Он обработал ее и подал зайца:

— Только, барыня, держи его потихоньку, а то раздавишь.

Она взяла зайца, села в коляску и поехала. А мужик как заиграл в свою дудочку — этот заяц услышал, выпрыгнул из рук барыни и ушел назад к мужику.

Приехала барыня домой.

— Ну что, купила зайца?

— Купила-то купила, только как мужик заиграл в свою дудочку, заяц выпрыгнул от меня и ушел.

На другой день опять поехала барыня к мужику, подходит к нему и опять спрашивает:

— Что делаешь, мужичок?

— Лапти плету да господскую скотину пасу.

— Где ж твоя скотина?

Мужик заиграл в дудочку, и сейчас сбежались к нему все зайцы. Барыня стала торговать зайца.

— У меня положен завет.

— Какой?

— Дай поеть.

Барыня опять дала и получила за то зай-

ца, а как мужик заиграл, заяц выскочил и ушел от нее.

На третий день переоделся и поехал сам барин.

— Что, мужичок, делаешь?

— Скотину пасу.

— Да где ж твоя скотина?

Заиграл мужик в дудочку, сбежались к нему зайцы.

— Продай мне одного!

— За деньги не продам. У меня положен завет.

— Какой завет?

— Кто захочет кобылу поеть — тому и зайца отдам.

Барин взлез на кобылу и сотворил грех с нею. Мужик подал ему зайца и говорит:

— Держи его, барин, потихоньку, а то задавишь.

Барин взял зайца и поехал домой, а мужик заиграл в дудочку — заяц услышал и ушел от него к мужику.

Видит барин, что ничего не возьмешь, и отпустил мужика жить на воле.

ПАСТУХ

В одной деревне жил-был пастух, молодой парень. Деревенские девицы и молодые молодницы к нему были привычны и всякие

шутки от него принимали. Многие девки на него завидовали, хочется полюбоваться с ним, да не всякой удастся-то! Вот девки и придумали на него напраслину, а может, и взаправду — застали его на кобыле и ну над ним потешаться. Другие девки еще не так его доколяли, как одна Дуня. Погонит, бывало, она поутру скотину, а сама кричит пастуху:

— Смотри-ка, Иван, стереги мою кобылу!

Просто проходу ему не дает своею кобылой. Пастух все себе на ус мотает. А в деревне жила старуха, такая приветливая, а к этой старухе собирались девки на посиделки. Пошел пастух к старухе и прямо упал к ней в ноги:

— Заставь, бабушка, за себя вечно Бога молить, а я тебя до веку не забуду.

Рассказал ей про свое горе и дал ей полтинник денег.

— Хорошо, родимый! Приходи ужо в сумерки.

Вечером пригнал пастух с поля стадо, а в то время дождик. Стали бабы зазывать свою скотину, Дуня тоже побежала по деревне искать свою корову, а старуха увидала ее в окно и закричала:

— Дуня, Дуня! Поди-ка сюда.

Девка прибежала. Как зачала бранить ее старуха, а пастух-то спрятан у нее за печкой.

— Смотри, Дуняша, будешь каяться, да не воротишь.

Дуня испугалась и не знает, какая-токая вина за нею.

— Экие вы дуры безопасные! — сказала старуха. — Бегаєте неосторожно и прыгаете через канаву как попало! Годится ли эдак делать? Посмотри-кась, что ты теперь наделала: ведь ты, дура, честь свою испортила! Кто тебя замуж возьмет?

— Ах, бабушка! Нельзя ли похляпотать да поправить как-нибудь?

— То-то поправить! За все про все отвечай бабушка! Поди-ка сюда, делай, что скажу, да терпи, хоть и больно будет.

— Хорошо, бабушка.

— Смотри в окно да раскорячься пошире, а сама, чур, не оглядывайся; а то все дело пропадет, в то время и поправить нельзя будет!

Завернула ей сарафан и махнула пастуху. Иван подкрался тихонько, скинул портки и начал поправлять Дунькину честь.

— Ну что? Хорошо? — спрашивает старуха.

— Хорошо, бабушка! Ух, как хорошо! Еще поправь, бабушка! Я тебя николи не забуду.

Покончил свое дело пастух и спрятался за печку.

— Теперь, — сказала старуха, — ступай, глупенькая, домой! Да моли за бабушку Бога.

На другой день погнала Дуня скотину и опять стала дразнить пастуха кобылою; а он ей в ответ:

— А не хочешь ли, честь тебе поправлю!

— Нехорошо, Иван, — сказала с укором девка.

— Не знаю, как тебе, а мне хорошо было, — отвечал пастух.

СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА

Стояли в деревне солдаты, и бабы были к ним очень привычны, дело-то, знаешь, было не без греха: хозяин на заработку, а хозяйка и пьет, и ест, и спит с солдатом! Вот у одного мужика была жена больно гульливая, много раз заставлял он ее с мужиками и с солдатами, а все она права оставалась. В одно время застал ее мужик с парнем в сарае:

— Ну, бл...дь, что теперь станешь говорить?

А она покедова под парнем лежала — говорила:

— Виновата, мой милой друг!

А как встала да прибежала в избу, сейчас бросилась к свекрови и давай плакать. Пришел муж и говорит:

— Ну, матушка, я людям не верил, а теперь я сам застал жену с парнем в сарае.

А баба со слезами:

— Видишь, матушка, какую терплю я напраслину!

— Ах ты, бл...дь проклятая, вить я сейчас поднял тебя из-под Андрюшки.

— Врешь, подлец! Ну-ка скажи, куда я головой лежала?

Мужик задумался и сказал:

— А черт тебя знает, куда ты головой лежала!

— Вот видишь, матушка, как он врет-то на меня!

Мать накинулась на сына и давай его ругать.

— Хорошо, — говорит мужик, — я тебя, голубушку, опять скоро поймаю!

Прошло некоторое время, связалась та баба с солдатом, и пошли они вместе в сарай. Положил ее солдат на вязанку соломы и давай еть. Хозяин-то и подметил, пришел в сарай и захватил солдата на жене.

— Ах, брат служивый! Это нехорошо.

— Черт вас разберет, — отвечает солдат, — она говорит — хорошо, а ты — нехорошо, на вас не угодишь!

— Я, брат служивый, пойду на тебя просить!

— Ну ты ступай, еще проси, а я уж выпросил.

СОЛДАТ САМ СПИТ, А Х...Й РАБОТАЕТ

а) Жил-был мужик, у него была молодая хозяйка. Вот пришли в деревню солдаты и поставили к этому мужику в постояльцы одно-

го служивого. Как легли они вечером спать все вместе: хозяйка в середине, а мужик с солдатом по краям. Мужик лежит да разговаривает с женою, а солдат уллучил-то времечко и стал хозяйку через ж...пу валять. Мужик разохотился было и сам на бабу слазить и хотел ее пощупать — хватъ за пи...ду рукою и поймал солдатский х...й.

— Что ты делаешь, служивый?

А солдат храпит себе, будто спит крепким сном.

— Ишь, какой служивый! — сказал мужик. — Сам спит, х...й в пи...ду направил.

— Извини, хозяин, и сам не знаю, как он туда попал!

б) Долго подбирался солдат, как бы уеть хохлушку; вот и выдумал; говорит хохлу:

— Хозяин! У тебя в дому много чертей, спать не дают! А ты какво спал?

— Я, слава Богу, хорошо!

— Ну, я нынче с тобой ляжу!

Хохлушка говорит:

— Пуцай с нами ляжет!

Хохол согласился. Вот сам хозяин лег с краю, хозяйку положил в середине, а солдат улегся к стене, и ну подталкивать хозяйку через ж...пу. Хохол проснулся, протянул тихонько руку и хватил солдата за х...й.

— А, господа служба, сам спит, а х...яку пустил в чужую пи...дяку!

— Что ты, чертов сын! Ухватил меня за х...й? — закричал солдат. — Я и жене своей не позволю — не только тебе!

— А зачем, господа служба, пускаешь х...яку в чужую пи...яку?

— Да разве он лазил туда?

— Ишь какой! Да я его оттуда насилу вытащил!

— Экой блудливой, шельма! Ну, надую ж ему бока, не станет он у меня шляться по чужим дырам.

СОЛДАТ И ХОХЛУШКА

Ехал хохол с жинкою и сыном в город на волах, а кирасир привязал на дороге кобылу к дереву и е...ет ее.

— Что ты, москаль, делаешь?

— Да вот казенная лошадь сплечилась, так лечу!

А хохлушка думает: «Верно, у него х...й большой! Ишь кобылу е...ет!»

Взяла и села в телеге на грядку; колесо ударилось в канаву. Хохлушка упала с телеги и кричит:

— Беги скорей за солдатом, я сплечилась!

Хохол побежал, догнал солдата:

— Москаль, будь родной отец, помоги, пожалуйста, у меня хозяйка сплечилась.

— Что делать, надо помочь твоему горю!

Воротился солдат, хохлушка лежит на земле да стонет:

— Ай, батенька, сплечилась.

— Есть ли у тебя, — спрашивает солдат хохла, — рядом, чем телегу накрыть?

— Есть!

— Хорошо, давай сюда!

Накрыл телегу и положил туда хохлушку.

— А есть ли у тебя хлеб-соль?

— Есть.

Солдат взял кусочек хлеба и посолил.

— Ну, хохол, ступай, держи волов, чтобы с места не трогались.

Хохол ухватил их за рога и держит, а солдат влез на телегу и давай есть хохлушку. Сын увидал, что солдат на матери лежит, сказал:

— Тятко, а тятко! Москаль мамку е...ет.

— И то, сынок, кажись, е...ет! Да нет, хлеб-соль его не попустит!

Солдат отработал и вылез из телеги. Хохлушка говорит:

— Ну спасибо, москаль! Вот тебе карбованец.

Хохол достал кошелек, дает ему два карбованца:

— Спасибо, москаль, что жинку вылечил!

СОЛДАТ И ХОХОЛ

Стоял солдат у хохла на квартире и свел знакомство с его хозяйкой. Хохол заметил и

перестал ходить на работу; все сидит дома. Солдат поднялся на выдумку, переоделся в другую одежду, приходит вечером к хате и стучится в окно. Хохлушка спрашивает:

— Кто там?

А солдат отвечает:

— Бабе.

— Какой бабе?

— Какой хохлов е...ет! Что, хозяин дома?

— На что тебе?

— Да вот последовал указ всех хохлов пер...ть! Отпирай-ка скорей двери!

Хохол испугался, не знает, куда деваться, схватил кожух, залез под лавку и укрывшись тем кожухом. Хохлушка отперла двери и пустила солдата; вошел он в хату и кричит:

— Где же хозяин?

— Его нема дома!

Солдат начал искать его на печи, на полатях и по всем углам и, наконец, напал на хохла под лавкою.

— А это кто?

Хозяйка и говорит:

— Это теля.

А хохол услышал и замычал по-телячьи.

— Ну, коли нет хозяина, так сама ложись!

— Ах, боже мой, нельзя ли обождать до другого раза, пока хозяин придет?

— Тебе хорошо — до другого раза, а мне надо обойти все избы, а не обойду — так три-

ста палок в спину. Ложись-ка скорее, мне с тобою некогда разговаривать.

Хохлушка легла, а солдат начал ее осаждать по-свойски, до того припер ей, что аж запе...дела с натуги. Отвалял солдат и ушел из хаты. Хохол вылез из-под лавки и говорит:

— Ну, спасибо тебе, жинка! Что за меня потрудились! У тебя две дыры: в одну прет, в другую дух идет — и то ты не утерпела да запе...дела, а я, кажись, совсем ус...ался бы! Ох, жинка! Ты умна, а я еще (еще) умней; ты сказала — теля, а я замычал по-телячьи!

БЕГЛЫЙ СОЛДАТ

Беглый солдат залез ночью к одному мужику в ригу и залег на сене спать. Только стал засыпать, слышит: кто-то идет.

Солдат испугался и залез под самую крышу.

Вот пришла туда девка, а за нею парень; принесли с собою вина и разных закусок; поставили в угол, разделись и давай целоваться да любоваться. Парень повалил девку на сено и начал ее еть; девка подмахивает, а сама говорит:

— Ах, милый друг! Коли Бог даст, да рожу я ребенка — кто за ним присмотрит, кто его выходит?

А парень отвечает:

— Тот, кто над нами!

Как услышал эти речи солдат, не вытерпел и закричал:

— Ах вы подлые! Вы блуд творите, а я за вас отвечать буду!

Парень тотчас вскочил с девки да бежать; девка тоже — давай Бог ноги!

А солдат слез наземь, забрал их одежду, вино и закуски и пошел своей дорогою.

СОЛДАТ И ПОП

Захотелось солдату попадью уеть; как быть? Нарядился во всю амуницию, взял ружье и пришел к попу на двор.

— Ну, батька! Вышел такой указ, велено всех попов перееть, подставляй свою с...аку!

— Ах, служивый! Нельзя ли меня освободить?

— Вот еще выдумал! Чтоб мне за тебя досталось? Скидай-ка портки поскорей да становись раком.

— Смилуйся, служивый! Нельзя ли вместо меня попадью уеть?

— Оно, пожалуй, можно-то можно! Да чтоб не узнали, а то беда будет! А ты, батька, что дашь? Я ведь меньше сотни не возьму.

— Возьми, служивый, только помоги горю!

— Ну поди ложись в телегу, а сверху положи попадью, я влезу и будто тебя от...бу!

Поп лег в телегу, попадья на него, солдат задрал ей подол и ну валять на все корки.

Поп лежал-лежал, и разобрало его; х...й у попа натужился, просунулся в дыру, сквозь телегу и торчит, да такой красный! А попова дочь смотрела, смотрела и говорит:

— Аи да служивый, какой у него х...й здоровенный: матку и батьку насквозь пронизал, да еще конец мотается!

СОЛДАТ РЕШЕТИТ

Была свадьба у богатого мужика: женил он сына. И было у него пирование великое. Обвенчали жениха с невестой и спать уложили, а наутро подняли, поздравили с законным браком, потом накрыли молодых белой простынею и стали решетить (то есть дарить молодых дарами), всякий кладет денег сколько может! Вот все отрешетили, остался один солдат. Старик видит, что он лежит с похмелья, и говорит:

— Что же, служивый, встань да порешети молодых!

Солдат встал.

— Решетить так решетить, — говорит да идет без портков, как спал, берется за решето и прямо поднял простыню и давай молодую решетить через ж...пу.

— Служивый, — кричит свекор, — ты не так решетишь!

А молодая:

— Ничего, батюшка, пускай хоть так порешетит!

Отвываял ее солдат и полез на лавку. Вот свекру досадно стало и говорит он девкам:

— Спойте-ка солдату страшную песню!

Девки запели:

— Ах ты, солдат! По белу свету волочил-ся, а решетить не научился!

— Ах вы, ку...вы, как умел, так и решетил!

ТЕЩА И ЗЯТЬ-ДУРЕНЬ

Жили-были мужик с бабой, у них была дочь. Нашелся жених, высватал девку и женился на ней. Случилось зятю быть у тещи в гостях на Святках. Теща посадила его за стол и начала угощать. Поставила перед ним разных закусок, сама зятя спрашивает:

— Послушай, сынок! У вас нонче какую животину к празднику били?

— Да вишь, мой батюшка перед самым праздником поймал суку в амбаре и так ее прибил, что она усса...ась и усра...ась. Насилу сука-то вырвалась да бежать, а батька за нею вдогонку, нагнал ее у забора, как она лезла в дыру, да по пи...де еще раз ударил!

«Ну, нажила себе умного зятя! — думает теща, — экое словечко сбухал, больше ничего не спрошу у него».

БОЛТЛИВАЯ ЖЕНА

Жил-был мужик, и захотелось ему попытать: можно ли, когда случится, сказать жене тайну или нет?

Захотелось ему раз до ветру, он пошел на двор и вы...рался. Воротился в избу, сел на лавку, повесил голову и так тяжело вздыхает, будто что-то худое сделал!

Стала баба его спрашивать:

— Что ты, али захворал? Какой давеча веселый был, а теперича ишь насупился!

— Эх, жена, молчи! — говорит мужик. — Сам не знаю, перед добром или худом это со мной случилось!

Баба пристала:

— Скажи да скажи мне, что такое случилось?

— Сейчас ходил я, жена, до ветру. Только сел да пе...днул, как у меня из ж...пы вылетела одна сорока, вот я и думаю: к чему бы это такое было?

Как услышала баба про сороку, тут же побежала к куме за каким-то делом и давай ей рассказывать:

— Послушай, кума, что с моим мужем-то вчера случилось: пошел он до ветру, только пе...днул, как у него из ж...пы вылетели две сороки, к чему бы это такое?

— Не знаю, кумушка!
Потолковали они, потолковали и разо-

плись. Кума побежала сейчас к своей куме и говорит ей:

— Не слыхала ты, кумушка Арина, что с Иваном-то случилось? Ко мне жена его приходила и сказывала, что пошел он до ветру и только пе...днул раз, как у него из ж...пы вылетели три сороки!

Кума Арина побежала к соседям и нахвасталась, что пошел Иван до ветру, а у него из ж...пы вылетели четыре сороки. Чем далее шло, тем более сорок прибывало; как обошла весть всех деревенских баб, оказалось, что у мужика из ж...пы вылетели двенадцать сорок, и так пошла на него слава, что и показаться никуда нельзя! Кто ни попадется на глаза, всяк спрашивает:

— Как это у тебя из ж...пы двенадцать сорок вылетели? Расскажи, пожалуйста!

ПОП РЖЕТ, КАК ЖЕРЕБЕЦ

а) В некотором селе жил-был поп, великий охотник до молодых баб, как только увидит, бывало, в окно, что мимо двора его идет молодка, сейчас высунет голову и заржет по-жеребьячи. На том же селе жил один мужик, у которого жена была очень хороша собой. И ходила она каждый день за водою мимо поповского двора; а поп только усмотрит ее — сейчас высунет голову в окно

и заржет. Вот баба пришла домой и спрашивает у мужика:

— Муженек! Скажи, пожалуйста, отчего это, иду я за водой мимо попова двора, а поп на всю улицу ржет по-жеребьячи!

— Эх, дура баба! Это он тебя любить хочет! А ты смотри, как пойдешь за водой и станет поп ржать по-жеребьячи: «иго-го», ты ему сама заржи тонким голосом: «иги-ги». Он к тебе сейчас выскочит и попросится ночевать с тобой; ты его замани; вот мы попа-то и об-работаем; пусть не ржет по-жеребьячи!

Взяла баба ведра и пошла за водой. Поп увидал ее из окошка и заржал на всю улицу: «Иго-го, иго-го!» А баба в ответ ему заржала: «Иги-ги, иги-ги!»

Поп надел подрясник, выбежал из избы и к бабе:

— Что, Марьюшка! Нельзя ли того?..

— Можно, батька! Вот муж собирается в город на ярмарку, только лошадей нигде не добудет.

— Ты давно б сказала, присылай его ко мне, я дам свою пару лошадей с повозкой. Пусть себе едет!

Воротилась баба домой и говорит мужу:

— Так и так, бери у попа лошадей.

Мужик сейчас собрался и прямо к попу, а поп давно его ждет.

— Сделайте милость, батюшка, дайте пару лошадок на ярмарку съездить.

— Изволь, изволь, свет!

Запряг мужик поповых лошадей в повозку, приехал домой и говорит жене:

— Ну, хозяйка! Я выеду за деревню, постою немножко, да и назад. Пусть поп приходит к тебе гулять, а как я ворочусь да застучу в ворота — он испугается и станет спрашивать: «Где бы спрятаться?» Ты и спрячь его в этот сундук, что с голландской сажей стоит; слышь?

— Ладно.

Сел мужик в повозку и поехал за деревню, поп увидел и сейчас бросился к бабе.

— Здравствуй, Марьюшка!

— Здравствуй, батюшка! Теперь нам своя воля, погуляем! Садись-ка за стол да выпей водочки.

Поп выпил рюмочку, и не терпит ему, поскидал с себя рясу и сапоги, и портки — собирается на постель ложиться. Вдруг как застучат у ворот. Поп испугался и спрашивает:

— Кто это, Марьюшка, стучится?

— Ах, батя! Ведь это мой муж домой приехал, кажись, что-то позабыл!

— Куда же мне-то, свет, спрятаться?

— А вон порожний сундук стоит в углу, полезай туда!

Поп полез в сундук и прямо попал в сажу; улегся там, еле дышит; баба сей час закрыла его крышкой и заперла на замок. Вошел мужик в избу. Жена и спрашивает:

— Что воротился?

— Да позабыл захватить сундук с сажеею; авось на ярмарке-то купят, пособи-ка на повозку снести.

Подняли они вдвоем сундук с попом и потащили из избы.

— Отчего он такой тяжелой? — говорит хозяин. — Кажись, совсем порожний, а тяжел!

А сам тащит-тащит да нарочно об стену или об дверь стукнет. Поп катается в сундуке и думает: «Ну попал в добрый капкан!»

Втащили на повозку; мужик сел на сундук и поехал на поповых лошадях в город; выехал на дорогу, как стал кнутом помахивать да коней постегивать — помчались они во весь дух! Вот едет ему навстречу барин и говорит лакею:

— Поди, останови этого мужика да спроси — куда так шибко гонит?

Лакей побежал и кричит:

— Эй, мужичок! Постой, постой!

Мужик остановился.

— Барин велел спросить, что так шибко гонишь?

— Да чертей ловлю, оттого шибко и гоню.

— Что же, мужик, поймал хоть одного?

— Одного-то поймал, а за другим гнался, да вот ты помешал! Теперь за ним не угонишься.

Лакей рассказал про то барину: так и так, одного черта мужик поймал! Барин сейчас к мужику:

— Покажи, братец, мне черта; я сроду их не видывал!

— Дашь, барин, сто рублей, покажу.

— Хорошо, — сказал барин.

Взял мужик с барина сто рублей, открыл сундук и показывает, а в сундуке сидит поп, весь избитый да вымазанный в саже, с расстрепанными патлами.

— Ах, какой страшный! — сказал барин. — Как есть черт! Волосы длинные, рожа черная, глаза так и выпучил!

Потом мужик запер своего черта и опять поскакал в город, приехал на площадь, где была ярмарка, и остановился.

— Что, мужик, продаешь? — спрашивают его.

— Черта! — отвечает он.

— А что просишь?

— Тысячу рублей.

— А меньше как?

— Ничего меньше! Одно слово — тысячу рублей.

Тут собралось около мужика столько народу, что яблоку упасть негде. Пришли двое богатых купцов, протолкались кое-как к повозке.

— Мужик, продай черта.

— Купите.

— Ну, что цена будет?

— Тысяча рублей, да и то за одного черта, без сундука. Сундук-то мне нужен, коли еще поймаю черта, чтобы было, куда посадить.

Купцы сложились и дали ему тысячу.

— Извольте получать! — говорит мужик, открыл сундук — поп как выскочит да бежать! Прямо в толпу бросился, а народ как шарахнется от него в разные стороны, так поп и убежал!

— Экой черт! К эдакому коли попадешься, совсем пропадешь, — говорят купцы промеж себя.

А мужик воротился домой и отвел к попу лошадей.

— Спасибо, — говорит, — батюшка, за повозку — славно торговал; тысячу рубликов зашиб.

После того баба его пошла за водой мимо попова двора, увидела попа и нуржать: «Иги-ги-ги».

— Ну, мать твою так! — сказал поп. — Муж твой славно меня угигикал.

С тех пор перестал поп ржать по-жеребьячи.

б) В некотором царстве, в некотором государстве жил поп, полюбилась ему мужикова жена: как только пойдет она по воду с ведрами — он и начнет ржать, как жеребец. Вот раз идет она по воду, а поп увидел и заржал; а она себе тож взяла и заржала. Поп выбежал:

— Что, умница, нельзя ли свести нам с тобой знакомства?

— Можно, батька, только надо уладить это дело!

Пришла домой и говорит мужу:

— Поп хочет со мной заняться, просится ко мне ночевать.

— Ну что же? Пускай приходит, а я поеду пахать поле да ворочусь и накрою его; авось что и слупим с него!

Поехал мужик в поле нарочно мимо попова двора.

— Куда, свет, едешь?

— Пахать, батюшка! Благословите на путь, на дорогу!

— Хорошее дело, — говорит поп, — Бог тебя благословит!

А баба пошла сейчас по воду, повстречалась с попом и говорит:

— Ну, муж уехал пахать! Приходи, батяка, нынче вечером; я тебе закуску приготовлю, а ты вина принеси...

Поп насилу вечера дождался; поскорее оделся, захватил в карман денег и штоф вина и побежал к бабе. Пришел.

— Здравствуй, умница!

— Здравствуй, батяка!

Вынул поп штоф, поставил на стол; закусили они и выпили как следует. Тут поп начал с бабой заигрывать, за титьки ее пощупывать, уж совсем на кровать тащит!

Как вдруг застучит в окно:

— Отворяй, жена! Что заперлась? Али женихов прячешь?

— Погоди, муженек, сейчас отопру.

Поп испугался.

— Куда же мне? Куда деваться-то?

А баба ему говорит:

— Ты, батяка, поскорей разденься да напяль на себя вот эту худенькую одежду-то и садись здесь, у печки. Коли муж про тебя спросит, я скажу: нищий ночевать попросился, я и пустила.

Поп сейчас стащил с себя рясу, оделся в изорванную одежду и сел у печки. Мужик вошел в избу.

— Что, муженек, рано воротился? Сказал: на три дня едешь.

— Да забыл бочонок с водою. А это что у тебя за человек?

— Это странник, попросился ночевать — я и пустила!

— Ну, хозяйка! Дай-ка поужинать, а там и спать ляжем, завтра рано надуть на пашню ехать.

Сел за стол и начал уписывать.

— Ты, может, винца выпьешь? — говорит жена.

— А разве есть?

— Есть; нынче ходила я к матушке, она дала мне целый штоф.

Мужик подвыпил порядком и говорит попу:

— Садись, земляк, с нами ужинать!

Поп уставился и молчит.

— Эх, жена! Ходил он по белому свету,

оброс весь бородою и перед людьми стыдно теперь показываться, вишь как боится! Подай-ка сюда ножницы, я ему бороду-то обстригу!

Баба подала ножницы, мужик и остриг попу бороду догола. Потом сидел-сидел да и выдумал.

— Эй, хозяйка! — говорит. — Ступай к попадье, проси, чтоб пожаловала к нам закусить и выпить; она женщина хорошая! Ее можно попотчевать.

Побежала баба попадью звать, а та тому и рада; вскочила, оделась и пошла к мужику.

— Что так долго, матушка? — спросил мужик.

— Экой! Чай сам знаешь, какое собрание у поповой жены: покуда умоешься да оденешься — хороший мужик десять верст уйдет!

— Ну, садись, матушка, закуси с нами и выпей с чем Бог послал: у меня сегодня праздник: корова бычка родила!

И ну наливать ее водкой; один стакан поднес, и другой, и третий.

— Пей, матушка, за здоровье нашего бычка! Так все вино и выпили.

— Жена, — говорит мужик своей хозяйке, — сходи-ка в кабак да возьми-ка еще полштофа: я загулял сегодня!

Жена побежала в кабак, а мужик видит, что попадья захмелела, и стал у нее просить, чтоб дала ему поеть. Попадья отговаривалась,

отговаривалась, никак не могла отговориться. Все мужик пристаёт:

— Дай, матушка! Я отродясь не пробовал у попадья!

— Где же мы ляжем, — спрашивает попадья, — ведь здесь нищий сидит?

— Ничего, пусть себе посмотрит! — сказал мужик, положил попадью на кровать и давай ее зудить.

Поп сидит, поглядывает да тяжело вздыхает. Только мужик покончил с попадьею дело, пришла жена его с водкою. Ну тут опять выпили. Попадья распрощалась и ушла домой, а мужик лег с женою спать. И поп прилег на лавке будто спать, а сам выжидает время — как бы удрать. Мужик нарочно захрапел. Поп потихоньку вскочил да давай Бог ноги. Прибежал домой, насилу достучался, сбросил с себя тряпье и ложится к попадье. Вот попадья хватя его за бороду — а бороды-то нет.

— Кто это, батька, тебя облупил!

— Да тот черт, что и тебя лупил!

Тут попадья и язык прикусила.

ХИТРАЯ БАБА

а) Жил-был мещанин, у него была пригожая жена. Жили они и прожились. И говорит жена мужу:

— Надо нам с тобой поправиться, чтоб было чем свои головы прокормить.

— А как поправиться?

— Уж я придумала, только не ругай меня.

— Ну делай, коли придумала.

— Спрячься-ка, — говорит жена, — да выжидай. Я найду и приведу к себе гостя, ты и застучи: тут мы дело и обделаем.

— Ну хорошо.

Вот взяла она короб, насыпала сажеею и поставила на полатях, муж спрятался, а жена набелилась, нарумянилась, убралась и вышла на улицу, да и села подле окошечка, такая наряженная! Немного погода едет мимо верхом на лошади поп. Подъехал близко и говорит:

— Что, молодушка, нарядилась, али праздник у тебя какой?

— Какой праздник! С горя нарядилась! Теперь я одна дома.

— А муж где?

— На работу уехал.

— Что, голубушка, твоему горю пособить можно; пусти-ка меня к себе в гости, так и не будешь одна ночь коротать!

— Милости просим, батюшка!

— Куда же лошадь девать-то?

— Веди на двор, я велю батраку прибрать ее.

Вот вошли они вдвоем в избу.

— Как же, голубушка, надо наперед выпить; вот целковый, посылай за вином.

Принес батрак им целый штоф водки, они выпили и закусили.

— Ну, теперь пора и спать ложиться, — говорит поп, — поваляемся да и поеб...мся немножко!

— Послушай, батька! Коли грешить, так грешить: раздевайся догола; так веселее!

Поп разделся донага и только улегся на кровать, как муж застучит шибко-нашибко.

— Ох, беда моя! Муж воротился! Полезай, батюшка, на полати и спрячься в короб.

Поп, как был голый, так и вскочил в короб и улегся в саже. А муж идет в избу да ругается:

— Что ты, мать твою разэдак! Дверь долго не отворяешь?

Подошел к столу, выпил водки стакан и закусил; вышел потом из избы и опять спрятался, а жена поскорей на улицу и села под окошечком.

Едет мимо дьякон. С ним то же случилось. Как застучал муж, дьякон, раздетый догола, чебурах в короб с сажеею и прямо попал на попа.

— Кто тут?

— Это я, — говорит поп шепотом. — А ты, свет, кто?

— Я, батюшка, дьякон.

— Да как ты сюда попал?

— А ты, батюшка, как?

— Уж молчи, чтоб хозяин не услышал, а то беда будет!

Потом таким же образом заманила к себе хозяйка и дьячка. Очутился и он в коробе с сажей, ощущал руками попа и дьякона:

— Кто здесь?

— Это мы, я и отец дьякон, — говорит поп, — а ты, кажись, дьячок?

— Точно так, батюшка!

Наконец пошла хозяйка на улицу и звонарь заманила. Звонарь только разделся, как раздался шум и стук; он бултых в короб.

— Кто тут?

— Это я, свет, с отцом дьяконом и дьячком. А ты, кажись, звонарь?

— Так точно, батюшка!

— Ну, свет, теперь весь причет церковный собрался!

Муж вошел и говорит жене:

— Нет ли у нас сажи продажной? Спрашивают, купить хотят.

— Пожалуй, продавай, — говорит жена, — на полатах целый короб стоит.

Взял он с батраком, взвалили этот короб на телегу и повезли по большой дороге. Едет барин.

— Сворачивай! — кричит во всю глотку.

— Нельзя, у меня черти на возу!

— А покажи, — говорит барин.

— Давай пятьсот рублей.

— Что так дорого?

— Да коли открою короб, только и видел их: сейчас уйдут!

Дал ему барин пятьсот рублей. Как открыл он короб — повыскочил оттуда весь причет церковный. Да во всю прыть бежать — настоящие черти, измазанные да черные!

б) Жил-был мужик, была у него молодая да пригожая жена. Полюбилась она попу, дьякону и дьячку.

— Что, Марьюшка, — спрашивает поп, — нельзя ли этого?..

— Приходите, батюшка, вечером, как только стемнеет.

Стал просить дьякон, она сказала ему:

— Приходите, отец дьякон, как совсем ночь наступит.

А дьячку велела приходить около полуночи. Мужик сговорился с женой, ушел из дому, набрал мешков, будто хочет в город идти на базар.

Пришел к бабе поп и только разделся, раздался стук — мужик воротился. Поп спрятался в короб на самый низ. Потом пришел дьякон, туда же попал и лег на попа; а за ним дьячок, поверх всех улегся. Мужик кричит:

— Подай, жена, ружье! Хочу стрелять, да напиши мелом цель вот на этом коробе.

Пишет баба цель; поп шепчет ей:

— Пиши повыше!

А дьячок:

— Пиши пониже.

Попугал их, попугал мужик и велел жене

выпускать на волю, а сам стал с дубинкою у порога и давай потчевать. Дьячок и дьякон ушли, а поп спрятался в сенях под корову.

Мужик заметил то и говорит жене:

— Жена! Ступай к попадье, пусть придет да корову купит: она давно торговала; я теперь дешево отдам.

Как услыхала попадья о корове, сейчас вскочила с кровати, оделась и прибежала.

— Что, Иван, коровку-то продаешь?

— Продаю, матушка!

— Что просишь?

— Давай сорок рублей; а коли попилить дашь, ничего не возьму.

— Ну, пили, свет!

Мужик разложил попадью в сенях, отработал ее и говорит:

— А корову, матушка, я завтра пришлю вместе с теленком.

Попадья ушла, а мужик кричит на жену:

— Давай ужинать!

— Что тебе?

— Давай молока!

— Молока нету, теленок всю корову высосал!

Мужик взял дубинку и давай лупить попа, а поп, как теленок, мычит; мычал да видит: дело-то неважноту, выскочил и драпа домой.

— Где ты был? — спрашивает попадья. — Ишь полуношник, все по бл...дям шляешься!

А поп говорит ей:

— Молчи, мать твою так, а где корова, что ты купила?

в) Жил-был кузнец, у него хозяйка была чудная красавица. Жили они бедно. Раз кузнец говорит своей жене:

— Послушай, хозяйка! Что нам делать? Откуда денег взять? Ты хоть бы женихов к себе приманила! На тебя и богатые станут зариться. Ступай-ка по городу, не попадет-ся ли какой дурак! А ты смотри не плошай: коли кто у тебя попросит, ты сberi с него деньги и вели приходить на ночь в кузницу, через трубу. Я сам там буду и разделаюсь как надо!

Кузнечиха нарядилась почище и пошла по городу.

Попадаетея ей знакомый поп.

— Здравствуй, бабенка! Что, муж твой дома?

— Нету, батюшка! Барин потребовал его к себе на целый месяц на работу, я теперича живу одна.

— Ну, свет, тем лучше, что одна. Нельзя ли мне другому к тебе ночевать прийти?

— Отчего же, батюшка, можно, только дай двадцать рублей.

— Изволь, свет! На сейчас и деньги. Я вечером, после всенощной, прямо к тебе буду.

— Приходи, батюшка, только не в избу, я буду ночевать в кузнице — караулить муж-

нины инструменты; так ты и спустишь туда потихоньку в трубу.

— Хорошо, свет!

Получила она с попа двадцать рублей и пошла дальше. Встречает ее староста церковный.

— А, здравствуй, кузнечиха!

— Здравствуй, добрый человек!

— Что муж твой, дома?

— Нету, ушел к барину работать на целый месяц, теперь одна дома живу.

— Нельзя ли с тобой, милая, хоть одну ночку переночевать?

— Отчего же! Теперь мне своя воля. Давай двадцать рублей и приходи вечером попозже. Я буду ночевать в кузнице; а как придешь, не стучись в дверь, чтоб шуму не было, а спускайся потихоньку в трубу.

— Ладно.

Взяла она со старосты двадцать рублей и пошла дальше. Повстречался с нею цыган.

— Гэ, здорова, пани матка!

— Здравствуй, цыган!

— А что, моя кохана, твой старик дома?

— Нету, уехал на целой месяц к барину работать. Я теперича одна живу.

— Гэ, моя коханочко! Дак я с тобой могу ночку переночевать?

— Отчего же! Приходи, цыган! Только давай двадцать рублей.

Цыган вынул деньги:

— На-на, моя коханочко! Я вечером к тебе прибегу.

— Приходи, цыган, прямо в кузницу и спустишь в трубу: я там стану тебя дожидаться.

— Хорошо, моя голубка!

Воротилась домой кузнечиха и говорит:

— Ну, муженек, придут к ночи три жениха в гости; со всех взяла по двадцати рублей.

— Ну, хозяйка, слава Богу! Я с ними сделаюсь.

Дождались вечера. Кузнец собрался и пошел в кузницу, развел огонь в горне, положил туда клещи и стал женихов поджидать. Вот поп отправил всенощную, схватил ряску и бегом из церкви в кузницу. Нагоняет его староста.

— Куда вы, батюшка?

— А помалчивай, свет! Согрешил перед Богом, иду к кузнечихе на ночь и деньги вперед отдал.

— Ах, батюшка! Ведь и я туда же иду!

— Ничего, свет! Пойдем вдвоем, еще веселее будет.

Стали подходить к кузнице, нагнал их цыган.

— Гэ, куда вы, отцы духовные?

— Помалчивай, цыган, мы идем к одной бабе на ночь — вот в эту кузницу.

— Ага, батиньки, я и сам к ней бегу!

— Ну, пойдем с нами.

Пришли все трое.

— Ну, кому теперича вперед в трубу лезть?

Поп говорит:

— Мне, свет! Я ведь постарше вас.

— Ну, полезай, батюшка.

Поп снял с себя рясу, скинул долой сапоги и портки. Староста с цыганом взяли, зацепили его веревками под руки и хотят спускать в трубу. Поп говорит им:

— Как только, братцы, я сделаю свое дело, так и закричу: «фык», а вы меня шмыг! И тащите назад.

Только стали опускать попа в трубу, кузнец накалил клещи покрепче и схватил батюку клещами-то за м...де, закричал поп благим матом:

— Фык!

Они его шмыг и вытащили назад.

— Что, батенька, так скоро отработал? — спрашивает цыган.

— Ах, свет! Какая у нее пи...да-то горячая, только дотронулся, дак словно порохом обожгло. Я еще никогда эдакой не пробовал!

— Ну, теперича я полезу! — сказал староста.

— Полезай!

Староста разделся. Поп с цыганом подвезали его за руки и давай в трубу спускать. Кузнец взял клещи, схватил и этого жениха за м...де.

Староста заорал:

— Фык!

Они его шмыг и вытащили назад.

— Ну, цыган, — говорит староста, — не жалко двадцать рублей, было за что заплатить, полезай теперь ты.

— Я, батюшки, не по-вашему стану работать: покудова три раза не отваляю — не отстану от нее. Смотрите же, батеньки, не тащите меня, покудова три раза не скажу: «Фык!»

— Хорошо.

Стали спускать цыгана, кузнец услышал, что третий жених лезет в трубу, взял с горна горячие клещи, схватил цыгана прямо за м...де. Цыган во все горло орет:

— Фык!

Не тащат. Цыган в другой раз:

— Фык!

Не тащат. Цыган в третий раз:

— Фык! Серу, вашего батька! Тут не е...ут, а живого пекут! Фык!

Поп и староста шмыг и вытащили цыгана. М...де все у него облезли! Напустился цыган на батьку:

— Ты, псяча, козляча борода! Зачем не сказал, как там потчуют? Черт тебя бери, пушай бы у тебя одного яйца были поджарены. Ох, батеньки, мне-то пуще всех досталось!

— Ну, свет, ничего, когда подлая баба нас обманула, так пойдем же теперь к ней в избу, а с нею, шкурою, по-своему разделаемся.

Оделись они кое-как и потащились к кузнечихе, пришли в избу и застали ее одну.

— Что ты, шельма, с нами сделала?

— Ах, миленькие, — отвечает кузнечиха, — я ведь и сама не рада, что моего мужа черти домой принесли: воротился ни с того ни с сего да с вечера и пошел в кузницу работать. Садитесь-ка, голубчики, я маленько поуберусь: ночь большая, вся наша будет; а муж теперь в кузнице до белого дня пробудет.

Уселись гости. Вдруг идет домой кузнец, притворился пьяным, стучится в дверь и ругается на жену:

— Отворяй, бл...дища!

Как услышали шум да крик — гости повскакивали:

— Куда же нам теперь деваться?

Кузнечиха говорит:

— Не бойтесь, голубчики, я вас спрячу, ведь он пьяный, скоро уснет. Ты, батюшка, скидывай поскорей с себя одежду и становись голый в переднем углу: я скажу мужу, что святяга купила.

Поп сейчас скинул с себя долой рясу, портки, сапоги и сорочку, встал в переднем углу, словно святой, и косу, и бороду распустил.

— А я куда денусь? — спрашивает староста.

— А я куда? — кричит цыган.

— А вы, голубчики, скидайте с себя одежду догола. Тебя, — говорит старосте, — я привяжу

к жерди и скажу, что большой кувшин купила, а ты, цыган, полезай вот в эту кадушку с гущею; там просидишь — он тебя и не увидит!

Разделись они догола; кузнечиха прицепила старосту веревкою к жерди, а цыган полез прямо в гущу. Отворила кузнечиха дверь мужу, он входит, ругается и кричит:

— Жена, давай ужинать!

Посмотрел, в углу стоит поп.

— А это что за черт у тебя стоит?

— Господь с тобой! Какой черт? Это святяга.

— А что за такого большого заплатила?

— Завтра узнаешь, ложись-ка спать.

Кузнец зажег свечу, подошел к попу, взял его за кляп и спрашивает у хозяйки:

— А это что за штука?

— Эта штука, чтоб свечку ставить.

— Ну, дай-ка я сейчас поставлю!

Взял свечку и ну лепить к х...ю. Свечка не пристаёт — все отваливается.

— Надо этот подсвечник накалить, тогда лучше пристанет!

И стал свечкою конец поповского кляпа прижигать. Поп как не...днет, прыгнул через стол и вон из избы — так голым и удрал.

— Ах ты бл...дища, — закричал муж, — ты ведь купила не святяга, а черта, смотри, ведь он ушел, и деньги пропали!

Потом подошел к жерди:

— А это что висит?

— Кувшин большой для воды купила.

— Какой черт кувшин — это настоящая бочка! Да крепок ли он?

— Я стучала в него кулаком — хорошо звенит!

— Дай-ка я поленом попробую: не разобьется ли?

Взял полено и со всего маху как начал дуть старосту по ребрам. Староста только на веревке качается. Вдруг веревка оборвалась; староста головою об пол, вскочил и убежал вон.

— Ишь накупила! — говорит кузнец. — Дай-ка квасу напьюся.

Подошел к кадушке и видит: цыган в гуще по горло сидит, одно рыло выставил наружу. Кузнец креститься:

— Вот до чего с тобой дожил; верно, ты эту гущу держишь в кадушке с тех пор, как за меня замуж вышла: видишь, в ней уж черти завелись!

Взял — накрыл кадушку с цыганом кружком и заколотил накрепко гвоздями. Сидит цыган голодный день, и другой, а на третий день запряг кузнец телегу, втащил на нее кадушку и поехал к озеру. Приехал и остановился здесь. Скинул сапоги, засучил штаны, влез в воду и ходит с кнутом около (озера) берега, будто что ловит. Немного погодя едет мимо барин.

— Здорово, мужичок!

— Эка, барин, зачем здоровкался; только охоте моей помешал.

— Какой охоте?

— Да вот сейчас было взялся черт за крючок, да как услышал твой голос и клевать не стал, назад воротился.

— Что ты врешь?

— Чего врать-то! Я уж одного поймал и в кадушку посадил; а другого ты испугал.

— А покажи мне того, что поймал!

— Не покажу, барин.

— Вот тебе пятьдесят рублей.

— Мне дома и свои господа дадут сотню.

— Ну, бери сто рублей!

Кузнец взял сто рублей с барина, открыл кадушку: как выскочит оттуда цыган весь в гуще да тягу дал.

— В самом деле черт! — сказал и плюнул. — Сколько лет на свете живу, а только в первой раз увидел черта!

Кузнец воротился домой и говорит жене:

— Ну, хозяйка, вить я продал цыгана за сто рублей; теперь надо еще продать попову рясу, и дело ладно будет.

Надел на себя попову рясу, взял попову палку и рано утром пошел к попову двору. Поп увидел кузнеца и думает: «Дело-то будет плохо, коли прихожане узнают».

И стал просить кузнеца:

— Сделай милость, свет, не смейся людей!

— Что дашь? Хочешь выкупить за сто рублей?

— Ни то за сто, полтораста дам!

Кузнец отдал попу рясую и палку и взял с него полтора ста рублей. Пошел к жене и стал с нею жить да поживать маленько поисправнее.

ЖИДОВКА

Пошел парень на работу; увидел на дороге кабака и заехал ночевать. А тот кабак держал жид; у него была жена. Вот стемнело, и полегли они спать на полу. Показалось жидовке жарко, она спросонок раскидалась и сбросила с себя все: лежит с открытой пи...дой. Взяла мужика охота; он не думал долго, взлез на нее и давай валять. Жидовка думает себе, что это муж ее качает, говорит:

— Волько, волько!

А парень отвечает:

— Какого ты черта волькаешь? Жид проснется!

Жидовка схватила его за голову, пощупала — а пейсиков нет!

— Ай вей, волько?

— И так потихонько! — сказал парень, отработал и слез долой.

СОЛДАТ И ЧЕРТ

Вышел солдат в чистую отставку и пустил ся на родину; а солдат-то был размышь горе:

какие были деньжонки, все пустил в разные стороны. Идет дорогою.

— Дай, — говорит, — я с горя горилки тятну! Продам последний ранец и развеселю ретивое.

Ладно, ранец побоку и урезал полштофа начисто. Пошел путем-дорогою, брякнулся спяна наземь и стоит на четвереньках, никак не может подняться! Прибежал черт:

— Что ты делаешь, служивый?

— Сам видишь — е...у!

— А что ж у тебя х...й торчит наружу?

— Не попаду!

— Да кого ты еб...шь?

— Да кого велишь, того и стану.

Черт видит, что солдат — парень ловкой, а им таких и надо, взял его к себе. Солдат теперь живет богато — каждый день пьет горилку, курит махорку, редькой закусывает.

НИКОЛАЙ ДУПЛЯНСКОЙ

а) Жил-был старик, у него была жена молодая. Повадился к ней в гости ходить парень молодой — Тереха Гладкой. Спознал про то старик и говорит жене:

— Хозяйка! Я был в лесу, Миколу Дуплянско-го нашел; о чем его ни попросишь — то и даст тебе!

А сам наутро побежал в лес, нашел старую

сосну и заполз к ней в дупло. Вот баба его напекла пирогов, колобов да масленых блинов и пошла в лес молиться Миколу Дуплянскому. Пришла к сосне, увидела старика и думает: «Вот он, батюшка Микола Дуплянской-то!»

Давай ему молиться:

— Ослепи, батюшка Микола, моего старика!

А старик отвечает:

— Ступай, женка, домой, будет твой старик слеп, а зобенку (корзину) с пирогами оставь здесь.

Баба поставила зобенку с пирогами у сосны и воротилась домой. Старик сейчас вылез из дупла, наелся пирогов, колобов и блинков, высек себе дубинку и пошел домой. Идет ощупью, будто слепой.

— Что ты, старик, — спрашивает его жена, — так тихо ползешь? Разве не видишь?

— Ох, женушка, беда моя пришла, ничего-таки не вижу!

Жена подхватила его под руки, привела в избу и уложила на печку. Вечеру того ж дня пришел к ней дружок — Тереха Гладкой.

— Ты теперь ничего не бойся! — говорит ему баба. — Ходи ко мне в гости, когда хочешь. Я нынче ходила в лес, молилась Миколу Дуплянскому, чтобы мой старик ослеп; вот он воротился намедня домой и уж ничего не видит!

Напекла баба блинов, поставила на стол, а Тереха принялся уписывать за обе щеки.

— Смотри, Тереха! — говорит хозяйка, — не подавись блинами; я схожу масла принесу!

Только вышла она из избы по масло, старик взял самострел, зарядил и выстрелил в Тереху Гладкого; так и убил его насмерть. Тут соскочил старик с печки, свернул блин комком и пихнул Терехе в рот, будто он сам подавился; сделал так и влез на печь. Пришла жена с маслом, смотрит: сидит Тереха мертвый.

— Говорила тебе: не ешь без масла, а то подавишься, дак не послушал: вот теперь и помер!

Взяла его, сволокла под мост и легла спать. Не спится ей одной-то, и ну звать к себе старика; а старик говорит:

— Мне и здесь хорошо!

Полежал-полежал старик и закричал, ровно со сна:

— Жена, вставай, у нас под мостом Тереха лежит мертвой!

— Что ты, старик! Тебе во сне привиделось.

Старик слез с печки, вытащил Тереху Гладкого и поволок к богатому мужику; увидел у него бадью с медом, поставил около бадьи Тереху и дал ему в руки лопаточку — будто мед колукает. Смотрит мужик: кто-то мед ворует, подбежал да как ударит Тереху по голове: тот на землю и повалился, аки мертв. А старик выскочил из-за угла, схватил мужика за ворот:

— За что ты парня убил?

— Возьми сто рублей, только никому не рассказывай! — говорит мужик.

— Давай пятьсот, а то в суд поволоку!

Дал мужик пятьсот рублей; старик подхватил мертвеца и поволок на погост; вывел из поповой конюшни жеребца, посадил на него Тереху, привязал вожжи к рукам и пустил по погосту. Поп выбежал, ругает Тереху и хочет его изловить; жереб от попа, да прямо в конюшню, да как ударит Тереху Гладкого о перекладину — он упал и покатился наземь. А старик выскочил из-за угла и ухватил попа за бороду:

— За что убил парня? Пойдем-ка в суд!

Делать нечего, дал ему поп триста рублей.

— Только отпусти да никому не рассказывай.

А Тереху похоронил.

б) Жили-были поп с попадьею, завела попадья себе любовника. Батрак заметил то и стал ей всячески помеху творить.

«Как бы избыть его?» — думает попадья и пошла за советом к старухе знахарке, а батрак с ней давно сделался.

Приходит и спрашивает:

— Родимая бабушка! Помоги мне, как бы работника с попом извести!

— Поди, — говорит старуха, — в лес; там явился Никола Дуплянской, его попроси — он тебе поможет.

Побежала попадья в лес искать Николу Дуплянского. А батрак выпачкался сам весь и бороду свою выпачкал мукою, влез на ель и кричит. Попадья глядь — и увидала: сидит на ели белый старец. Подошла к ели и давай молить:

— Батюшка, Никола Дуплянской! Как бы мне извести батрака с попом?

— О жено, жено! — отвечает Никола Дуплянской. — Совсем извести грех, а можно ослепить. Возьми завтра напеки побольше да помасляней блинов, они поедят и ослепнут; а еще навари им яиц, как поедят, так и оглохнут.

Попадья пошла домой и давай творить блины. На другой день напекла блинов и наварила яиц. Поп с батраком стали собираться в поле; она им и говорит:

— Наперед позавтракайте!

И стала их потчевать блинами да яйцами, а масла так и подливает, ничего не жалеет.

— Кушайте, родные, масленные, макайте в масло-то, поскусней будет!

А батрак уже и попа научил. Поели они и стали говорить:

— Что-то темно стало!

А сами прямо-таки на стену лезут.

— Что с вами, родные?

— Бог покарал: совсем ослепли.

Попадья отвела их на печь, а сама позвала своего дружка и стала с ним гулять, пить и веселиться.

— Дай-ка теперь мне поеть, — просит гость у попадьи. — Только давай с заду, как козел козу е...ет!

Попадья задрала хвост и стала раком, а гость взлез на нее.

Тут поп с батраком слезли с печи и ну их валять со всего маху — важно отдули!

ДВА БРАТА-ЖЕНИХА

Жил-был мужик, у него были два сына — парни большие. Стал старик со старухой советоваться:

— Какого бы сына оженить нам — Грицько или Лавра?

— Женим старшего, — сказала старуха.

И стали они сватать за Лавра и сосватали ему невесту на самую Масленицу в другой деревне. Дождались святой недели, разговелись; вот и собирается Лавр вместе с братом Грицьком ехать к невесте. Собрались, запрягли пару лошадей, сели в повозку. Лавр, как жених, за барина, а Грицько — за кучера, и поехали в гости. Только выехали за деревню, как Лавру захотелось уже ср...ть; так налупился на разговенах!

— Брат Грицько, — говорит он, — останови лошадей.

— Зачем?

— Поср...ть хочу.

— Экой ты дурак! Уж ли ты станешь на своей земле ср...ть? Потерпи маленько, съедем на чужое поле — там вали хоть во все брюхо.

Нечего делать, поднатужился Лавр, терпит — ажно в жар его бросает и пот прошибает. Вот и чужое поле.

— Ну, братец, — говорит Лавр, — сделай такую милость, останови лошадей, а то не-втерпеж: до смерти хочу ср...ть!

А Грицько в ответ:

— Эка ты глупой! С тобой пропадешь; отчего не сказал, как ехали мы через свое поле; там смело бы сел и ср...л, покуда хотел. А теперь сам знаешь: как ср...ть на чужой земле! Еще не ровен час, какой черт увидит да поколотит нас обоих и лошадей отберет. Ты потерпи маленько; как приедем к твоему тестю на двор — ты выскочи из повозки и прямо в нужник, и сери себе смело; а я тем временем лошадей выпрягу.

Сидит Лавр на повозке, дуется да крепится. Приехали в деревню и пустились к тестиному двору. У самых ворот встречает своего будущего зятя теща.

— Здравствуй, сынок, голубчик! Уж мы тебя давно ждали!

А жених, не говоря ни слова, выскочил из повозки и прямо в нужник. Теща думала, что зять стыдится, схватила его за руку и говорит:

— Что, сынок, стыдишься? Господь с тобой, не стыдись, у нас чужих людей никаких нету, прошу покорно в избу.

Втащила его в избу и посадила за стол в переднем углу. Пришло Лавру невмоготу, начал под себя валить и наср...л полные штаны, сидит на лавке, боится с места пошевелиться. Теща-то суетится: наставила перед гостями закусок, взяла штоф с вином в руки, налила и подносит первый стакан жениху. Только поднялся жених со стаканом и встал на ноги — как поплыло го...но вниз по ляжкам да в голенища, пошла вонь на всю избу. Что за причина! Воняет!

Теща бросается по всем углам, глядит: не ребятишки ли где напакостили? Нет, нигде не видать, подходит к гостям.

— Ах, любезные мои! У нас на дворе-то не совсем чисто; может, кто из вас ногой в го...но попал, встаньте-ко, я посмотрю: не замаран ли у кого сапог?

Осмотрела старуха Грицька — ничего нет, подошла к Лавру:

— Ну-ка, зятек, ты как приехал на двор — так и побежал к нужнику; не втяпался ли в го...но?

Стала его щупать и только дотронулась промеж колен — всю руку выпачкала.

Заругалась она на жениха:

— Что ты, с ума сошел, что ли? Кой черт тебе сделалось! Ты, верно, не в гости приехал,

а насмехаться над нами; подлая твоя душа! Еще не пил, не ел, а за столом обо...рался! Ступай же к черту, будь его зятем, а не нам!

Тотчас призвала старуха свою дочь и говорит:

— Ну, дитя мое любезное! Не благословляю тебя выходить за этого дрянного за...ерю, выходи за его брата: вот тебе жених!

Тут Лавра в сторону, а в передний угол посадили Грицька, начали пить, есть и прохлаждаться до самого вечера. Пристигла ночь, пора и спать ложиться. Старуха говорит гостям:

— Ну, ступайте с Богом спать в новой избе, а ты, дочка, снеси туда перину да постели жениху; а этому за...ере ничего не стели, пуцай на голой лавке валяется!

Вот легли они спать, Грицько на перине, а Лавр скорчился на лавке; не спится ему, все думает, как бы отомстить брату его насмешку. Слышит, что Грицько заснул крепко, он встал с лавки, взял стол и тихонько перетащил его к самым дверям, а сам опять улегся на лавке. В самую полночь проснулся Грицько, встал с перины и идет до ветру прямо к дверям, подошел да как ударится о стол.

«Что такое? Где же двери?» — думает он.

Воротился назад, давай искать — куда ни сунется, все стены.

«Куда ж двери-то девались?»

А ср...ть так приспичило ему, хоть уми-

рай! Что делать? Сел у стола и наср...л такую кучу, что на лопате не унесешь. Наср...л и раздумался: «Дело-то неладно, надо го...но до утра убрать».

Поглядел кругом и увидел в стене большую щель, как ляпнет — в щель-то не попал, а прямо в стену, го...но отвалилось назад да прямо ему в рыло. Утерся Грицько руками, забрал еще пригоршню, бросил в другой раз — опять то же самое. И стены вымазал, и себя самого выпачкал. Надо умыться, стал искать воды; искал-искал и нащупал в печи чугунок с красною краской, что яйца к празднику красят.

Вытащил и стал умывать руки и голову.

«Ну, теперь ладно будет!»

Лег Грицько спать и только заснул, брат его взял потихоньку стол и перенес на старое место. Стало совсем рассветать, пришла невеста жениха будить.

— Вставай, душенька! — говорит она ему. — Уж завтрак готов.

Да как глянула на него и видит, что жених рожею на черта смахивает, испугалась и побежала вон. Прибежала к матери, а сама-то разливается.

— Что ты плачешь? — спрашивает мать.

— Как же мне не плакать? Вить я совсем пропала: поди-ка сама посмотри, что у нас в новой-то избе делается!

— А что делается? Там жених твой с братом.

— Какой жених? Это черт, а не жених!

Пошли все трое — отец, мать и невеста — в избу, где жених спал. Только вошли — жених увидал их и усмехается с радости: одни зубы белеют, а лицо все красное — настоящий бес!

Они бежать вон. Старик запер избу накрепко и пошел к попу.

— Поди, батюшка, освяти у нас новую избу да выгони оттуда нечистую силу: завелась-таки проклятая!

— Как, свет, у тебя черти завелись? Да я, свет, чертей-то сам боюсь!

— Не бойся, батюшка! У меня есть кобыла: коли что случится — садись на нее верхом и уезжай. Так не то черт — птица не поймает!

— Ну, свет, так и быть, пойду выгонять нечистую силу, только чтоб кобыла была моя!

— Ваша, батюшка, ваша! — говорит мужик, а сам ему кланяется.

Поп пошел к избе, захватил с собой дьячка и пономаря, нарядился в ризу, взял в руки кадильницу с огнем, посыпал ладаном; ходят они кругом избы и поют:

— Святыи Боже!

«Ишь, — думает Грицько, — поп ходит со крестом, встану у дверей, не равно взойдет в избу — так попрошу у него благословения».

Встал у дверей и дожидается. Поп обошел кругом избы три раза, подступил к дверям и только отворил да сделал шаг за порог —

Грицько и протянул к нему свою красную руку. Поп как бросится назад, да на кобылу верхом, и давай стегать ее по бокам кадильницею наместо кнута. Кобыла помчалась во весь опор, а поп знай ее по бокам поджаривает, да как-то махнул и попал ей невзначай под хвост горячим, кобыла еще пуще понесла, бьет задом и передом, споткнулась и грянулась наземь, поп через нее кубарем, сломил себе голову и околел, а женихи-дурни воротились себе домой ни с чем.

НЕВЕСТА БЕЗ ГОЛОВЫ

а) Жил мужик с бабою. Повел он на ярмарку корову и продал мужику из другой деревни, выпили магарыч и стали сватами.

— Ну, сват, будь навсегда знаком!

— Как же, сват, как же!

С тех пор где они ни съедутся, величают друг друга сватами и угощают водкой. Случилось один раз съехаться им в харчевне.

— А, здравствуй, сват!

— Здорово, сват! Какова твоя коровушка?

— Слава Богу!

— Ну, слава Богу лучше всего. А вот, сват, как бы нам с тобой породниться?

— Ну что ж? У тебя сына время женить, а у меня дочь — хоть сейчас выдавай замуж!

— Так, значит, по рукам?

— По рукам!

Потолковали и разъехались. Воротился домой мужик, что корову-то продал, и говорит сыну:

— Ну, сынок, кланяйся: я тебе невесту нашел, хочу тебя женить.

— Где же так нашел, батюшка?

— А помнишь того свата, которому надясь я корову-то продал?

— Знаю, батюшка!

— Ну вот у этого свата дочка — раскрасавица!

— Нешто ты видел?

— Сам-то я не видал, а от свата слыхал.

— А не видал, так и хвалить неча. Сам ведаешь: заглазного купца кнутом дерут! Ты пусти меня, я схожу в ихнюю деревню, посмотрю хорошенько и разузнаю: какова еще девка?

— Ну, ступай с Богом!

Парень надел на себя самую худую одежду, перекинул узду через плечо, взял кнут в руки и отправился к свату. Пришел уже вечером и стучится под окошком у сватовой избы.

— Здорово, хозяин!

— Будь здоров, добрый человек, — отвечает мужик, — чего тебе надо?

— Пусти к себе от темной ночи укрыться.

— А ты откудова?

— Издалеча, верст за сто, ищу, дядюшка, хозяйских лошадей. Был я на ночлеге с ло-

шадьми, у меня двух лошадей и увели. Вот третий день ищу, а толку нету...

— Пожалуй, переночуй у нас!

Вошел парень в избу, снял узду с плеча и повесил на гвоздь, сел на лавку и поглядывает на невесту. Старик спрашивает у своего ночлежника:

— А что в вашей стороне хорошего слышать?

— Хорошего, дяденька, ничего, а худого много.

— Что же то такое?

— Да вот что: каждую ночь волки людей едят: уж недели с две редкая ночь пройдет, чтобы волки не отгрызли пять или десять человек!

Потолковали и легли спать. Старик со старухой в клету, дочь в сенях на койке, и ночлежник в сенях, только на сене, что наверху было на досках наложено. Парень лежит да все прислушивается, не придет ли к девке какой любовник? Прошел час и два, вдруг постучался кто-то в двери и говорит:

— Миленькая, отопри!

Девка встала потихоньку, отперла дверь и выпустила своего полюбовника, он разделся и лег с нею спать. Поговорили промеж себя и до того договорились, что гость забрался на девку и ну валять ее во все лопатки. Отзудил раз, отзудил и в другой.

— Послушай, душа, я слыхала от баб, что

если привязать ноги веревкою и притянуть покруче к самой шее, то пи...да вся внаутре будет и что эдак-то хорошо еться: не надо и подмахивать. Попробуем-ка, дружок!

Гость долго не думал, взял свой кушак, обвязал около ее ног, притянул их покруче к шее и давай качать. Тут ночлежник как бросится сверху да закричит во все горло:

— Караул! Рятуй, хозяин! Твоя дочь пропала, волки голову отъели.

Любовник соскочил да и к дверям, а ночлежник схватил его за шиворот.

— Нет, брат, стой, погоди маленько!

Старик со старухой услышали крик, что волки у ихней дочери голову отъели, выбежали из клети и к дочерней постели. Щупает ее старик руками и нащупал впотьмах пи...ду и ж...пу, оробел. Вить это, думает, одно туловище — головы-то нет. И закричал на старуху:

— Давай скорей огня! Теперича нашей дочки нет живой на свете!

А сам крепко ухватился и держится за пи...ду и ж...пу и плачет по дочери.

Принесла баба огня. Глядь, а дочка-то связана!

— Господи Боже мой, что это такое?

— А вот он, дядюшка, волк-та! — говорит ночлежник, держа полюбовника за ворот.

— Эка ты сукин сын! — закричала старуха. — Разя не мог поеть ее попросту?

Давай толкать любовника в шею, так и вы толкали. А дочь развязали.

— Сделай милость, дружок, — просит старик ночлежника, — не сказывай никому нашего горя, вот тебе за то двадцать пять рублей.

— Нет, дядюшка, не скажу! Бог с вами! Какое мне дело!

Поутру угостил старик ночлежника и проводил за деревню. Пошел парень домой, идет, а навстречу ему целая ватага нищих с котомками.

— Послушайте, нищенские, — стал он говорить им, — ступайте вот в эту деревню, там на самом краю живет мужик богатый, нынче он делает поминки по своей дочери, у которой волки голову отъели. А мужик-то добрый, он вас примет, накормит и напоит, еще и в котомки наладит.

Нищие прямо туда и потащились, пришли на двор, выстроились в ряд и дожидаются обеда. Хозяин увидал:

— Ишь, сколько их нашло!

Взял большой каравай хлеба, разрезал и обдарил всех по куску, а нищие все стоят, не идут со двора вон.

— Чего же вы дожидаетесь? — спрашивает мужик. — Вить вам дали милостинку!

— Да не будет ли, дядюшка, твоей милости, не дашь ли нам пообедать да помянуть твою дочку.

— Какую дочку?

— Да которую волки съели.

— Какой черт вам сказал, у меня дома все благополучно!

— Да нас послал к тебе эдакий-то парень.

— Ну, ну, проваливайте! — закричал мужик.

Нищие ушли со двора, а хозяин говорит:

— Ну, старуха, пропали мои деньги! Только понапрасну дал этому сукину сыну: обещался никому не сказывать, а как вышел за ворота, полон двор нищих нагнал! Подикась он теперича по всем деревням славу пустил! Да еще коли сват про то узнает, так дело наше дрянью выйдет!

Меж тем парень шел-шел и пришел домой.

— Ну что, сынок, видел свою невесту? — спрашивают его отец с матерью.

— Ах, батюшка, не досаждайте мне, лучше бы совсем не видеть.

— Что так?

— Да вить у моей нареченной невесты, царствие ей небесное, волки голову отъели. Одно туловище и оставили, завтра хоронить будут!

— Эка беда-то стряслась над ними! Надеть, старуха, поехать да проститься, пока не похоронили. Люди они для нас были хорошие. Запряги-ка нам, сынок, лошадок, мы со старухой к свату поедим...

Сын запряг лошадей, они сели и поехали. Подъезжают ко двору, а сват увидал и выбежал навстречу.

— Здравствуй, сват! Как Господь милует?
Милости просим в избу, гости дорогие!

А гости унылым голосом отвечают:

— Спасибо, сватушка, мы к тебе не гостить приехали, а проститься с твоею дочкою. Верно, не судьба нам быть в родстве с тобою.

— Отчего же, сват?

— Да вить у тебя несчастье в доме: волки голову у дочки отгрызли!

— Когда? Кто это вам сказывал?

— Да сынок, вить он у тебя прошлую ночь ночевал. Все сам и видел.

— Вот-те раз! Дак это твой сын был? Нечего делать, хоть дочка моя и жива, да дело-то неладно!

Потолковали и решились с Богом, с тех пор и перестали они называться сватами.

б) Отпросился солдат в отпуск, шел-шел путем-дорогою и пришлось ему ночевать у одного попа. У этого попа была дочь, и солдат уж дорогою слышал про нее, что к поповне ходит любовник. Сели ужинать, поп и спрашивает:

— Служивый! Где ты служишь-то?

— В Питере, батька!

— А что, часто царя выдаешь?

— Да беспереч.

— Не слыхать ли у вас чего нового?

— Слыхать-то слыхать, да говорить нельзя!

— Скажи, свет.

— Тады узнаешь, как указ будет.

— Пожалуйста, свет, скажи!

Пристал поп к солдату, как банный лист к ж...пе.

— Ну, батька! Будет новая форма бабам на счет е...ли, ноги в хомут и голову в хомут — так и е...ись! Эдакая теперь пошла строгость во всем: даже еть нельзя без формы!

— Что делать, ихняя воля! — сказал поп.

А дочь сидит себе да слушает. Вот легли спать, дочка на печи, а солдат на полатах.

— Дай, батюшка, мне полено, — говорит солдат попу.

— А на что тебе, кавалер?

— Да у вас, пожалуй, ночью волки ходят!

Поп рассмеялся, подал ему полено и говорит поповне:

— Вишь, рассказывают, в Питере дураков нет, а вот — солдат да и тот с дурью; коли так в избу ходят волки?

Вот в самую полночь пришел любовник к поповне на печь и хочет на нее лезть, а она ему не дает.

— Найди, — говорит, — хомут. Теперь на то новая форма царем уставлена, нынче солдат батьке сказывал.

— Да где я тебе хомут-то возьму?

— В сенях на гвозде висит.

Вскочил он, принес хомут, надел поповне на ноги, а там задрал ей ноги кверху как можно покрутее и просунул в хомут попов-

нину голову. Только стал было ее запендривать, а солдат вскочил с полатей да как урежет его поленом по ж...пе, а сам кричит благим матом:

— Батюшка, волки!

Полюбовник удрал, не кончив дела, а поп с попадьей бросились на печь посмотреть, не съели ль волки поповну. Поп схватил ее за пи...ду, а попадья за ж...пу и голосят себе.

— Ах, бедная дочка! Отъели у тебя волки голову.

Солдат вздул огонь и на печь, тут поп с попадьей увидели, что дочка-то жива — в хомуте сидит. Солдат посмотрел и закричал:

— Да как вы смели без указа государева эдак делать?

— Не сказывай, служивый, — просит поп, — вот тебе сто рублей.

Солдат взял деньги и говорит:

— Ну, батька, так и быть — ей по глупости прощаю, а коли б ты сам да с попадьей стал эдак еться — тысячи рублей бы не взял!

БАБЫ УВЕРТКИ

— Тетушка! Я хочу у тебя попросить...

— Ну говори, что тебе нужно?

— Я думаю, ты и сама можешь догадаться, что нужно.

Тетка сейчас догадалась:

— Я бы, пожалуй, Иванушка, сделала для тебя удовольствие, да вить ты не знаешь наших бабьих уверток.

— Авось, тетушка, как-нибудь и увернуся!

— Ну хорошо, приходи сегодня ночью к нам под окошко.

Парень обрадовался, дождался ночи и пошел к дядину двору, а кругом двора-то была набросана кострика. Ходит он мимо окна, а кострика под ногами трещит!

— Посмотри-ка, старик! — говорит тетка. — Кто-то ходит около избы, не вор ли какой?

Дядя открыл окошко и спрашивает:

— Кто там по ночам шляется?

— Это я, дядя, — отвечает племянник.

— Какой черт тебя сюда занес?

— Да что, дядя! За спором дело стало: отец говорит, что у тебя изба срублена в девять венцов, а я говорю — в десять. Вот я и пришел пересчитать.

— Разве он, старый черт, разум-то прожил! — говорит дядя. — Сам же рубил со мной избу в десять венцов!

— Так, дядя, так; вот я пойду, отцу-то в глаза наплюю!

На другой день парень сказал тетке:

— Ну, тетушка! Эдак, пожалуй, с тобой дела не сделаешь, а попадешься!

— Экой ты чудной! Дядя с тобой говорит, а я как к тебе выйду? А ты знаешь, где наша

закута, куда овец загоняют, туда и приходи в нынешнюю ночь. Уж я к тебе непременно выйду!

Парень послушался, пришел ночью в дядину закуту, прижался в угол и поджидает тетку. А тетка говорит своему мужу:

— Поди-ка, хозяин! Что-то у нас на дворе не здорово: нет ли зверя. Овцы наши что-то всполошились. Уж не волк ли к нам забрался!

Старик вышел на двор и спрашивает:

— Кто здесь в закуте?

Племянник выскочил:

— Это я, дядюшка.

— Зачем тебя черт занес в эдакую пору?

— Чего, дядюшка? Отец не дает мне покою, чуть не дошло у нас до драки.

— За что ж так?

— А вот за что: он говорит, что у тебя девять овец, а десятый баран. А я спору, что у тебя только девять овец, а барана вить ты зарезал.

— Да, твоя правда: барана я на крестины зарезал. Да вить он, старый дьявол, сам был у меня на крестинах и ел баранину. Даром, что он мне брат родной, а я завтра как увижу его — сейчас в глаза наплюю.

— А мне что? Даром, что он мне отец родной — пойду ему да бороду выдеру, а то вить сам не спит и людям не дает! Прощай, дядя!

— Прощай с Богом!

А тетка так со смеху и катается. На третий день племянник увидал тетку и говорит:

— Ах, тетка, тетка! Как тебе не стыдно? С тобою, право, пропадешь!

— Эх ты Ваня, Ваня, какой глупой! Дядя-то с тобой разговаривает, а мне как к тебе выйти? Вот теперь два раза увернулся. Смотри, в третий раз не дай маху. Ночью приходи к нам в избу, вить ты знаешь, где мы спим, да как нащупаешь — так и валяй. У меня ж...па-то будет заворочена.

Только легла тетка спать с мужем, да и говорит ему:

— Послушай-ка, что я тебе скажу: чтой-то мне мочи нету, спала я шесть годов с краю, а теперь ложись ты сюда, а я к стенке.

— Мне все равно, — сказал старик и полез на край.

Полежала, полежала тетка да вздумала:

— Эх, хозяин, какая в избе-то жара! Посмотри-ка, должно быть, печка закрыта.

А сама хватъ его рукой за ж...пу:

— А ты все в портках! Ах ты, прелое м...де! Ты бы спросил хоть у Лукьяна или Карпа: спят ли они когда в портках со своими женами?

Он послушал ее ума-разума, скинул портки и заснул: ж...па заворочена! Только пропели первые петухи, племянник пролез в подворотню, да сейчас в сени, приложил ухо к дверям: в избе тихо. Отворил дверь потихоньку, вошел в избу и ну щупать около постели. Нашупал дядину ж...пу и обрадовался голой с...аке, вынул свой кляп и наставил

дяде в жопу. Как попер, дядя закричал благим матом и ухватил его за х...й. А тетка спрашивает:

— Что ты, что ты, старик?

— Вставай скорей! — закричал дядя на жену. — Зажигай лучину: я вора поймал.

Тетка вскочила, побежала будто огонь дуть, да взяла воды и остальной огонь залила.

— Что ж ты копаешься?

— Да огня нету!

— Беги к соседу!

— Как я пойду! Теперь дело ночное, волки таскаются.

— Ах, мать твою растак! На вот, держи вора, а я сам побегу за огнем-то. Да смотри не упусти!

Покедова дядя отыскал фонарь, отпер ворота, пришел к соседу, разбудил его и рассказал, что случилось, да добыл огня, тетка в это время оставалась с племянником в избе.

— Ну, — говорит, — теперича делай со мной что хочешь!

Вот он положил ее на постелю и отработал ее два раза. Тетка проводила парня и думает: «Что сказать мужу? Как-де вора упустила?»

Спасибо, на ее счастье не так давно телилась корова, а теленок был привязан к ихней кровати. Баба хитра, ухватила этого теленка за язык и держит. Воротился муж с огнем и спрашивает:

— Жена, что ты держишь?

— Как дал ты, так и держу!

Мужик так рассердился, схватил ножик и отрезал теленку голову.

— Что ты, с ума сошел али взбесился? — закричала на него жена.

Он скинул свои портки и показывает ей ж...пу.

— На, посмотри, как он меня лизнул! Коли бы еще раз лизнул, кажись, и жив не был бы!

Повстречалась тетка с племянником и говорит:

— А что, Ваня, купишь мне красные башмаки?

— Отчего не купить! Вот завтра в город поеду и куплю.

— Купи, Ваня, я те заслужу.

А Ванька-то был не промах, пошел на огород, выбрал кочан капусты, вырезал вилок да в платок завернул и несет тетке.

— Что, Иванушка, купил?

— Купил.

— Дай-ка я попробую.

— Сперва заработай!

Привел ее в сарай, платок с вилок положил ей под голову и давай попирать тетку: попирает, а капуста в головах скрипит да скрипит.

Тетка и говорит:

— Скрипи не скрипи, а быть на ногах!

А парень:

— Съесть и в пирогах!

СТРАННЫЕ ИМЕНА

Жил-был мужик с женою. Поехал на поле пахать, только прошел одну борозду — и выкопал котелок с деньгами. Обрадовался мужик, схватил котелок и только хотел припрятать — подходит солдат, увидел деньги и говорит:

— Послушай, мужик! Это мои деньги. Коли отдашь их мне, то, сколько борозд пропашешь нынче, столько котелков с деньгами найдешь!

Мужик подумал-подумал и отдал солдату свою находку. Начал опять пахать, прошел одну борозду, нет денег, прошел другую — тоже нет!

«Видно, соху пуцаю мелко!» — думает мужик и пустил соху поглубже, едва лошадь тянуть сможет. А денег все нет.

Приходит к нему хозяйка с обедом и давай его ругать:

— Какой ты хозяин! Бога ты не боишься, подикась как лошадь упарил! Зачем так глупо пашешь?

— Послушай, жена! — говорит мужик. — Только приехал я на поле да прошел первую борозду — сейчас и вырыл котелок, полный денег; да принеси на ту пору нечистая сила солдата. Коли ты, говорит, отдашь мне эти деньги, то, сколько ни пройдешь за день борозд, столько и котелков с деньгами найдешь. Я ему

и отдал свою находку; стал пахать да вижу, что нет ничего, и подумал себе: видно, соха берет мелко, ну, взял и пустил ее поглубже: пахал-пахал, целый день пахал, толку нету!

— Экой ты дурак! Попало счастье, не мог сберечь. А в какую сторону пошел солдат?

— Да прямо вот по этой дороге.

— Пойду-ка его догоню!

И пошла хозяйка со своим сынишкой догонять солдата. Шли-шли и видят: идет какой-то солдат и несет в руках котелок. Нагнала.

— Здорово, служивый! Куда Бог несет?

— Иду в отпуск, голубушка!

— А в какую деревню?

— Да в такую-то.

— Ну и мне туда ж надо; пойдем вместе.

— Пойдем!

Идут вместе и разговаривают:

— Как тебя, голубушка, зовут?

— Ах, служивый, нас с сыном так зовут, что сказать стыдно.

— Что за стыдно! Украсть — стыдно, а сказать — ничего, все можно.

— Да вишь, меня-то зовут На...еру, а сына — На...рал.

— Ну, что ж — это ничего!

Пришли они на постоялый двор и легли ночевать. Только солдат заснул, баба вытащила у него котелок, разбудила сына и ушла с ним домой. Солдат проснулся, хватился — а денег нет, и стал звать:

— На...еру! На...еру!
А хозяин услышал и говорит:
— Служивый, ступай в нужник с...ать.
Солдат видит, что баба не откликается, да-
вай звать мальчика:
— На...рал! На...рал!
А хозяин заругался:
— Экой ты, служба! Таки на...рал в хате!
Взял солдата и выгнал вон.

ПОП И ЦЫГАН

В некотором царстве, в некотором государ-
стве жил-был цыган, у него был отец-старик.
Крепко старик заболел, лежит в постели.
А сын ходил, ходил за ним, да потом бросил.
Что отец ни попросит у него — пить або
что, — цыган будто не слышит, только дума-
ет, кабы поскорее помер!

— Э, сынку, сынку! — говорит отец. — Ты
уже не став мене и за батька почитати, а я ж
тебя на свит родыв!

А сын ему отвечает:

— С..ру твоего батька! Ты не мене робыв, а
свою душу солодыв (усплаждал). Полизай ты к
матери в с...аку, то я, батько, тебе перероблю.

Отец вздохнет и промолчит. Пришло вре-
мя, помер старик. Одели его и положили на
лавке. Лежит покойник, борода у него длин-

ная; накурили в избе ладаном, все готово.
Пошел цыган за попом.

— Здравствуй, батиньку!

— Здорово, цыган! Что скажешь?

— Мой батько помер, пиды похорони.

— Невжели помер?

— Помер, легкой ему опочывок! Лежит на
лавке, как Спас, и бородку свою распас, мось-
мило по хатоньке походите и на его билое
тило посмотрите. Да кажись, батиньку, он и
просвятится, бо так и пахнет от него ладаном!

— Что же, цыган, есть у тебя деньги за по-
хороны заплатить?

— За шо тоби деньги платить? За тое
стервр, шо лежит на лавки, черный, як голо-
вешка, а вытаращив зубы, як бешена собака.
Тай ще тоби за него деньги платили! Пожа-
луй, не приходи хоронить, я тоби приволоку
его за ноги: шо хошь, то и роби з ним, хоть
соби на вечину капти да жры!

— Ну ладно, ладно, — говорит поп, — сей-
час приду да похороню.

Воротился домой цыган, вслед за ним при-
шел и поп; тут отпели цыганова отца, поло-
жили во гроб, снесли на кладбище и похоро-
нили.

— Невжли ты, — говорит поп цыгану, —
нисколько не заплатишь мне за своего отца?
Тебе грешно будет!

— Ах, батиньку! — сказал цыган. — Сам
знаешь, яки у цыгана деньги: було трошки, усе

потратив на поминки, а ты, батиньку, повремени до ярманки, добуду денег — отдам тебе!

— Ну хорошо, свет! Подождать можно.

Началась ярманка, поехал цыган в город — лошадьми менять; поехал и поп по своим делам. Вот и попадаетея цыган попу навстречу.

— Послушай, цыган, — напоминает поп, — время тебе деньги отдачи!

— Якие деньги? За шо тебе отдавать?

— Как за что? Я твоего батька схоронил.

— А тож мини и треба! Я сколько не ищу своего батька, нияк не могу наитить; чужие батьки лошадьми миняют, а моего нема. А се ты, псяча-козляча твоя борода! Похороныв мого батьку!

Ухватил попу за бороду, повалил на землю, вытащил из-за пояса кнут и начал его отжаривать:

— От тебе, псяча-козляча борода! Хоть сдохны да роды мого батька! А то задеру кнутом!

Насилу поп вырвался из цыганских рук да давай Бог тягу!

С тех пор полно спрашивать с цыгана денег.

ДОБРЫЙ ПОП

Жил-был поп; нанял себе работника, привел его домой:

— Ну, работник! Служи хорошенько, я тебя не оставлю.

Пожил работник с неделю, настал сенокос.

— Ну, свет, — говорит поп, — Бог даст, переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено.

— Хорошо, батюшка!

Дождались они утра, встали рано.

Поп и говорит попадье:

— Давай-ка нам, матка, завтракать, мы пойдем на поле косить сено.

Попадья собрала на стол. Сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику:

— Давай, свет, мы и пообедаем за один раз и будем косить до самого полдника без роздыху.

— Как вам угодно, батюшка, пожалуй, и пообедаем.

— Подавай, матка, на стол обедать, — приказал поп жене.

Она подала им обедать. Они по ложке, по другой хлебнули и — сыты. Поп говорит работнику:

— Давай, свет, за одним столом и пополуднуем и будем косить до самого ужина.

— Как вам угодно, батюшка, полудновать — так полудновать.

Попадья подала на стол полудник. Они опять хлебнули по ложке, по другой — и сыты.

— За равно, свет, — говорит поп работни-

ку, — давай заодно и поужинаем, и заночуем на поле — завтра раньше на работу поспеем.

— Давай, батюшка.

Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола. Работник схватил свой армяк и собирается вон.

— Куда ты, свет? — спрашивает поп.

— Как куда! Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться.

Пошел в сарай и проспал до света. С тех пор перестал поп угощать работника за один раз завтраком, обедом, полдником и ужином.

БИТЬЕ ОБ ЗАКЛАД

Был поп, содержал на большой дороге постоялый двор. Идучи с заработков, заходили к нему ночевать и обедать всякие мужики. Вот разговорился раз поп с одним парнем.

— Что, свет, хороша работа была, много ль денег заработал?

— Сот пяток несую домой.

— Это доброе дело, свет! Давай-ка с тобой поспорим да об заклад побьемся на эти пять сотен; коли выиграешь, будет у тебя целая тысяча.

— О чем нам с тобой спорить-то?

— А вот что: живи у меня сутки, пей, ешь, что твоей душе угодно, только до ветру не

ходи: выдержишь — твое счастье, а не выдержишь — мое!

— Изволь, батька!

И ударились об заклад.

Поп сейчас поставил на стол всякого кушанья и вина, парень давай уписывать. Нажрался и напился до того, что вздохнуть не вмоготу.

Запер его поп в особую горницу. Только дня еще не прошло, а мужику захотелось ср...ть: невтерпеж пришло; что делать, говорит он попу:

— Отопри, батька! Проспорил!

Поп обобрал с него деньги и отпустил домой начистоту. Понравилось попу огревать денежки, надул еще двух-трех мужиков таким же манером. Прошел о нем слух по деревням и селам, и выискался один хватюга. Шел он домой с работы, а денег у него в кармане-то меньше гроша; пришел к попу ночевать.

— Откуда идешь? — спрашивает поп.

— В работниках жил, теперя иду домой.

— А много ль денег домой несешь?

— Тысячи полторы будет!

Поп как услышал — чуть не подскочил от радости.

— Давай, — говорит, — об заклад биться. Ешь и пей ты у меня, что душе угодно, только до ветру не ходи целые сутки. Выдержишь, я плачу тебе полторы тысячи, а не выдержишь — ты мне заплатишь. Хоть?

— Давай, батька!

Уселся мужик и давай угощаться. Поп не успевает носить кушанья да вина подливать — так все и прибирает.

Нажрался, напился и спать повалился. Поп его и запер накрепко. Ночью проснулся мужик и так захотелось ему до ветру, что, кажись, последнюю калитку ломает — туго приходит! Мужик увидал: на гвозде висит большая попова шапка, снял ее, навалил ее больше половины и опять повесил на стену, а сам улегся спать. Прошли сутки, мужик давай стучать.

— Отпирай, батька!

Поп отпер, осмотрел везде, нигде не видать на...ранного. Тут мужик и прижал попа:

— Подавай денежки!

Поп морщится, а делать нечего, заплатил ему деньги и спрашивает:

— Как тебя, проклятой, зовут-то? Николи тебя пущать не буду.

— Меня зовут Какофием, батько! — отвечал мужик.

Взял денежки и ушел. Остался поп один и раздумал: жалко стало ему денег.

— Пойду с горя лошадей посмотрю! Схватил со стены шапку и напялил на голову: го...но и потекло оттуда по голове на шею ему и на плечи. Поп еще пуще взбесился, выскочил на двор, сел верхом на лошадь и погнал по большой дороге, а навстречу ему извозчики едут. Поп и спрашивает:

— Не видали ль, ребята, Какофья?

— Батька, каков ты? Неча сказать, хорош! Кто тебя так славно изукрасил-то?

С тем поп и воротился.

КАКОВ Я!

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, такой плутоватый, что Боже упаси! Стибрил где-то сотню рублей и убежал из своей деревни; шел-шел и выпросился переночевать у попа.

— Ступай, — говорит поп, — ты у нас места не пролежишь!

Пришел мужик, разделся, лег на лавке. Вздумалось ему пересчитать деньги, вынул и давай считать. Поп увидал, что мужик считает деньги, а на это они чутки, и думает: «Ишь, ходит оборванцем, а денег какая пропасть! Дай-ка напою его пьяным да оберу!»

Вот поп немного погоды подошел к мужику и говорит:

— Пойдем, свет, с нами ужинать!

Мужик обрадовался.

— Спасибо, батюшка!

Сели ужинать, поп поставил вино и давай его наливать, так потчует, просто отдыха не дает! Мужик напился пьян и свалился на пол. Поп сейчас вытащил у него из кармана деньги, припрятал к себе, а мужика уложил

на лавку. Наутро проснулся мужик, глядь — а в кармане пусто. Смекнул, в чем дело, да что возьмешь. Коли просить на попа, так станут спрашивать: откуда деньги взял и сам отколь пришел? Еще беды наживешь!

Так мужик и ушел. Таскался кое-где месяц, и другой, и третий — а там и думает себе: «Чай, поп теперь меня позабыл. Оденусь-ка так, чтобы не признал меня, да пойду к нему за старое отплатить».

Пришел к попу в избу, а попа на ту пору дома не случилось, одна попадья сидела.

— Пусти, матушка, переночевать к себе!

— Пожалуй, иди!

Он пошел в избу и уселся на лавке.

— Как тебя зовут, свет? Откуда идешь?

— Какофием, матушка, иду издалеча на богомолье.

На столе у попа лежала книга. Вот мужик взял, переворачивает листы да губами бормочет — будто читает. А потом как заплачет. Попадья спрашивает:

— О чем, свет, плачешь?

— Как мне не плакать! В святом-то писании писано, что кому за какие грехи будет, а мы, грешные, столько творим нечестивого, что не ведаю, матушка, как еще Бог грехи-то терпит?

— А ты, свет, научен грамоте?

— Как же, матушка, насчет этого дела я не обижен от Бога!

— А петь по-дьячковски умеешь?

— Умею, матушка, умею; с малых лет учился, весь церковный устав знаю.

— А у нас, свет, дьячка нету, уехал отца хоронить: не поможешь ли батьке завтра обедню отслужить?

— Хорошо, матушка! Отчего не помочь?

Приехал поп, попадья ему все рассказала. Поп тому и рад, угостил мужика как можно лучше. Наутро пришел с мужиком в церковь и начал служить обедню. Только мужик стоит на клиросе и молчит себе. Поп закричал на него:

— Что же ты стоишь молча, не поешь?

А мужик ему:

— Пожалуй, я и сяду, коли стоять не велишь!

И сел на ж...пу. Поп опять кричит:

— Что же ты сидишь, а не поешь?

— Пожалуй, я и лягу.

И развалился на полу. Поп подошел и вытурил его из церкви, а сам остался обедню доканчивать. Мужик пришел к попу на двор. Попадья спрашивает:

— Что, отслужил обедню?

— Отслужил, матушка!

— А где ж батька?

— Он в церкви остался — надо хоронить покойника, а меня послал к тебе взять новый тулуп, сукном крытый, да бобровую шапку: иди далеко, дак он хочет потеплее одеться!

Попадья пошла за тулупом и шапкою, а му-

жик зашел за избу, снял свою шапку, на...рал полную и положил ее на лавку, а сам взял поповский тулуп с бобровою шапкою и драпа.

Поп отслужил обедню и приходит домой; попадья увидела, что он в старом тулупе, и спрашивает:

— Где ж новой тулуп-то?

— Какой?

Ну, тут рассказали друг другу про мужика и узнали, что мужик-то их обманул. Поп сгоряча схватил шапку, что с го...ном лежала, надел на голову и побегал по деревне искать мужика, а го...но из шапки так и плывет по роже: весь обгадился. Подбежал к одной избе и спрашивает хозяина:

— Не видал ли Какофья?

— Вижу, батюшка, каков ты! Хорош!

Кого не спросят, все ему одно отвечают.

— Какие дураки! — говорит поп. — Им одно толкуешь, а они тебе другое!

Бегал, бегал, всю деревню обегал, а толку не добрался.

«Ну, — думает, — что с воза упало — то пропало!»

Воротился домой, снял шапку, а попадья как посмотрела на него, сейчас завопила:

— Ах, батька, вить у тебя оспа на голове выходит!

— Что ты врешь! — сказал поп; пощупал свою голову и всю руку в го...не вымазал. Тем сказка и кончилась.

КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНА И ПРИКАЗЧИК

Жил-был купец, старый хрыч, женился на молоденькой бабенке, а у него много было приказчиков. Старшего из приказчиков звали Потапом; детина он был видный, зачал к хозяйке подбираться, шутить с нею всякие шуточки, так у них дело и сладилось. Стали люди примечать, стали купцу сказывать. Вот купец и говорит своей жене:

— Послушай, душенька! Что люди-то говорят, будто ты с приказчиком Потапом живешь.

— Что ты, Бог с тобой, соглашусь ли я! Не верь людям; верь своим глазам.

— Говорят, что он к тебе давно подбирался! Нельзя ли как-нибудь испытать его?

— Ну что ж, — говорит жена, — послушай меня, нарядись в мое платье и поди к нему в сад — знаешь, где он спит, да потихоньку шепотом скажи: «Я-де к тебе от мужа пришла!» Вот и посмотришь тогда, каков он есть.

— Ладно! — сказал купец.

А купчиха улучила время и научила приказчика: как придет муж, хорошенько его поколотить. Чтобы он, подлец, долго помнил!

Дождался купец ночи, нарядился в женское платье с ног до головы и пошел в сад к приказчику.

— Кто это? — спрашивает приказчик.

— Я, душенька!
— Зачем?
— От мужа ушла да к тебе пришла.
— Ах ты подлая! И то про меня говорят, что я к тебе хожу! А ты, бл...дь, хочешь, чтоб я совсем опостылел хозяину!

И давай колотить купца по шее, по спине да в поволочку:

— Не ходи, мерзавка! Не срами меня. Я ни за что не соглашусь на такие пакости!

Кое-как купец вырвался, прибежал к жене и говорит:

— Нет, милая, теперь никому в свете не поверю, что ты живешь с приказчиком. Как принялся он меня ругать, срамить да бить — насилиу ушел!

— Вот видишь, а ты всякому веришь! — сказала купчиха.

И с того времени стала жить с приказчиком без всякого страха.

ВОР

Живал-бывал Микулка-вор. Услыхал про него барин, что Микулка хоть что — так украдет; призывает его и говорит:

— Укради из-под меня с барыней пуховик; коли украдешь — сто рублей, не украдешь — сто плетей.

— Идет! — отвечает Микулка.

— Когда ж воровать придешь?

— Нынче ночью.

— Ладно!

Барин лег спать с барыней, а Микулка еще спозаранок забрался к нему под кровать, выждал, когда все уснули, да и напакостил промеж барина с барыней. Барин с барыней проснулись, стали друг на друга сваливать, подняли шум, никто не переспорит. Встали оба, ухватились за перину, да никак не стащут; принялись звать человека.

Тут откуда ни взялся Микулка и потащил перину на двор. Барин думает, что это ихний слуга.

— Смотри же, — приказывает, — хорошенько встряси, чтоб чисто было.

Микулка унес перину к себе. А барин с барыней ждали — так и не дождались; кого ни спрашивали — никто ничего не знает. Утром приехал Микулка на барский двор и перину привез:

— Принимай, барин, да плати сто рублей!

— Возьми хоть двести, только никому не рассказывай, что мы с барыней опакостились.

Через неделю зовет барин Микулку:

— Украдь, — говорит, — у меня жену; украдешь — сто рублей, не украдешь — сто плетей.

— Изволь, барин!

Воротился Микулка домой и велел купить водки и закусок разных, а сам пошел по па

в гости звать. Поп тому и рад. Известное дело, у попа глаза завистные, рад на чужой счет нажраться, напиться. До тех пор поп тянул водку, пока с ног свалился.

Микулка раздел его чуть не до грешного тела, нарядился в поповскую рясу и пошел на барский двор; смотрит: кругом стоят сторожа с дубинами, все барыню берегут. Вошел Микулка в хоромы:

— Здравствуйте, батюшка! — говорит барин.

— А я мимо вашего двора шел, — говорит облыжный поп, — смотрю — стоят везде сторожа с дубиною; дай, думаю себе, зайду да разузнаю, что такое?

— Знаете ли вы, батюшка, Микулку-вора?

— Как не знать? Такой плут, каких еще не бывало, давно бы повесить пора.

— Вот он самый и похвалялся украсть нынешнюю ночь мою барыню.

— Неладно дело. От него хоть втрое больше поставь сторожей, все не убережешься.

— Да что же мне делать-то?

— А вот что: отошлите-ка свою барыню (да потихоньку, чтоб никто не знал) к моей попадье, пусть вместе ночь проведут. Хоть Микулка и придет воровать, так барыни не найдет.

— И то правда. Спасибо вам, батюшка, что надоумили.

— Я, пожалуй, сам и провожу барыню.

Повел Микулка барыню, только не к попу на двор, а прямо к себе. Наутро посылает барин к нему (попу) за женой, а тот еще спит с похмелья. Попадья и говорит:

— Никакой барыни у нас не было, да и муж с самого вечера, как притащили пьяного от Микулки, никуда не выходил из дому, лежит словно убитый — и не ворохнется.

Нечего делать, пришлось барину выручать свою жену от Микулки. Заплатил ему сто рублей, взял барыню и пошел домой, только в затылке почесывается.

Случилось попу быть у барина в гостях; зашла речь про Микулку, что вор-де такой хитрый: с живого штаны сымет. А поп говорит:

— Кому как, а мне Микулка не страшен: я и сам хитер.

— Ну, батька, не хвались, прежде Богу помолись.

И приказывает барин своим холопьям позвать Микулку:

— Поп-де не верит твоей удали, так покажи ему.

— Отчего не показать? Рад стараться.

— А ну, — говорит поп, — украдь у меня сто рублей?

— Украду.

— Да как же ты украдешь, когда я их повешу на шею себе?

— Про то мне знать.

Поп как приехал домой от барина, сейчас

вынул из сундука сто рублей, завернул в лоскутье и повесил на шею. Уж на дворе давно темно. Поп все не спит, боится, как бы вор не явился да не отобрал денежек. Микулка подвязал себе крылья, взял большой кошель, собрался и полез к попу в окно. Поп видит — крылатый человек у окна — и принялся читать заклятие:

— Сгинь, пропади, дьявольское наваждение.

— Я не бес, — говорит Микулка, — я ангел с небес.

— Почто ты ко мне прилетел?

— Господь велел взять тебя на небо, садись в кошель.

Поп сел в кошель. Микулка поднял его и понес на колокольню; начал было подниматься по лестнице, остановился и говорит:

— Отче, или согрешил, или при тебе есть что мирское, больно тяжело тебя нести. Покайся наперед в грехе и сбрось с себя все мирское.

Поп вспомнил, что у него на шее сто рублей привешено, снял их и отдал вору. Микулка втащил его на самый верх, привязал к перекладине и давай отзванивать во все колокола. Стал народ просыпаться, что за звон такой? Побежали все на колокольню — нет никого (Микулка уж успел улизнуть с поповскими деньгами), только мешок на перекладине болтается. Сняли мешок, распутали, а в нем поп сидит.

АРХИЕРЕЙ ОТЧИТЫВАЮТ

Был у барина продувной слуга Ванька. Убежал от него и принялся воровать да плутовать. Идет он по рынку, видит: мужик свинью продает.

— Что, продаешь свинью?

— Продаю.

— А сколько просишь?

— Пять карбованцев.

— Ну, вези за мной на архиерейский двор; нам архиерей не приказывал торговаться.

Приехали на архиерейский двор. А Ванька знал, что архиерей нечистых из людей выгоняет, отчитывает. Сейчас бросился к нему:

— Святой владыко! Беда случилась: в моего батюшко нечистый вселился; нельзя ли отчитать?

— Веди его сюда.

Ванька воротился к мужику.

— Ступай, — говорит, — к преосвященному за деньгами, да как прийдешь — нагни голову пониже; он наперед молитву прочитает.

Старик прошел в горницу и нагнул голову, а владыко взял книгу и давай отчитывать. Тем временем Ванька сел на телегу и уехал подобру-поздорову, и лошадь украл, и свинью увез. Мужик стоял-стоял, согнувшись, инда тошно стало — шея заболела, а архиерей знай себе читает. Надоело старику.

— Буде, владыко, пора деньги за свинью платить!

— Ах, окаинный, и впрямь в тебе бес сидит, — говорит архиерей, — вишь, про свинью поминает.

— Что ты, владыко, али деньги зажилить хочешь? Коли так, я лучше свинью назад повезу.

Бросился на двор — ни повозки, ни свиньи. Ванька уж давно все это спустил, куда надобно, и идет себе как ни в чем не бывало. Шел, шел да в лошадиное дерьмо и попал. Слегка ногою коп — выскочил поп.

— Ты откуда, долгогривый, взялся? Как сюда попал?

Ванька еще покопал, на два дьякона напал; взял палочку да тычком — выскочил пономарь с дьячком.

В ЧЕМ Я?

Жили-были старик со старухой; у них был сын Иван-дурак. Пришло время — старик со старухой умерли. Иван-дурак и говорит:

— Что мне жить одному дома, лучше идти на божий путь бурлачить.

Вот он и пошел. Ему навстречу попал поп. Поп говорит Ивану-дураку:

— Ты куда пошел?

Иван-дурак отвечает:

— Да вот отец и мать у меня умерли, так я пошел бурлачить.

— Наймись ко мне в строшны.

— Пожалуй.

— Тебя как зовут?

— Зовут меня В-чем-я.

Вот поп нанял строшного. После и спрашивает у него:

— Ты учен грамоте?

— Учен.

— Ну, пойдем, — говорит поп, — обедню со мной служить.

— Пожалуй, пойдем.

Они зашли в церковь. Поп надевает на себя ризу, а Иван-дурак спрашивает:

— А мне чего надеть-то?

— Где-то был куль рогожный, — рассказывает поп, — надень хоть его.

Иван-дурак принес куль, спрашивает:

— Как же надевать его? Куда голову запихать-то?

Поп говорит:

— Где-то был нож? — Принес его, перерезал в куле дыру: — Пихай — вот сюда.

Иван надел куль и стал служить за дьякона. Поп учит его:

— Говори: благослови, владыко.

А Иван ему:

— А тебя, батько, можно повесить на лыко.

Поп взял и выгнал его из церкви. Иван-дурка побежал к попадью:

— Давай, попадья, четыреста рублей, попо деревню купил.

Она и отдала ему четыреста рублей. В поповой избе стояла квашня с раствором. Иван взял да и вылил раствор попу в шляпу, поставил ее на стол и закрыл платком, а сам убежал. Приходит поп от обедни домой. Попадья спрашивает:

— На какую деревню просил ты четыреста рублей денег?

— Что ты, вздурела? Когда я просил?

— Да стропной приходил за ними, говорит: батюшка деревню купил; я ему сама отдала.

— Что ты, подлая, наделала? Ведь он обманул тебя!

Схватил поп шляпу с раствором-то, надел на себя:

— Побегу, — говорит, — нагоню его.

Вот и побежал догонять; бежит себе, а мужик навстречу дрова везет. Поп спрашивает у него:

— Не видал ли, свет, В-чем-я?

— Да, кажись, в растворе, батюшка.

Поп побежал дальше, увидел другого мужика, спросил и этого; он то же сказал. Поп пустился еще дальше, увидел третьего мужика, рубит в лесу дрова.

— Дядюшка, — спрашивает его — скажи, не видал ли ты В-чем-я?

— Да ты, батюшко, весь в растворе. Оглянись на себя — сам увидишь.

Поп осмотрелся, а по нем из шляпы так и ползет раствор-то. Поп вернулся домой, весь морщится.

— Что, поп, морщишься? Али гриб с корешком съел? — спрашивает попадья.

Поп осерчал, выбил попадью и пошел с горя в кабак да пропил себе ряску.

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЖЕНА И КУПЕЧЕСКИЙ СЫН

Жил-был богатый купец, у него был молодой приказчик. Купец нагрузил корабль дорогими товарами, дал приказчику много золота и серебра и отправил торговать в иные города. Вот приказчик приплыл в чужестранное государство, в столичный город. Зашел в трактир пообедать и услышал, что в этом городе была у генерала жена такая красавица, каких во всем свете мало родится, и задумал, как бы ее увидеть. Только генерал держал свою жену взаперти, никуда не выпускал и к себе никого не принимал: на такую красавицу кто не позарится. Приказчик насыщал блюдо серебра и золота и пошел к генералу в дом.

— Что тебе надобно? — спрашивает слуга.

— Хочу генералу поклониться.

Слуга доложил генералу, а он был куда на деньги падок.

— Коли с деньгами пришел, такпусти его.

Приказчик вошел в комнату, блюдо с серебром и золотом на стол поставил. Спрашивает генерал:

— Какая у тебя нужда?

— Ах, ваше превосходительство! Во всех городах только и молвы, что про красоту вашей жены. Нельзя ли посмотреть ее?

Генерал подумал и согласился. Тотчас подошел к дверям и крикнул:

— Эй, жена, подай нам водки!

Генеральша вынесла на подносе графин с водкою и две рюмки, поставила перед мужем и ушла в свою комнату. Приказчик как увидел такую красавицу, тотчас и влюбился в нее; чуть ли с ума не сходит. На другой день насыпал он другое блюдо серебра и золота и опять понес к генералу; поклонился ему, поставил блюдо на стол и говорит:

— Позвольте, ваше превосходительство, еще разок взглянуть на вашу супругу!

— Эй, жена, подай нам водки! — закричал генерал.

Приказчик увидал ее в другой раз и еще больше прельстился. С того времени почал каждый день ходить к генералу, все деньги, товары и самый корабль, все спустил, и сделался чист молодец. Сидит в трактире и не знает, что ему делать. В это время прибыл

в тот город какой-то купеческий сын с тремя кораблями, зашел в трактир и заказал себе хороший обед. Подали ему водки и разных кушаньев; только было принялся он есть, вдруг подходит к нему оборванный и общипанный приказчик, не спрося, выпил водки и стал закусывать. Закусил и не думает за чужую хлеб-соль благодарствовать.

— Это что за теребень? Вишь какой обдерганный! — говорит купеческий сын.

Отвечает ему теребень:

— Коли узнаешь, так сам таков будешь.

Взяло купеческого сына любопытство, стал к нему приставать:

— Расскажи, пожалуйста.

Тот ему рассказал:

— Вот — говорит — теперь и остался ни при чем; хожу обдерганный.

Захотелось и купеческому сыну посмотреть на генеральшу.

— Слушайся меня, — сказал ему теребень, — мы сыграем с генералом такую шуточку, что долго не забудет. Рядом с генеральской квартирой отдается внаймы другая; найми ее и сделай тайный ход к нему в спальню.

Купеческий сын так и сделал. Вот генерал уехал в свое время к государю с докладом, а жену в спальне запер; купеческий сын напустил смелость и тотчас тайным ходом к его жене. Генеральша увидела, что больно хорош собою... А после и говорит:

— Ах, купеческий сын, освободи меня от мужа; мне эта каторжная жизнь наскучила.

— Хорошо, — говорит, — можно.

Взял у нее мужнину трость и поехал на площадь, где государь развод делал. Ходит да тросточкой помахивает; генерал увидал свою трость, подскочил к нему:

— Эта трость моя!

— Помилуйте, ваше превосходительство, что вы на честного человека клеплете! А я на вас пойду в суд с жалобой.

Генерал сел в дрожки и поспешил домой, а купеческий сын еще скорей его приехал домой и через тайный ход отдал трость генеральше. Генерал отпер жену и спрашивает:

— Где моя трость?

— А вон в углу стоит.

— Ах, ведь я понапрасну поклепал купеческого сына.

На другой день купеческий сын взял у генеральши кольцо, генерал опять пристал к нему и точно так же должен был признаться, что напрасно его поклепал. На третий день просит купеческий сын генерала:

— Посватайте за меня невесту — рядом с вашей квартирой живет.

Генерал рад ему услужить, чтобы только на него за напрасные поклепы не жаловаться; собрался и пошел в соседнюю квартиру. А там уже все готово: сидит какая-то стару-

ха. Генерал посватал купеческого сына за ее дочь. Старуха говорит:

— Хорошо, я согласна, надо у дочери спросить.

Зовет дочь — выходит к ней генеральша и рассказывает:

— Я, маменька, согласна.

Генерал глаза вылупил: точь-в-точь моя жена. Да побоялся в третий раз вклепаться. Вернулся домой — жена его дома.

— Ну, — думает, — хорошо, что остерегся.

Наутро обвенчался купеческий сын на генеральше; сам генерал их посватал и от венца домой проводил да спать уложил. После того приходит он домой — хватился — жены нет. Туда-сюда — нет, да и только. Куда делась — никто не знает. Утром бросился к купеческому сыну:

— У меня, — говорит. — жена пропала.

— Да ведь вы, ваше превосходительство, выдали ее за меня замуж!

Генерал рассердился, поскакал к царю; царь разобрал это дело, посмеялся и сказал:

— Ну, брат, ты сам ее отдал, так пенять не на кого, оставайся-ка без жены.

ЖЕНА ХИМКА

Жил муж Филя, у него жена была Хима — беспечная, сонливая, нерадивая. Раз в летний день пошла она рожь жать; жать не жала,

легла в поле и заснула. Приходит Филя, взял ей остриг голову, обмазал тестом, обсыпал пухом и ушел домой. Вот Хима проснулась, схватилась за голову и говорит:

— Что бы это значило? По уму-то я Хима, а по голове, кажется, нет. Постой, пойду в деревню; узнаю ли свой двор?

Идет она по деревне, считает дворы, подходит к своему двору и говорит:

— Вот наш двор!

Спрашивает хозяина:

— Филя, а Филя! Дома ли твоя Хима?

— Дома.

Вот она и пошла прочь от окна. «Постой, — думает, — суну-ка я в подворотню голову; если узнает меня собака, так я Хима, а не узнает — значит, не Хима». Сунула голову в подворотню; собака залаяла. Тут бедная баба совсем поверила, что она не Хима, и пошла к вечеру на большую дорогу. Попадаются ей навстречу воры. Она и просит:

— Возьмите меня с собой; я знаю богатого мужика, обворуем его.

— Пойдем.

Пошли воровать. Проломали в клетки крышу и опустили туда Химу:

— Подавай, а мы брать станем.

Она набрала себе орехов, а им подала мешок с золою. Воры осерчали:

— Черт с ней, — говорят, — бросим ее, пусть сидит там!

Хима услышала это, навязалась сама на веревку и кричит им:

— Тащите, вот добро, так добро.

Воры ее и вытащили. Пошли искать иного места; идут мимо кладбища.

— Ну, Химушка, ты посиди пока тут, а мы пойдем к дьякону баранов красть.

Воры ушли, а Хима села на могиле, сидит да орехи щелкает. Вышел дьякон помочиться и видит на могиле эдакое чудище. Побежал к попу:

— Вставай, батюшка, покойник из могилы вылез, зубами щелкает!

Поп был нездоров, позвал еще дьячка и велел нести себя на носилках:

— Пойду, — говорит, — о мертвеца отчитывать.

Вот дьякон с дьячком несут попа, а Хима думает, что то воры, и закричала:

— Что несете?

Дьякон говорит:

— Несем!

— Жирного?

— Жирного!

— Ну, скорей давайте, я есть хочу.

Дьякон думает:

— Что ж, я-то жирнее попа, пожалуй, за меня хватится!

Испугался, бросил попа наземь да бежать; дьячок за ним, а поп так головой о могильный камень пришелся, что еле-еле к рассве-

ту опомнился. Поутру шел народ на работу, увидел Химу и отвел к мужу.

МОНАХ И ИГУМЕНЬЯ

В одном городе было два монастыря, вот хоть бы так, как у нас в Питере: Невский да Смольный. В одном монахи, в другом монашеники. Вот хорошо. Повадился один молодой монах ходить к монашенке, а чтоб не узнать, всегда наряжался в женское платье. Бороды у него еще не было, а волосы у попов да у монахов все такие ж по-бабьему положению. Видят все, что к монашенке часто гостя жалует, ну да что за беда! А она уж брюхата стала. Дали знать про то игуменье. Игуменья дает приказ:

— Коли кто придет к той монашенке, тотчас доложить.

Вот на другой день приходит монах к своей любовнице. Увидели его келейницы и побежали к матушке-игуменье.

— Пришла-де какая-то женщина в гости.

Игуменья приказала вытопить баню и всем, кто только есть в монастыре, идтить париться. Нечего делать, собрались все монашеники. Повели и гостю с собой. Пришли в баню и стали раздеваться. Монах разделся да поскорее на полок, забился в уголке и не знает, как ему быть? У него на шее висел крест

на тесемке. Отвязал... (крестом, который ниже пояса повесил, «стыд» прикрыл). Вот игуменья надела очки, взяла в руки свечку и стала обходить всех монашек да осматривать, нет ли кого между ними... Стала игуменья к монаху приглядываться, подошла поближе, нагнулась... (тут тесемка и оборвалась, крест нательный отлетел в сторону) да прямо игуменье в левый глаз попал.

— Ай, Господи! С нами Пресвятая Богородица! — закричала игуменья и схватилась за левый глаз. А глаза как не бывало — совсем-таки вышиб! Пока что — монах уже выскочил из бани и убежал голый. Игуменья осталась кривою.

Прошло время — монашенка родила. Я и на крестинах был, только не разобрал: кого Бог дал — мальчика или девочку?

МУЖ ДА ЖЕНА

Жили мужик да баба; она была больно востра, не любила мужика, полюбила попа; сама не работала да и мужу не давала, все больной прикидывалась да посылала в разные места за лекарствами: хочется как-нибудь да извести мужа. Вот посылает его раз в Ревель за лекарем. Муж пошел, повстречался с мужиком. Тот спрашивает:

— Куда идешь?

— Да жена больна, иду приискать лекаря.
— Давай я вылечу.
— Пойдем, батюшка! Помоги Христа ради, замучилась бедная.

Вот вернулись, стали подходить к избе; лекарь и говорит:

— Погодит-ко на дворе, дай я наперед посмотрю, что с ней деется?

Заглянул в окно — она с попом гуляет, харчей, вина и браги — всего вдоволь. Он и просится:

— Хозяюшка, пусти ночевать.

Она было не хотела, да поп говорит:

— Пусти, ведь он не знает: ни кто ты, ни кто я.

Пустила его в избу и накормила-напоила, мужик говорит:

— Хозяюшка, мне бы соломки надобно.

— Пойди в пелевню, возьми сколько надобно.

Он пошел, завернул хозяина в солому и принес в избу. После ужина баба с попом заплясала.

— Мужичок, — говорит, — спой песенку.

— Прежде ты спой, а потом я спою.

Она пляшет и поет:

— Пошел мужик до Ревеля, пошел мужик до лекаря; ему дома не бывать, жены не видеть.

А мужик запел:

— Слышишь ли, солома, что деется дома? Кнут висит на стене, быть ему на спине.

Мужик выскочил из соломы и ну дуть попа да хозяйку. Важно отдул. Перестала хворать.

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

Как у нас на селе подралась попадья с дьяконицей; маленько понорова, черт треснул пономоря; поп затужил и обедни не служил. Собрались сельски, деревенски, господски, посадски, собралось семьдесят семь нищих; плели они лычный колокол о сто пудов, повесили на крапивный сук, ударили в соборе не рано; услыхали люди не мало; Филька да Илька, Савка да Ванька. Приносили они нищим пищу: курицы сливки, свиные рожки, бараньи крылья. Пошел Ванька в кладь, взял кусок железа, сковал себе топор — ни мал, ни велик — с комарье плечо. Пошел с ним в чистое поле пресвятое дерево рябину рубить; впервые тюкнул — пошатилась, вдругорядь тюкнул — повалилась. Он рубил-рубил, ничего не срубил, только у себя как-то ногу отсек. День лежал и ночь лежал — никто не опознал; опознали комар да муха, зеленое брюхо; посадили его на колеска, повезли на небеска. На небесах стоит церковь — из пиროгов складена, шаньгой покрыта, калачом заложена. Ванька на это хитер бывал: взял — калач переломил да и двери отворил. В церк-

ви-то все не по-нашему: паникадило репьяное, свечи морковны, образа — пряничны; стоит поп железный, пономарь оловянный, жестяная просвирня. Он у них спросил:

— Когда у вас бывает репно заговенье?

Они ничего ему на то не сказали, а Ванька осерчал, по щелчку им дал да с неба упал.

ПАХОМ

Помер в селе поп, оставался один дьякон; худо ему стало без попа, доходу нет ни копейки, а жить надо; и задумал он поставить какого-нибудь мужика за попа. В одно время пошел он искать, не согласится ли кто на селе быть попом. Идет дорогою, повстречался с ним мужик.

— Здравствуй, мужичок!

— Здорово, дьячок!

— Как тебя звать?

— Пахом.

— Ну, ты будешь у нас попом.

— Да я грамоте не умею.

— Ничего, я тебя научу, что говорить надобно.

Мужик согласился. Пришли они в село; дьячок объявил его прихожанам:

— Вот-де вам поп новый поставлен.

Дождались праздника, зазвонили к обедне. Мужик оделся в поповские ризы и затащил в алтаре нараспев:

— «Во время оно шел дьячок, навстречу ему мужичок». — «Здравствуй, мужичок!» — «Здравствуй, дьячок!» — «Как тебя звать?» — «Меня зовут Пахом!» — «Ну, будь у нас ты попом!»

А дьячок знай подхватывает:

— Господи, помилуй!

Православные слушают да поклоны бьют.

Вот так-то и пошло дело у них на лад. Только через год, через два случилось в то село захватить архиерею; приказал он попу служить обедню и певчих своих на клиросе поставил. Пахом оделся в ризы и затащил по-прежнему: «Во время оно шел дьячок, навстречу его мужичок». — «Здравствуй, мужичок!» — «Здравствуй, дьячок!» — «Как тебя звать?» — «Меня зовут Пахом!» — «Ну, будь ты попом!» — «Я грамоте не учен!» — «Не в грамоте дело; говори: архиерею будет четверня лошадей, а певчим пятьсот рублей».

Архиерей услышал, что ему сулят лошадей, да всю обедню и прослушал молча; а как отошла обедня, взял четверню и пятьсот рублей на певчих и уехал куда надо, а мужика Пахома похвалил за усердие: он и теперь еще служит.

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король. У этого короля был сын

Иван-королевич. Понравилась королевичу одна из придворных фрейлин — очень собою хороша была! Спознался он с нею и дал ей свой именной перстень. Ни много, ни мало прошло времени — родила эта фрейлина сына. Король тотчас узнал про все ихнее дело. Приказал ее вместе с ребенком посадить в бочку и пустить в море. Бочка плавала-плавала, остановилась у одного острова и развалилась. Мать с сыном вышли на берег и остались тут жить.

Вот сын ее рос-рос, да и вырос. В одно время говорит он:

— Любезная государыня матушка! Дай мне свое благословление, я поеду службы искать.

— Поезжай с Богом.

Вот он приехал в тот город, где отец его Иван-королевич царствовал (король-то старый давно помер). Идет по улице и повстречал одного купца.

— Господин купец! Возьми меня к себе в приказчики.

— Да ты чей?

— Я сирота, нет у меня ни отца, ни матери.

А собою он был писанный красавец и тотчас же полюбился купцу.

— Ну, — говорит, — коли ты сирота, ступай ко мне в приемыши. У меня своих детей нету.

Стал купеческий приемыш торговать в лавках, и пошло дело словно по маслу. Ста-

рые приказчики только дивуются — откуда у него такая сметка: барыши сами к нему в карман так и просятся.

В ту самую пору Иван-королевич задумал жениться на одной купеческой дочери — такая красавица была, что люди по десять тысяч за один посмотр давали. Стала купеческая дочь готовиться к свадьбе и послала свою служанку закупать в лавках разных материй. Служанка входит в лавку к купеческому приемышу, а он сидит да игрою на гусях забавляется. И как хорошо играет! Век бы слушать — не наслушался. Служанка слушала, слушала и забыла, что ей невеста наказывала. Воротилась домой и говорит купеческой дочери:

— Простите, сударыня! Так и так, позабыла, зачем меня посылали!

Захотелось купеческой дочери самой послушать этой чудесной музыки. Оделась и поехала в лавку. А приказчик сидит себе да на гусях поигрывает. Только что вошла она в лавку, как усмотрела молодца — тотчас по уши в него влюбилась. А он бросил свои гусли, встал и спрашивает:

— Чего вам, сударыня, угодно?

Тут она набрала всяких товаров на несколько тысяч и говорит приказчику:

— Со мной теперь денег нет, а ты приходи ко мне вечером попозднее — я тебе дома заплачу.

— Хорошо, приду.

Вечером приказчик запер лавку и пошел к купеческой дочери. Она тотчас повела его в свою комнату, положила на стол острую саблю и говорит ему:

— Коли хочешь жить — полюби меня, а не станешь любить — сниму с плеч твою буйную голову!

А он и сам не прочь с нею знаться. Скоро они поладили и переспали ночь вместе.

— Ну, милый, — говорит ему купеческая дочь, — сделай ты теперьча от своей лавки к моим покоям подземный ход, освети его фонарями и ходи ко мне каждую ночь, чтобы тебя никто из людей не видал. А то, коли королевич узнает, беда нам!

Приказчик простился с нею, пришел домой и, долго не думая, нанял сейчас работников и вырыл подземный ход от лавки до покоев купеческой дочери. С той поры и начал он к ней похаживать да в свайку поигрывать.

Меж тем Иван-королевич говорит отцу своей невесты:

— Батюшка! Пора нам свадьбу играть.

— Да я готов хоть сейчас. Вот что дочка скажет?

А дочка притворилась больной и просит обожждать до ее выздоровления. Ждали месяц, и другой, и третий — она все кажет себя больною. Запало королевичу сомнение:

— Уж нет ли у нее кого другого, что за меня выходить не хочет.

Поставил он везде часовых, чтобы строго смотрели: не ходит ли кто к его названной невесте. Но куда часовым усмотреть, когда ход такой устроен? Видит королевич, что дело-то неладно. Нарядился в солдатскую шинель и пошел поздним вечером по городу: не проведает ли чего сам? Шел-шел и усмотрел — в лавке огонь светится.

— Зачем бы в такое время в лавке огню быть?

Постучался в дверь.

— Чего тебе, служба, надобно? — спрашивает купеческий приемыш.

— Пусти, добрый человек, ночь переночевать. Даром нигде не пускают, а денег нет. Я пришел издалеча.

Жалко его стало приказчику.

— Ну, говорит, иди!

Ровно в двенадцать часов собрался он к купеческой дочери в гости. Встал потихоньку и пошел подземным ходом. А королевич не спит — все видит. Поднялся, да вслед за ним. Вот таким-то случаем и узнал он, что к его невесте ходит подземным ходом купеческий приемыш, что каждую ночь они пьют-гуляют и спят на одной постели... На другой день солдат простился с приказчиком и ушел. Приказчик ничего не ведает. А тут вдруг нагрянула стража и королевский указ принесла: велено его взять и в тот же день повесить на торгу на виселице. Народу сбежалось ви-

димо-невидимо. Сам королевич приехал. Только повели купеческого приемыша вешать, а он просит последнее слово сказать:

— Есть-де у меня именной перстень, от моего батюшки достался, возьмите его и перешлите на такой-то остров к моей родной матери.

Королевич взглянул на перстень и тут же опознал, что этот приемыш его сын. Тотчас велел остановить казнь, обнял его крепко и стал расспрашивать, как и что с ним делалось. После того королевич обвенчал этого молодца на купеческой дочери, а сам женился на его матери.

ПОП У БАБЫ И БАТРАК

Жили мужик (хохол) да баба; у них был работник — хитрый, молодой. И повадился к той бабе поп ходить; как только услышит, что мужа дома нет, сейчас и прибежит к ней. Работник это заметил. Вот дело было в самый сенокос — собрался мужик вечером ехать к морю за песком, запряг лошадей и выехал на улицу.

— Послушай, хозяин, — говорит работник, — не ездь нонче за песком, воротись потихоньку назад, — увидишь, как твоя жена с попом гуляет.

Вошел в сарай и говорит хозяину:

— Вот тебе нож и мешок; садись в мешок,

я тебя завяжу, а вот как хозяйка пошлет меня за щепками — я тебя и принесу в избу. Тогда сам узнаешь, как твоя жена с попом прохлаждаются. Станут они пить, гулять и меня с собой посадят, а после заставят петь песни. Ты хорошенько слушай, что я запою — так ты и делай.

Завязал мужика в мешок и пошел в избу.

— Что, проводил хозяина? — спрашивает работника баба.

— Проводил.

— Ну, ступай скорей — позови попа.

Работник сбегал за попом; сели они за стол, стали угощаться.

— Ну, работник, садись с нами; ведь ты, чай, совсем управился.

— Совсем, хозяйюшка! Только вот щепок надо принести — завтра печь топить поутру.

— Ну, ступай, принеси.

Работник побежал в сарай, притащил в избу мешок и положил под печку. Принялись они пить, гулять, песни затягивать. Поп порядком-таки подкутил и говорит работнику:

— Спой-ка, свет, ты нам песенку.

— Нет, пускай прежде хозяйюшка споет.

Хозяйка затынула:

— Ой, пошхав мой Григорий! Да пошхав вин до моря! Ой, бог знае-ой, бог висть, чи буде вин дома!

Потом запел работник:

— Да чи чуешь ты, Григорий, што твоя

жена говорить? Возьми нож, мех пореж; бери швидче макогон, давай жинки перегон — жинку раз, попа два... трантата-трантата.

— Славная песня, — говорит поп, — вот тебе за нее стакан водки! Спой-ка еще разок.

Работник запел в другой раз; мужик разрезал мешок, выскочил из-под печки, ухватил макогон и давай лупить бабу — раз, попа — два. Поп насилу выбрался; в окно улизнул.

ПОП УГОДИЛ В СОЛДАТЫ

Попадья попу говорила:

— Поп, что нам Северная пчела принесет?

— Вестимо, не смолу, а мед; к нам не прильнет — размешаем мы с кутьей да съедим с тобой, любезною попадьей.

— Да нет, поп! Я тебе говорю не задор.

Поп рассердился, попадье в шею сунул, пошел — пол-осьмушки клюнул. Не проспится поп ни ночью, ни днем; повезли попа на прием. Поп возопил:

— Прощай, моя питательная кутья; оставайся, моя горемышная попадья! Будешь теперь ты ни матушкой, ни маткой, а навеки солдаткой!

Попал поп в солдаты, говорит себе:

— Наполню теперь водою манерку, забуду до веку пить горелку; насыплю в ранец

сухарей — я солдат, не иерей. Может, заслужу чин генерала, а покамест хоть дойти до капрала.

ПОП-ВОРОЖЕЙКА

Жил-был поп, по прозванию Жаворонок; а при нем дьячок находился: оба горькие пьяницы. Овдовел и поп, овдовел и дьячок, и начали еще больше прежнего пить горькую. Пропили сначала дьячково имение, а после промотали и батьково. Не на что стало опохмелиться. Говорит поп дьячку:

— Возьми, свет, с клироса церковные книги; заложим в кабак, а после, как поправимся — назад выкупим.

Дьячок сейчас сграбастал книги, заложил в кабак, кутнули с попом на славу. Наутро голова трещит, надо бы опохмелиться — да опять не на что! Как быть? Откуда достать?

— Погоди, свет, — говорит поп, — что ни будет, а я свои ризы заложу, дак еще с тобой погуляем.

Заложили ризы и тут же пропили с дьячком все деньги.

Вот так-то они в две недели все церковные вещи обработали; все в кабак пошло. Приходит воскресенье, а попу и обедни отслужить нельзя: нет ни одной книги, ни одной ризы — не во что и одеться.

— Что нам делать, дьяче?

— Не знаю, батюшка. Что вам угодно, то и делайте; ведь с вас, не с меня спросят.

— Ну, я вот больным скажусь; пускай люди знают, что оттого обедни нет, что поп заболел.

Прошло одно воскресенье, и другое, и третье, а до церкви все не звонят. Люди поговаривают:

— Батко крепко болен. Нельзя же нам быть без службы Божией, станем просить себе другого попа.

Услыхал про то поп. «Ну, — думает, это дело неладно. Еще, черт возьми; коли наедет иной священник да увидит, что у нас в церкви дочиста обработано, так мне за это достанется; неровен час, и в Сибирь угодишь. Надо выдумывать, как бы поправиться».

Призывает поп дьячка:

— Что, свет, дело-то наше плохо. Умели мы гулять, надо суметь и поправиться.

Дьячок в ответ:

— Мое дело сторона, я ничего не ведаю, что хотите, то и делайте.

— Да ты слушай, что я стану сказывать.

— Сказывайте, батюшка.

— Вот что, дьяче. Ты ступай воровать, а я буду воровать. Коли что украдешь — мне прямо и сказывай, где спрячешь, а я буду отгадывать. Вот мы и поправимся.

— Ну хорошо.

На их счастье в ту же ночь гнали через село гурт быков: дьячок отшиб одну пару и загнал в лес; приходит к попу:

— Ну, батюшка, я пару быков украл.

— Куда ж девал?

— А вот за селом в лесу к сосне привязаны.

— Ладно, свет. Завтра, когда станут быков искать, посылай ко мне воровать.

Утром рано хватился купеческий приказчик быков, ходит по селу, везде ищет — нет нигде.

— Что ты ищешь? — спрашивает его дьячок.

— Да беда приключилась; нынешней ночью пропала из гурта пара лучших быков. Не могу отыскать.

— Эх, почтенный! Да вы ступайте к нашему попу: он сейчас выворожит и вашему горю поможет. Хотя он теперь болен, ну, да коли вы лучше заплатите, так ничего, — авось для вас потрудится. Он старик добрый.

— Да я сотни рублей не пожалею, только бы пропажа нашлась.

Пошел приказчик к попу:

— Здравствуйте, батюшка!

— Здравствуй, свет! Что скажешь?

— Я к вашей милости. Потрудитесь, батюшка, пособите моему горю.

— Какому, свет?

— Пропала у меня пара быков, так поворожите.

— Ах, свет! Я теперича слаб, хвор, не знаю, что и делать-то?

— Сделайте милость! Вот вам, батюшка, за труды сто рублей.

— Ну, так и быть. Становись, свет, перед образом на колени да молись Богу: авось откроет.

Купеческий приказчик встал перед образом на колени и давай лбом поклоны бить, а поп взял старую книгу, книгу читает, а сам воздыхает. Битый час читал, приказчик аж вспотел.

— Ну, свет, — говорит поп, — пропажа твоя нашлася, открыл Господь. Ступай за село, там есть лесок, а в том лесу твои быки к сосне привязаны; только иди скорее, а то мошенники дальше уведут.

Приказчик бегом в лес пустился и как сказал поп — так и вышло: стоят быки к сосне привязаны. Воротился приказчик в деревню, благодарит попу и говорит между слов:

— Батюшка, мне бы хотелось узнать, кто это спроворил, моих быков увел?

— Ну, свет, этого нам не дано знать.

После того призывает поп дьячка:

— Теперь, брат, поправимся. Сто рублей в кармане. На первый раз выкупим ризы да книги; а там посмотрим.

Выкупили ризы и книги. Два дня спустя рассказывает поп дьячку:

— Поди-ка, свет, к нашему барину, сведи

с конюшни любимого его жеребца; тогда совсем поправимся.

Дьячок дождался ночи и забрался на барский двор; на его счастье кучера были пьяные, он вывел жеребца из стойла да в чистое поле, завел в овраг и привязал около пня. Воротился к попу:

— Ну, батюшка, барский жеребец в наших руках.

— Хорошо, свет! Где же ты его спрятал?

— В овраге.

Поутру просыпаются кучера, смотрят в стойло — нет барского любимого жеребца: где искать? Доложили барину: жеребца-де нет.

— Как нету? Где же вы были, чего смотрели? Вот я вас всех передеру, всех в солдаты отдам, коли не сыщете!..

Искали, искали — не нашли, нечего делать, посылает барин за попом, чтобы непременно к нему явился.

Пришел поп:

— Здравствуйте, барин.

— Здравствуй, поп!

— Что вам надобно?

— А вот что, отец, в прошлую ночь у меня воровство случилось: пропал с конюшни жеребец, что ни есть самый лучший; я за него три тысячи заплатил.

— Да, это дело нехорошее.

— То-то и есть. Потрудись, поворожи, а я тебе за хлопоты триста рублей жертвую.

— Надо для вашей милости потрудиться; прикажите мне отвести особую комнату.

Барин приказал отвести ему особую комнату. Поп взял старую книгу, встал у образа и начал читать; битый час читал, а после выходит к барину:

— Господь, — говорит, — открыл вашу пропажу мне, грешному, нашелся жеребец.

— Где, батька?

— А вот в таком-то овраге у пня привязан: скорей поезжай на то место, а то мошенники вечером уведут дальше.

Барин нашел жеребца, воротился домой и отдал попу триста рублей с великою благодарностью:

— Спасибо, отец, за твои труды.

Поп выкупил на те деньги и остальные церковные вещи и начал опять служить в церкви, да еще порядком осталось — было на что погулять с дьячком, не день, не два, а почитай с целый месяц, коли не больше. Как только узнали прихожане, что поп может ворожить, так все к нему и бросились: у кого курица али поросенок пропадет, тот сейчас к попу и тащится.

— Поворожи, батюшка!

— Подите вы, окайнные, с эдакими пустяками лезете; стану я курицею да поросенком Богу надоедать.

Пошла о попе слава по всему околотку. Вот у одного знатного князя пропала как-то из ка-

бинета шкатулка с деньгами, а денег-то было тысяч сто; свои люди утащили. Князь приказал заложить карету и ехать за попом, чтоб непременно к вечеру его представить. Приехали за попом.

— Собирайся — говорят — к князю, у него деньги пропали, ворожить надо.

Поп думает: «Что ж это дьячок мне ничего про то не сказывал?»

Призывает к себе дьячка:

— Что же, свет, молчишь? Куда деньги спрятал?

— Какие деньги? Я ничего не знаю.

— Как не знаешь? Ведь у князя деньги пропали, требует меня ворожить.

— Да я в его вотчине сроду не бывал.

— Боже мой, что делать-то? Что я князю-то скажу; ведь он меня кнутом засечет.

— Что хотите, то и делайте. Мое дело сторона.

Поп — нечего делать, взял свою старую книгу, сел в карету и поехал на княжеский двор.

— Здравствуй, батька!

— Здравствуйте, ваше сиятельство!

— Ну слушай; я ведаю, что ты большой мастер ворожить; поворожи-ка мне, у меня пропала из кабинета шкатулка с деньгами, тысяч сто будет. Ежели воротишь — половину тебе дарю.

— Рад потрудиться для вашей милости; только не знаю, как Господь откроет.

— Да неужели ж я грешнее того барина, у которого жеребец пропадал? Ты — я вижу, батька, постараться не хочешь.

— Никак нет, ваше сиятельство! Прикажете отвести комнату, стану трудиться. Авось Господь милостив — и откроет.

Отвели попу особую комнату; зажег он свечу перед образом, положил свою книгу на стол, читает, а сам думает: «Какой ответ дам я князю? Лучше дождусь глухой полночи и, как только пропоют третьи петухи, убегу куда глаза глядят и домой не явлюся». Стоит у стола и книгу читать перестал, дожидается, когда улягутся все спать да петухи пропоют. А шкатулку-то князеву украли три его камердинера; сошлись они меж собой и говорят:

— Что, братцы, как этот ворожейка-поп да нас узнает, ведь все в Сибирь пойдем. Он, проклятый, теперь книгу читает. Чего доброго, пожалуй, и вычитает. Давайте подслушивать у дверей: коли вычитает — так станем его просить, чтоб на нас князю не доказывал.

Пошел один и встал у дверей подслушивать. Вдруг петухи запели, а поп перекрестился и говорит:

— Слава тебе, Господи, один уже есть; остается двух ждать.

Лакей прибежал к своим товарищам:

— Ах, братцы! Одного вычитал; только я

к двери, а он и кричит: слава тебе, Господи, один есть.

Пошел другой подслушивать; запели вторые петухи. А поп крестится:

— Слава Богу, и два есть.

— Эх, братцы, и меня вычитал; только я к двери — сейчас узнал.

Третий говорит:

— Ну, коли и меня помянет, то пойдем к нему прямо, бросимся в ноги и станем просить, чтобы не выдавал барину.

Пошел подслушивать третий; а петухи опять запели. Поп перекрестился:

— Слава тебе Господи, все три есть!

Схватил книгу под мышку да в дверь бежать, а лакеи ему навстречу — бросились в ноги:

— Батюшка, голубчик, не погуби, прости, не сказывай князю, что мы деньги-то унесли.

— Знаю, светы, что унесли; да где спрятали?

— В саду, батюшка, в озеро по канату спущены!

— Знаю, что в озеро, да в каком месте?

— У такого-то дуба.

— Ну ладно, ложитесь спать, не бойтесь — не выдам.

Утром призывает князь попа:

— Что, батька, твои дела?

— Слава Богу! Господь открыл вашу пропажу.

- Где ж шкатулка?
- Да в саду — в озеро по канату опущена.
- Кто же затащил ее туда?
- Известно кто — нечистый!

Сейчас вытащили шкатулку, принесли в горницу. Князь отомкнул ее, высыпал на стол золото и разделил на две части:

— Ну, поп, бери свою кучу!

Поп стал загребать деньги, а у самого на уме — кабы поскорей удрать домой. Князь не пускает:

— Пообедай, батька, у меня; а после обеда велью тебя домой отвезти.

А самому князю жалко стало денег. Вот он изловил молодого жаворонка, принес в горницу и посадил под блюдо, и говорит попу:

— Ну-ка, ворожея, отгадай, что под этим блюдом? Коли отгадаешь, твоя будет и другая куча золота, а не отгадаешь — и прежнюю назад возьму.

Поп вздохнул и проговорил про себя:

— Вот когда попался. Жаворонок.

Князь плюнул:

— Ну, батька, твоя взяла. Забирай и остальные деньги.

Поп взял и другую кучу. Приехал домой и говорит дьячку:

— Вот когда поправились — так поправились; в целую жизнь не пропьешь. Одначе полно ворожить, а то еще в беду попадешь. Давай-ка этой ночью сожжем книгу.

Как скоро стемнело, поп выбрал из дому все деньги и зажег свою избу. Набежали на пожар люди. Поп орет:

— Православные, помогите; книгу-то, книгу-то вытащите.

Нет, не вытащили. Поп выстроил себе новый каменный дом и зажил с дьячком богато, в свое удовольствие, а ворожить перестал:

— Не могу, — говорит, — книга сгорела.

1. ПОП, ПОПАДЬЯ, ДЬЯКОН И РАБОТНИК

Жили-были поп да попадья, дьякон да дьяконица. Только случилось так, что попадья-то полюбила дьякона, а не попа. У попа был казак, такой парень работающий! А он и узнай, что попадья-то любит не попа, а дьякона; только и думает, как бы эдак отучить дьякона от попадья, а попадью от дьякона. Вот и ладно! Вот, раз поехали они с попом на поля. Попадья и блинов, и пирогов напекла, а сама отпустила своего попа с коркой хлеба. Казак смекнул, что она настряпала для дьякона.

— Постой-ка, — говорит, — я те покажу, где раки зимуют!

Лишь только поп с казаком уехали, а дьякон шмыг к попадье и ну угощаться. Дело приходит к вечеру. Поп, поработавши, стал ложиться спать, а казак:

— Отпусти-ка, — просит, — батя, меня на деревню к девкам, а на заре опять приду к тебе на поле работать.

— Что делать, — отвечает поп, — ступай погуляй, да смотри, приходи пораньше.

— А то, — говорит казак и ушел. Только не к девкам, а к попадье — посмотреть, что она делает.

Пришел да под окном и слушает. А дьякон сидит у попадья да и говорит:

— Ну что, если поп или казак придет теперича, куда мне будет деваться?

— Я тебя, — отвечает попадья, — спрячу так, что никто из них не найдет; вот смотри: только лишь стукнет к нам в окно кто-нибудь, ты скорей под печку.

Только лишь она это молвила, казак стук в окно.

— Кто тама?

— Я, — говорит казак.

— Зачем ты?

— Черт бы вас драл с попом-то: день работай, да и ночью покою нет! Открой-ка.

— А что надо?

— Вишь, поп велел заостренные колья под печку покидать, чтобы они там высохли.

— Ладно, — говорит попадья, — ступай отдыхай; я сама покидаю.

— Да черт знает, кого из вас слушать! Мне батяка велел, так я сам перекидаю. Постой-ка. Что это там, под печкой, мешает?

— Эта камни, — говорит попадья.

— Ну и ладно! Прощай покамест; я опять пойду к попу на поле.

Еще до зари далеко, а уж казак будит попа:

— Вставай, — говорит, — батюшка, пора на работу!

Поп вскочил и ну работать. Весь день бедный работал — не ленился. Приходит ночь. А казак снова просит:

— Отпусти-ка, батя, меня опять к девкам на беседки; мне нешто полюбилось!

— Ступай, — говорит поп, — да смотри, приходи завтра.

— А то!

Пошел, да вместо посиделок к попадье. Подошел под окно да и слушает. А дьякон-то там так все и гостил.

— Ну что, — говорит, — если опять тот озорник придет, куда мне деваться-то?

— Вот уж теперича знаю, — молвит попадья, — я тебя спрячу туда, где он уж никогда не найдет. Смотри, как только он стукнет в окно, ты вот в этот мешок, что с рожью-то, и садись, а я тебя завяжу.

— Ладно, — отвечает дьякон, — так и сделаю.

Только лишь успела это вымолвить, а казак уж стучится в окно. Наш дьякон как прыснет, развязал мешок и сел в него, а попадья завязала да и кричит:

— Кто там?

— Я, — отвечает казак.

— Зачем ты?

— Вишь, поп-то покою мне не дает: день работай, ночью на мельницу рожь вези!

— Экой какой! Да так и быть, — отвечает попадья, — отдохни ночь-то, а на мельницу съездишь и завтра, а не то и послезавтра; а то что теперь за езда! Ступай, ступай, отдохни.

— Да ведь черт знает, кого из вас слушать! Мне что велено, то я и делаю.

Взял мешок, поднял на плечо.

— Ох, — кричит, — что-то дюже грузна рожь-то.

Да как с плеча-то мешок фуркнет! Дьякон только там вздыхает. А казак опять да и опять: поднимет да кинет, поднимет да кинет.

— Ну, — говорит, — измучился... Черт с ним, пусть поп что хочет, то и делает, а теперича ни за что не поеду на мельницу; и без того устал. Прощай, матушка.

Поутру ранешенько, а уж казак опять на работе. Попу ничего не рассказывает о вчерашнем, работает себе. Опять вечер на дворе. Наш казак по-прежнему просится у попа погулять.

— Ступай, братец, да смотри приходи пораньше!

— А то!

Пошел опять туда же, встал под окном да и слушает. А дьякон весь избитый, обвязавшись, сидит в переднем углу да охает:

— Ох, — стонет, — как меня ваш казак изувечил. Беда, как опять явится!

— Вот уж теперича, — говорит попадья, — обману — так обману.

— А как?

— Только лишь он стукнет в окно, ты, — говорит, — поскорее беги в хлев, разденься да распусти волосы, да и ходи на карачках.

Лишь успела она это вымолвить, как тут казак и стучится; а дьякон уж давно спрятался.

— Что скажешь?

— Черт вас дери с попом-то! Измучился я, а он еще велел напоить телят.

— Ладно, — говорит попадья, — я сама напою.

— Чегой-то! Я сам пойду; где плеть-то? Все ли телята дома?

— Все.

— Ну так ладно.

Вошел в хлев, поставил пойло и зовет:

— Типпрось, типпрось, типпрось!

Телята все подошли, только один стоит в углу, прижавшись.

— Типпруся, Бог с тобой, типпруся! — нейдет.

Казак его плетью — нейдет. Дьякон видит — дело неладно, встал на ноги.

— А, отец дьякон! Это ты? Как так?

— Молчи, брат, — просит дьякон, — не говори попу; вот тебе сто рублей.

— Ладно, ладно, отец дьякон, — ухмыляется казак, — так и быть, никому не скажу. Только смотри, к попадье больше не ходи!

Пришел в избу с дьяконом; а попадья ему:

— Батюшка, вот тебе двести рублей, не говори никому.

— Так и быть, хозяйюшка, никому не скажу; только смотри, с дьяконом не любишь!

Наш работник прожил лето у попа, взял еще с него денежек за работу и стал жить да поживать да их поминать.

2. ПОП, ПОПАДЬЯ, ДЬЯКОН И РАБОТНИК

Жил себе поп. Нанимается к нему в батраки дурак.

— Что же с меня, — говорит поп, — возьмишь?

Батрак отвечает:

— День работать, а ночь на улицу гулять.

Поп тому и рад. Вот он день работал с попом в поле; ночь приходит — батрак на улицу пошел. Вернулся домой, стучит в воротах; встречает его попадья.

— Что ты, батрак, зачем? — говорит.

— Да вот день паши, а ночью опять работай на вас, — говорит батрак, — поп велел под печь колья класть — сушить.

Приносит батрак колья и начал под печку

пхать; а под печкой-то сидит любовник попадья — дьякон; все ему бока исколол. Дьякон жался, жался, невмочь стало — лезет из-под печки.

— Батрак, молчи, пожалуйста, не рассказывай, что был у попадья.

Батрак смолчал; приходит он опять к попу в поле работать.

— Ну что, батрак, хороша ли улица была?

— Эх, батюшка, славная!

Настает вечер, поп опять отпускает его на улицу. Приходит батрак домой, слушает под окном, что попадья разговаривает с дьяконом.

— Ну, как дурак опять придет? Куда тебе спрятаться?

— Да куда! В закуту к овцам.

Вот батрак стучится:

— Отворить ворота!

— Что ты? — спрашивает попадья.

— То-та, у вас день-то паши, а ночью иди скотину пой!

— Сама поила.

— Да не знаю: не то поила, не то нет; батяка велел напоить.

Батрак выгнал скотину, а дьякон с овцами на четвереньках ползет; боится, чтоб как его не признал. Скотина пьет, а дьякон уперся — не идет в реку. Вот батрак его раз десять дубиной огрел.

— Что ж ты, скотина, нейдешь?

Дьякон жался жался, да домой бежать. Батрак вернулся в избу и давай сажу обметать.

— На что это, батрак? — спрашивает попадьа.

— Я не знаю; так попу захотелось.

Намел кошву большую сажу, поставил на полаты, а сам пошел к попу в поле пахать.

Вот опять настал вечер — батрак на улицу идет. Слушает опять под окном: дьякон тут али нет? Дьякон спрашивает:

— Куды-то мне спрятаться будет?

— Лезь в кошву с сажею — на полатах стоит; авось дурак не догадается.

Батрак застучал в ворота. Попадья спрашивает:

— Кто это?

— Это я, матушка!

— Зачем ты, батрак?

— Вот тогда увидишь зачем.

Схватил веретье, идет в избу, накрыл кошелку с сажею, где дьякон сидел, увязал-упутал, вынес на телегу и повез со двора.

— Куда ты? погоди, не езд, поужинай.

— Некогда.

Вот едет он мимо одной мельницы, а на встречу ему помещик.

— Что ты, мужик, везешь?

— Черта везу.

— Покажи, пожалуйста, чтой-то за черт?

Я сроду не видал!

Отвечает батрак:

— Нет, он уйдет; показать нельзя.

— Что же он тебе стоит?

— Сто рублей.

— Покажи.

— Да ведь уйдет!

— Я тебе плачу сто рублей за это.

Батрак развязал и говорит дьякону:

— Смотри же, беги прямо в речку.

Как выскочит дьякон, как бросится — бултых в воду! Барин ужаснулся:

— Эх, жаль, — говорит, — ведь взаправду ушел.

Отдает барин батраку деньги, а он, получивши сто рублей, поехал к попу в поле.

— Что ж, батрак, хороша ли улица была?

— Еще какая знатная!..

Целой день они работали; настает ночь, батрак опять на улицу просится. Приходит, слушает под окном, дьякон опять говорит попадье:

— Экая шельма! Как он меня осрамил. Ну, — говорит, — завтра я сам в поле поеду — пахать стану.

— А я тебе, — отвечает попадьа, — наварю каши, нажарю поросятинки, лепешек наделаю, полуштоф вина припасу да все и принесу. Да как тебя найти?

— Я буду по дороге стружки стругать; по тем стружкам прямо ко мне придешь. А лошадь у меня, сама знаешь, пегая — не то что у попа, вороная.

Вот поутру встает попадьа и принимается

обед готовить, а батрак уже давно к попу воротился. Стали пахать. Пахали, пахали.

— Что, батрак, — говорит поп, — а не пора ли обедать?

— Нет, ище рано. Погоди маленько, нам попадья принесет славной обед.

— Эх, батрак, она сродясь не нашивала.

— Небось, батюшка, принесет.

Тут батрак взял — скинул с себя белые портки и навязал на свою лошадь, а стружки уж он давно перетаскал к себе на дорогу. Вот попадья несет обед по стружкам.

— Батька! Смотри-ка, вон попадья идет, обед несет.

— И то никак она.

Попадья увидала, что не туда попала, хотела было назад воротиться, а батрак во все горло кричит:

— Сюда, сюда неси, матушка.

Нечего делать, пошла прямо; поп обрадовался, бежит к ней, гриву растрепав:

— Ай да мать! Право слово умница.

А батрак стоит без портков.

— Прости, — говорит, — матушка, что без портков пахал, вишь какая жара.

Вот сели они обедать; попадья глядь-глядь по сторонам:

— Это кто там пашет?

— Отец дьякон, — говорит поп.

— Позови, поп, дьякона, а то скажет: вишь, не позвал.

— Батрак, поди позови.

Батрак пришел к дьякону и говорит:

— Ну, отец дьякон, поп узнал, что ты с его попадьею живешь, хочет топором тебя срубить. Нарочно затем и зовет тебя.

Дьякон не пошел. Батрак приходит и говорит попу:

— Нейдет — не хочет.

Попадья говорит:

— Эй, поп, поди сам, позови.

Поп пошел. Батрак и кричит ему:

— Захвати, батюшка, топор, у него собаки злы.

Поп захватил топор. Вот дьякон увидел, что поп идет с топором, да скорее бежать с пашни; поп за ним.

— Что ты, дьякон, стой, стой!

Нет, тот все улепетывает.

Попадья за ними вслед. Батрак подобрал все съестное — да вышел на большую дорогу, сел, поедает да водочку попивает. Наезжает на него помещик с борзыми и гончими собаками.

— Не видал ли ты, мужик, каких зверей тут?

— Э, да вон тут побежал в яругу волк, за волком медведь, за медведем лисица.

Помещик кинулся в яругу, распустил всех гончих и видит: поп бежит за дьяконом, попадья за попом... Плюнул и поехал куда ему надобно.

В одном селе жил был поп — толоконный лоб по имени Ерема; у него был малый сыночек Петрушка, такой прихотливый да балованный: уж если чего захочет, так в ту же минуту давай; не то заревет так, что святых выноси. Да все, что под руку попадется, начнет бить-кромсать, на куски ломать. Хоть детками мал, а ноготок востер: не раз случалось попу с попадьею глаза подбивал. А батракам просто житья не было: ни один еще не оставался больше дня у попа — толоконного лба. Вот поп Ерема пустился на выдумку, вздумал наперед уговор делать с каждым наемщиком. Однава сидел поп под окном и смотрел, пригорюнясь, в огород: надо бы гряды полоть, да некому. На ту пору идет по улице мужик с лопатою и кричит:

— Кому поработать? Кому поработать?

Поп тотчас схватился, накинул свой подрысник, выбежал за ворота, кликнул мужика и говорит:

— Ступай ко мне в батраки; за деньгами спору не будет. Только, мужичок, я с тем уговором нанимаю: если ты на меня рассердишься, то я вырежу из твоей спины ремень пальца в два ширины... а если я рассержусь на тебя — тогда ты вырезывай из моей спины.

Мужик согласился и пошел к попу в батраки.

— За что, — думает, — стану я на попа сердиться?

Принялся за работу и проработал до самого обеда. Приходит в избу и только было сел за стол, Петрушка заревел во все горло:

— Я гулять хочу!

— Батрак, — говорит поп, — веди сынка погулять.

Батрак взял попovichа за руку и повел на улицу. Часа два протаскался с ним без толку; воротился в избу, а уж поп с попадьею давно пообедали и спать завалились. Остался батрак с голодным брюхом. На другой день опять то же, а на третий батрак не выдержал.

— Нет, батька, черт с тобой и с твоим потрохом, а я больше не хочу у тебя ни жить, ни работать!

— Что ж ты сердишься? — сказал поп. Вырезал у него по уговору ремень из спины и отпустил, не заплатив ни копейки.

У того мужика был меньшей брат Иван; по всей деревне дураком слыл. Видит дурак, что брат его на печь залез да все охает, и спрашивает:

— Что ты, аль спина болит?

— Поживи-ка у попа, так сам узнаешь.

Иван взял лопату и отправился в путь. Пришел в то же село и нанялся к попу — толоконному лбу Ереме. Поп и ему говорит:

— Слушай, Иван, у меня за деньгами остановки не будет; только соблюдешь ли уго-

вор: если кто из нас двоих рассердится, у того из спины ремень вырезать.

— Ладно, батько, — отвечал Иван, — только ты не сердись, а мне не за что!

Взялся батрак за работу, целое утро за двоих работал, пришло время обедать, только сели за стол, Петрушка и ну кричать:

— Гулять хочу!

— Батрак, — говорит поп, — поведи моего сына прогуляться да присмотри, пожалуйста, чтоб не убился где.

— Хорошо, батько.

Повел батрак Петрушку и прозевал обед.

— Плохо, — думает, — надо за ум браться.

На другой день опять только за обед, а Петрушка гулять хочет, Иван схватил со стола кулебяку и повел поповича. Пока тот играл, батрак кулебяку убирал. Воротился в избу, а поп с выговором: не годится-де так делать, зачем кулебяку унес?

А батрак в ответ:

— Никак ты, батько, осердился? Подставляй-ко спину, я ремень вырежу.

— И что ты? Я вовсе не сержусь, так только, пошутил с тобой...

— То-то же, смотри, — говорит Иван.

На третий день Петрушка опять за свое:

— Гулять хочу.

Батрак ухватил целую ногу жареной баранины и пошел с ним на улицу. Пока Петрушка гулял да играл, батрак баранину уплетал.

ругал бы батрака, так тот сейчас ему в ответ:

— Никак ты осерчал, батько? Подставляй-ко спину!

Вот как-то был на селе праздник; попадья напекла и нажарила всего вдоволь. Сели было обедать; батрак думает:

— Вот когда нажрусь, упьюся!

По губам уж слюнки текут. Не тут-то было, vedi Петрушку гулять. Иван повел его в огород, да с досады посадил его на кол, а сам в избу воротился и уселся за стол.

— А Петрушка где? — спрашивает попадья.

— Да с ребятишками играть остался.

На дворе давно стемнело, а Петрушка все не ворочается. Пошла попадья искать, смотрит, а он на колу торчит: совсем таки окоченел. Поп с попадьею обмыли его, поплакали и похоронили, а выговаривать батраку боясь: пожалуй, еще до спины доберется.

Стали они думать, как бы от него избавиться, целых три дня думали. На четвертый день зовет поп Ивана и приказывает:

— Сослужи мне великую службу, съезди на Чертово озеро да спроси у нечистых: почему давно оброка не платят? Чтобы сейчас весь заплатили.

— Изволь — отвечает Иван — для чего не сделать такой безделицы?

Запряг лошадь в телегу и поехал на Чертово озеро. Поп возрадовался:

— Ну, попадья, авось его черти возьмут! Батрак ехал лесом, надрал лык полную телегу и приехал на озеро, сел на берег и принялся веревку вить. Был день — и прошел, а Иван все веревку вьет. Вдруг выпрыгнул из воды чертенок.

— Батрак что ты делаешь?

— Сам, чай, видишь: веревку вью.

— А зачем тебе веревка?

— Как зачем? Хочу озеро морщить да вас, чертей, корчить.

— Что ты, батрак? За какую вину?

— А за такую, зачем попу Ереме оброку не платите?

— Подожди немножко, не морщи озера, я пойду своему дедушке скажу, — сказал чертенок и пырь в воду.

Иван тем временем вырыл глубокую яму, накрыл ее шапкою, а в шапке-то загодя дыру прорезал. Чертенок выскочил и говорит батраку:

— Дедушка спрашивает, много ли оброку надо?

— Вот эту шапку полную серебра насыпать.

Чертенок бултых в воду, передал ответ дедушке; жаль стало старому черту с деньгами расставаться; велел наперед внуку померяться с батраком силами: стоит ли отдавать ему деньги? Чертенок ухватил дедушкину палицу и говорит Ивану:

— Ну, батрак, кто из нас выше бросит?

— Бросай ты прежде.

Чертенок бросил палицу так высоко, что за щепочку показалась, а назад упала — земля ходенем пошла. Теперь очередь стала за батраком; взял он палицу за один конец и видит, что не только бросить вверх, да и поднять не может. Пустился на хитрости: взвел глаза на небо и начал пристально присматриваться.

— Что же ты попусту глазеешь?

— А вот поджидаю, когда пойдет облачко; хочу на него забросить твою палицу.

— Что ты! — закричал чертенок. — Не бросай, а то дедушка приберит меня.

— Ишь, чертово племя, жалко небось. Ну, завяжи свои зенки-то, не то лопнут, как я палицу брошу!

Чертенок завязал глаза, а Иван понатужился, приподнял палицу, да его по лбу; едва он опомнился. Нечего делать, стал мешки с серебром таскать да шапку насыпать; долго таскал, насилу с батраком расплатился. Тогда Иван склал все серебро на телегу и повез попу Ереме.

— Бери, батько! Взыскал с чертей весь оброк дочиста.

Поп и деньгам не рад:

— Коли с чертом сладил, до нас с попадьею еще скорей доберется; надо бежать.

И уговорились поп с попадьею уйти от батрака...

Жил-был бедный мужик, с женой и детьми; в одну ночь приснился ему такой сон: будто под печкою в ихней избе лежит большой медведь. Поутру стал рассказывать свой сон жене; она говорит:

— Ах, хозяин, ведь и мне такой же сон был.

Дети говорят:

— Ах, батюшка, ведь и мы то же самое во сне видели.

Задумался мужик: «Недаром всем одно приснилось — сон вещий, да что он пророчит: к беде али к счастью?» Думал, думал и решил ехать к колдуну Асону, который один на все царство сны судит.

Едет он деревнею, а навстречу ему мальчик:

— Дяденька, покатай меня.

— Проваливай! Не до тебя!

— Дяденька, покатай, я тебе доброе слово скажу. Ведь я знаю, куда ты едешь. Ты едешь к Асону посудить сону.

Мужик удивился:

— Вишь, — говорит, — какой хитрый родился. Садись на телегу!

Посадил мальчика на телегу, прокатил его по деревне, выехал за околицу и спустил на землю.

— Спасибо, дядюшка! — говорит мальчик. — Смотри же: будет у тебя Асон торго-

вать твой сон, не продавай ему дешево: беристоты тысяч. А спросит, кто тебя научил — ты молчи, на меня не показывай.

Вот приехал мужик к Асону:

— Так и этак, — говорит, — приснилось мне ночью, будто под печкою лежит большущий медведь, рассуди, что этот сон значит?

Колдун бросился смотреть по своим книжкам, посмотрел и затрясся от радости:

— Послушай, мужичок, продай мне этот сон!

* Пожалуй, отчего не продать?

— Что тебе дать за него?

— Давай сто тысяч.

— Ах ты сукин сын, — закричал на мужика Асон и ногами затопал, — что мне в твоём сне — много ли корысти? Хочу пособить тебе при бедности; а он, дуралей, вишь какую цену заломил!

— Как знаешь, а меньше ни единой копейки не возьму.

Спорили-спорили, ругались-ругались; нечего делать, видит колдун, что мужика не переспоришь, да и цена-то средняя: хоть и сто тысяч заплатить, все другое сто в барышах останется. Насыпал мужику два больших воза деньгами; а наутро приехал к нему на деревню с четырьмя возами. Разломал печь, а там серебра да золота видимо-невидимо. Еле-еле на четырех подводах уложил. Стал в путь собираться и говорит хозяевам:

— Послушай, мужичок, скажи, кто тебя научил запросить за твой сон так дорого? Ведь сам ты ни за что б не догадался?

— Нет, брат, этого не скажу.

— Скажи, вот тебе пять тысяч на прибавку.

Мужик тотчас польстился на деньги и выдал мальчика. После попрощались; колдун домой поехал, а мужик разбогател и зажил себе припеваючи — по-купчески.

На другой день Асон нарядился словно барин, запряг заводских лошадей, сел в коляску и катит прямо на двор к родителям того мальчика, что мужика научил. Приезжает и говорит:

— Нельзя ли отдохнуть маленько?

— Отчего нельзя, отдыхай.

Вошел в избу, пошли те, другие разговоры.

— Это чей мальчик спит?

— Мой сын, — говорит старик.

— Послушай, старик, мне твой сынок понравился. Вижу я — ты живешь при бедности, а у меня и золота, и всякого имения, чего только душа просит — всего вдоволь. Только детей Бог не дал. Отдай мне мальчика, я ему вместо отца буду, в люди выведу, и тебя со старухой награжу деньгами и хлебом.

Старик со старухой помялись, помялись и согласились, продали сына за десять тысяч. Асон взял его сонного, положил в повозку и

повез к себе. Приехал домой; мальчик проснулся, смотрит, где это он очутился?

— Что глаза-то вылупил? Чай, знаешь, зачем привез тебя...

— Как не знать, — отвечает мальчик, — затем, чтобы с молодой женой твоей спать.

— Вот, брат, не угадал! — сказал колдун, зло улыбнулся и крикнул: — Позвать ко мне повара!

Повар пришел; он и говорит ему на ухо:

— Возьми этого мальчишку, зарежь, вынь из него сердце, изжарь и принеси ко мне.

Повар привел мальчика на кухню, достал широкий нож и принялся точить на камне.

— Эх, дядя, — говорит мальчик, — ведь я знаю, для чего ты нож точишь.

— А для чего?

— Да хочешь меня зарезать.

— Правда твоя!

— Послушай, дядя, пожалей меня — отпусти на волю: тебя Бог наградит.

— Я б отпустил тебя, да ведь хозяин у меня хитер; сейчас узнает.

— Не бойся, не узнает. Есть у вас на дворе супоросая свинья, поди-ка, спроси у хозяина, сколько она поросят принесет? Он и этого не разгадает.

Повар пошел к Асону, спросил про свинью, воротился и говорит:

— Хозяин рассказывает, что двенадцать поросят будет.

— Вот и не узнал: ваша свинья уже опоросилась — принесла тринадцать.

Повар побежал, справился: как раз тринадцать.

— Правда твоя, — говорит мальчику.

— Ну так отпусти ж меня на вольный свет, а тринадцатого поросенка зарежь, вынь из него сердце, зажарь и снеси хозяину.

Повар так и сделал. Понес поросенчье сердце, только переступил порог — и уронил блюдо. Кобель подхватил и съел сердце.

— Ну, пес его бери! — сказал колдун.

А мальчик вышел на большую дорогу и, долго ли, коротко ли, пришел в столичный город. Остановился у гостинных рядов да на знатные заморские товары любуется. Увидал его купец и взял к себе за приказчика. С того самого времени пошла у купца торговля широкая, покупатели так и валят в лавку, просто отбою нет. Успевай только деньги брать. Время идет, мальчик растет да растет, вырос и сделался таким молодцем да красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать. В один день поехала молодая Асонова жена в гостинные ряды за покупками; зашла в самую богатую лавку, увидела этого приказчика и сразу влюбилась в него. Набрала целый ворох всяких товаров и говорит:

— Послушай, добрый молодец. Со мной денег не случилось; потрудись сегодня вечером ко мне в дом побывать, я там-то живу.

— Извольте, сударыня.

Вечером приехал к ней за деньгами; она тотчас ухватила его за белые руки, повела в свою спальню, стала целовать-миловать, нежно к сердцу прижимать; уложила его на мягкую постель вместе с собой:

— Ну, — говорит, — придвинься ко мне плотней, будет нам теплей!

Тут они и слюбились, и стали часто друг к другу наезжать, вместе ночи коротать.

Прошло с год времени, приснился царю этой земли такой сон: будто стоит в его палатах драгоценная золотая чарка, а в той чарке один край выломился. Встал царь поутру и думает: что бы этот сон значил? Сейчас посылает он за колдуном Асоном.

— Ну-ка, Асон, рассуди мой сон!

Колдун бросился смотреть по своим книгам, искал-искал — нет, не может разгадать царского сна. Царь рассердился и назначил ему три дня срока:

— Не разгадаешь — прикажу тебя казнить.

Три дня прошло, повели Асона на площадь и повесили на виселице. После того разослал царь указы по всей земле:

— Коли кто разгадает этот сон, тому пожалую половину своего царства.

Услыхал про то молодой приказчик, явился к царю поздним вечером и говорит:

— Ваше величество! Я могу ваш сон разгадать.

— Ну разгадай. Скажешь правду — половину царства пожалуйу, а соврешь — то мой меч, твоя голова с плеч.

— Есть, — говорит, — у вашего величества три дочери; скажите, которую царевну вы больше любите, больше жалуете?

— Все три, — отвечает царь, — мне дороги, а больше всех люблю и жалую меньшую царевну: нет ее на свете дороже.

— Ну, так пойдемте к ней в спальню — там будет разгадка.

Пришли к царской спальне, смотрят, дверь заперта. Царь постучался:

— Отопри-ка, дочка.

— Ах, батюшка! Я уж спать легла.

— Ничего, отопри.

— Да я не одета.

— Отопри, не то велю дверь выломать!

Царевна отперлася: входит царь с приказчиком в спальню. Приказчик тотчас подбежал к мамке. Оказывается, мамка — мужчина. Царь отдал этому приказчику половину своего царства, царевну наказал, мамку казнил, а о том, что было, велел втайне хранить, лишнего никому не говорить. Приказчик сделался сам царем, женился на Асоновой вдове, разбогател и стал жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

Вышел солдат в отпуск, нанялся служить к скупому барину, в год — за сто рублей; помещик велел ему и лошадей чистить, и навоз возить, и воду таскать, и дрова рубить, и сад мести, словом сказать — не дает ему отдыхи ни на минуту, совсем измучил работой. Отслужил солдат год и просит расчета. Помещику жалко отдавать деньги, стал доставать, а сам ревмя ревет:

— О чем вы, сударь, плачете?

— Да денег жалко!

— Экой ты барин! Ведь я тебе целый год прослужил; если бы ты мне прослужил три дня, так я б тебе отдал сто рублей и слова не сказал.

— Три дня — немного, — думает барин.

Пошел советоваться с барыней. Она говорит:

— Что ж, отслужи три дня! — а сама думает: «Ведь не мне служить, а мужу; ему, не мне, плохо будет».

Барин согласился. Солдат поужинал, лег спать в сарае, разулся, один сапог забросил в один угол, другой — в другой угол. Поутру проснулся, кричит:

— Эй!

Помещик входит.

— Подавай сапоги; я хочу одеваться!

Помещик хват — сапогов нет, и запорол горячку. Спрашивает солдата:

— Где твои сапоги?

— Ах ты, сукин сын, каналья, ты у барина спрашиваешь о сапогах? Верно и не числил их! — да хватъ его по уху, да по другому. Барин туда-сюда, насилу один сапог отыскал, а другого нет.

— Подайте палок! — закричал солдат и давай дуть помещика, до того промял, что он не рад и деньгам.

— Не хочу, — говорит, — тебе служить, возьми свои деньги, черт с тобой.

СОЛДАТ И ЧАСЫ

Был на свете царь, у него была любимая дочь Анна-царевна, на возрасте, красоты неописанной, и сидела она в белокаменных палатах, в высоких теремах за двенадцатью дверями; и у каждой дверей стояла на карауле стража великая, никого, кроме царя да придворных нянюшек-матушек, к ней не пускала. Не токмо человек, муха туды не пролетит.

Случилось в некое время стоять во дворце на часах одному бравому солдату, стоит он и вслух сам с собой разговаривает:

— Если б у меня было столько денег, сколько у нашего царя, я бы и сам не глупей его был.

Услыхал эти речи царь, осерчал и говорит:

— Слушай ты, умная голова, коли ты не хвастаешь, то вот тебе сроку три месяца, бери себе денег сколько надобно, гуляй сколько хочешь, только ухитрись — сотвори грех с моей дочерью. Если это не сделаешь, велю тебя за твою похвальбу словно пса повесить!

Вот солдат месяц гуляет, и другой гуляет; а как сотворить грех с царевною — не ведает, даже к теремам ее подойти боится. Уж и третий месяц на исходе, пошел он в кабак, спросил штоф водки, пьет, а сам слезно плачет:

— Пропадай, — говорит, — моя жизнь молодечья!

Подошел к нему горький пьяница, ярыга кабацкая:

— О чем, брат, плачешь?

— Эх, лучше не спрашивай. Пропадаю за свою похвальбу!

— Поднеси мне стакан, я твое горе рассужу.

Солдат поднес ему стакан водки и рассказал, как было дело.

— Это еще не беда, — говорит горький пьяница, — есть у тебя деньги?

— Еще бы не быть: мне царская казна не заказана, сколько хошь — бери.

— Ну, пойдем на взморье; там приехали чужестранные купцы, привезли с собой штуки разные, затейливые.

Побежали на взморье; зашли на купеческий корабль. Стали разные товары высмат-

ривать и выбрали славные стенные часы, в большой футляр вделаны; с музыкой, с барабанами и всякими немецкими хитростями. Тотчас солдат сторговался, заплатил за те часы чистым золотом; сам в футляр залез и приказывает:

— Ну, купцы-торговцы, отнесите часы во дворец да бейте царю челом, чтоб на двор принял.

Купцы принесли часы во дворец и били челом государю; царь принял подарок, как увидел он, что часы-то с музыкой и с барабанами, тотчас велел иноземным гостям торговать безданно-беспошлинно, а часы поставить в спальню к царевне, пускай де тешится.

Ну, солдату того и надобно. Царевна сильно возрадовалась, заставила часы играть, а сама в танцы пустилась; весь день проплясала. Приходит ночь. Легла она усталая и крепко-крепко уснула. Солдат приходит ночью к царевне, называет себя ангелом с небес и получает от нее перстень. Солдат взял перстень, спрятался опять в футляр и нарочно испортил музыку. Наутро стала царевна заводить часы — нет, не играют, испорчены. Как тут быть? Сейчас послала за иноземными купцами, приказали взять часы и исправить музыку. Купцы увезли часы в починку, отворили футляр и выпустили солдата. А уж срок совсем вышел; царские слуги бегают да ищут того солдата, увидели и повели:

— Пойдем, — говорят, — Варвара на расправу!

Вот привели его к царю.

— Здравия желаю, ваше величество.

— Здорово, умная голова! Ну, что, сделал свое дело?

— Сделал, ваше величество!

— Врешь ты, каналья?

— Извольте сами спросить у царевны: прилетал ли к ней ангел и что она пожаловала ему на память?

— Позвать царевну! — закричал царь.

Позвали.

— Говори, дочка, кто у тебя был сегодняшнюю ночь?

Царевна говорит, что прилетел ангел с небес, и она ему именной перстень пожаловала. Солдат вынул царевнин перстень и подал государю.

— Ну, хитер же ты, служивый, — сказал царь, — ступай домой с Богом, денег сколько знаешь возьми, только помни, никому не хвались, что с моей дочерью сделал, не то прикажу казнить.

С той поры стал солдат при деньгах. Живет себе да служит, ни о чем не тужит.

СОЛДАТ-СКРИПАЧ И ЧЕРТ

Солдат идет в отпуск, садится около ручья на отдых и играет на скрипке. Приходит черт, зовет его к себе в гости. Солдат проводит три года, как три дня, и боится вернуться в полк. Черт делает его попом. Поп служит в праздник обедню. Черт приходит и заставляет его играть на скрипке. Поп играет. Его берут и сажают в острог. Черт его освобождает из темницы.

— Что ты обробел, — говорит нечистый, — я тебя теперь архиереем сделаю.

Приводит солдата в иное государство и выдает его за архиерея. Король взял его к себе и дал место в своем столичном городе. А у этого короля были три прекрасные дочери. Настал Великий пост, и вздумали они говеть. Пришло время — надо исповедоваться. Вот пошла старшая королевна к архиерею на исповедь, покаялась в своих грехах. И дает ей архиерей крест целовать. Вдруг является к нему нечистый и на ухо шепчет:

— Что, она совсем исповедалась?

— Совсем!

— Ну, теперь возьми ее, поцелуй.

— Как можно — я за это могу пострадать!

— Ничего не бойся, — целуй смело.

Архиерей взял да и поцеловал ее. Она пошла от него и думает: «Видно, так по закону следует».

Приходит на исповедь середняя королевна. Покаялась. Дает ей архиерей крест целовать. В ту же минуту опять шепчет ему на ухо нечистый:

— Совсем ли исповедалась?

— Совсем!

— Ну, возьми ее... за груди.

— Ах, что ты! Король меня за это смерти предаст.

— Ничего, хватай смело за груди.

Он взял... потрогал и отпустил от себя. Королевна пошла, думает, что так по закону и следует. Наконец, приходит меньшая королевская дочь. Исповедовал ее архиерей и дает крест целовать. Вдруг является нечистый и опять шепчет:

— Что, кончил исповедь?

— Кончил!

— Ну теперь сотвори с ней грех.

— Нет, ни за что не сделаю. Король меня непременно на казнь отдаст.

— Делай, что говорю, — все равно тебе пропадать. Если не сотворишь с нею греха, я всем объявлю, что ты беглый солдат, а не архиерей.

Архиерей — делать нечего, послушался нечистого. И эта королевна пошла и думает: «Видно, так по закону велено!» С того самого часу младшая королевна забрюхатела. Прошло несколько месяцев. Отец заметил... и стал ее спрашивать:

— Что это с тобой? Отчего...?

— Оттого, батюшка, что как ходила я к архиерею на исповедь...

Король приказал архиерея посадить в крепость и нарядил над ним суд. На том суду приговорили его повесить. Сидит архиерей один с кручиною в темнице и смотрит в окно. А перед окном уже релю ставят.

— Что вы строите? — спрашивает он у рабочих.

— Что, ан, не знаешь? Ни для кого другого — для тебя трудимся. Это, брат, виселица!

Еще больше задумался бедный солдат: «Связался я на свою беду с чертом!» В ту же минуту явился к нему нечистый.

— Не кручинься, — говорит, — я тебя выручу...

Вот повели архиерея на виселицу. Народу собралось великое множество. Надели на него петлю... Подняли его на виселицу, а черт невидимо подбросил ему под ноги свою голову. Все думают, что он мертвый, а он как ни в чем — живехонек! Народ разошелся и разъехался в разные стороны, а дьявол оборвал веревку, освободил солдата от смерти и пошел с ним в другой город.

— Что, хочешь быть опять архиереем? — спрашивает нечистый.

— Нет, спасибо, и так страху набрался.

Черт делает солдата купцом, а сам уходит в тридесятое царство — мучить царевну. Сол-

дат пробирается туда же, выдает себя за лекаря. Заказывает кривые клещи и садится во дворце перед царевниной спальней. Приходит дьявол, поздоровался с ним, спрашивает:

— Что это за штука?

— Это клещи, кривые пальцы выпрямлять, чтоб лучше на скрипке играть.

— Выправь мне.

Солдат сжимает его руки в тиски, бьет, освобождает царевну и делает затем уговор с чертом, чтоб ему не подходить к царевнину дворцу за сто верст, а солдату не выходить из дворца дальше тридцати верст. Если выйдет дальше да попадется нечистому — тот его задушит!

Женился солдат на царевне, сделался сам царем, позабыл уговор и поехал в загородный сад. Тут попался он черту. Черт позволил ему напоследок только с женой проститься.

— Ну, жена! — говорит царь. — Принимай стыд ради меня... Разденься и ложись на траву.

А нечистый подошел, увидел... Вдруг как закричит:

— Ах ты проклятый! Опять клещи привез! — и бросился от него бежать сколько сил было.

Так беглый солдат избавился от черта и остался царствовать в своем государстве.

СОЛДАТ-СКРИПАЧ И НЕЧИСТЫЙ

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, где мы живем, жил-был царь. У того царя поселился во дворцовой палате черт — не дает никому отдыху! Вот царь и пообещал отдать свою дочь за того замуж, кто переночует ночь в этой палате и жив останется. Много находилось охотников, только все наутро помирали — поминай, как звали! Уж и охотников больше не стало. Тут приходит к царю отставной солдат.

— Здравствуй, служба! Что скажешь?

— Хочу, ваше величество, с чертом померяться.

— Ну что ж, ночуй себе во дворце — мне все едино за кого не выдать дочь, только б молодец был.

Вот солдат взял скрипку, два штофа водки, топор, бритву да железную палицу и пошел в палату, где черт поселился. Сел за стол и попивает себе водочку да орехами закусывает. Вдруг выскочил нечистый.

— Что ты, русский солдат, здесь делаешь?

— Водку пью.

— Дай и мне!

— Изволь.

Нечистый взял штоф да весь сполна и осушил. И порядком его поразобрало. Подгулял дьявол, хоть и плясать готов! А солдат тотчас

за скрипочку и давай комаринскую отжаривать. Нечистый плясал, плясал, уморился и говорит:

— Важно, русский солдат, ты играешь! Поучи-ка меня.

— Хорошо, кому ж и играть, коли не тебе, добру молодцу.

Взял топор, расколол одну перекладину и забил в нее здоровенный клин.

— Ну, — говорит нечистому, — лезь на стул да клади в щель лапы.

— А зачем?

— Затем, что такова наука.

Нечистый просунул в щель свои лапы, взял скрипку и смычок, а солдат в ту же минуту и клин вытащил, и стул принял — так и приплюснуло дьявольские лапы, и самто черт так и повис на перекладине! Солдат тотчас за бритву, поднял нечистому хвост, обрил ему... Потом ухватил железную палицу и давай угощать по голой... Бьет да все приговаривает:

— Живей смычком води! Чаще пальцами перебирай!

— Отпусти, русский солдат! — кричит нечистый. — Не хочу на скрипке учиться!

— Нет, брат, врешь. Кому и музыканту быть, коли не тебе, добру молодцу.

А сам знай лупит по бритой... Только к утру его отпустил. Черт вырвался да бежать.

Видит царь, что солдат справил свое дело,

и выдал за него дочь свою, царевну. Женился солдат, взял свою молодую жену и поехал домой. А черт давно его стережет: «Отплачу, — думает, — за обиду — задушу русского солдата».

Как только поехал солдат с женою в путь-дорогу, он и пустился догонять его. Видит солдат: дело нехорошее! Снял царевну с повозки... и давай ее тело брить. Черт как увидел это, сейчас назад. Прибежал в пекло, словно в лихорадке трясется:

— Что ж ты задавил русского солдата?

— Да погоди-ка, задави его! Он царевну учит на скрипочке играть, уж... бреет.

ФОМКА-ДУРАК И ЕГО ЖЕНА

Жил мужик с бабою; звали его Фомкою, был он большой дурак и трус. Только смеркается, то и на двор побоится выйти. А баба — известное дело, как при таком муже не завести любовника — и таки завела. Один раз Фомка пришел домой пьяный да веселый; еще никогда таким не бывал. Поужинал, снял портки и лег с женой спать. А ночь была темная-темная, дождь как из ведра поливает.

На ту пору постучался к бабе любовник, собака и залаяла. Фомка услышал, что собака на дворе лает, и давай тюкать:

— Тю-тю, тю-тю.

— Молчи, — говорит жена, — а то волки по деревне ходят, овец режут, пожалуй, к нам зайдут.

— Неужели ты боишься?

— А ты разве не боишься?

— Я-то? Да ты знаешь, какой я смельчак? Хочешь: сейчас окно отворю да начну тюкать?

— А ну, Фомушка, отвори да потюкай.

Фомка отворил окно и кричит спяна:

— Тю-тю.

— Ах, Фомушка, затвори окно, не то волки в избу залезут да нас поедят.

— Я ничего не боюсь.

— Экой ты смелый!

— Э, ты еще меня не знаешь! Хочешь, я выйду в сени да в сенях начну тюкать?

— А ну, выйди да потюкай в сенях, — говорит жена, а сама на уме держит, как бы поскорей его на двор выпихнуть.

Фомка вышел в сени и опять:

— Тю-тю, тю-тю!

Баба идет сзади да подхваливает:

— Ох, Фомушка, какой ты небоязливый! А я думала, что ты побоишься.

— Э, дура, разве не знаешь, какой я хвастюга? Я еще отворю двери на двор да еще громче начну тюкать!

— А ну, попробуй, попробуй, Фомушка!

Фомка отворил двери, высунул на двор голову и снова кричит:

— Тю-тю!

Тут баба как толкнет его в шею, выпихнула на двор и заперла двери засовом, а любовника в окно впустила и легла с ним на постель.

Фомка ходит без порток вокруг избы, намок весь, стучится в окно да просится со следами в избу.

— Какой леший там стучится? — спрашивает хозяйка.

— Это я, — говорит Фомка.

— А ты кто?

— Фома!

— Какой Фома? Ты — Мора, а не Фома. Мой Фома со мной на постели лежит.

А сама шепчет любовнику:

— Откликнись ему.

Любовник и закричал:

— Кой черт там около избы бродит? Вот только выйду на двор, так дам себя знать: так шею наkostenялю, что долго не забудешь!

Бедный Фомка не знает, что и делать. «Видно, — думает, — я пьяной к чужой избе подошел». И начал себя поверять — считает избы. «Вот эта — кумова изба, а это — братова, а эта — Кондратова, а четвертая моя». Постучал опять в окно; а его все не пускают, беда да и только. Пошел к куму, постучался.

— Кто там?

— Это я, кум.

— Чего тебе?

— Да видишь, кум, я немножко выпивши, не могу до своей избы дойти; проводи меня, пожалуйста.

Кум оделся, вышел, смотрит — Фомка без порток в одной рубахе стоит, пересяб, трясется. Провел его до двора и стучится:

— Кумушка, ты спишь?

— Нет, кум, еще не сплю, а что там?

— Да вот возьми своего Фому, он совсем пьяный.

— Какой там Фома? Это Мора — всю ночь около избы таскается, не дает нам покою; мой муж давно дома.

На ее речи и любовник отозвался.

— Что ты, кум, я давно дома; это у тебя Мора. Брось ее к черту!

Кум испугался, бросил Фому и убежал домой. Что делать Фомке? На дворе холодно, а в избу не попадешь. Принужден был забраться к свиньям в хлев, там и переночевал до утра. На другой день приносит баба свиньям корм, увидала мужа и говорит:

— Это ты, Фомушка? Каким манером сюда попал? А я тебя всю ночь проискала.

— Молчи, жена, я и сам себя с похмелья не помню. Видно, меня пьяного черти таскали.

— То-то, Фомушка, говорю тебе, не напивайся.

ХИТРАЯ ЖЕНА

Жил-был бедняк чеботарь, ничего за душой не было, и пошел он на выдумки; попросил товарищей прийти с утра на свой пустырь с лопатами да носилками и обещал им за то выставить на последние деньги ведро водки, и начали они на улице рвы копать. Увидал то богатой купец и стал спрашивать бедного:

— Что он делает?

А парень в ответ:

— Хочу дом каменный ставить, так вот рвы копаю.

Купец поверил. На другой день посватался парень за купеческую дочь. Купец обрадовался:

— У него ведь, — думает, — деньги есть.

И выдал за него свою Машу. А Маша была куда хитра. Видит, что у мужа нет ничего, и вздумала поправиться; оделась в цветные платья и пошла гулять по городу; подходит к монастырю, видит — стоит у ворот монах. Она к нему под благословение. Монах благословил да и позарился на бабу:

— Зачем, — говорит, — милая, сюда зашла?

— Да что от вас, отец святой, утаишь, а от Бога-то нет; по правде сказать, погулять хочется...

— Ну, это ничего. Хочешь ли со мной познакомиться?

Маша ответила, что не прочь с ним знакомство свести, коли даст за то сто рублей, объявила ему свою квартиру и велела приходить вечером. Воротившись домой, рассказала про все мужу, села под окошечко и дожидается гостя. Как только стемнело, а монах уж тут.

— Ах, это вы, душенька! — встречает его Маша. — Пожалуйте сюда!

Впустила его в комнату. Монах снял свой клобук и рясу, взял Машу, посадил к себе на колени.

— Постойте, — говорит Марья Гавриловна, — отдайте наперед, ваше преподобие, рядные деньги.

Монах вынул деньги и отдал сто рублей. Хозяйка взяла, а муж подошел тут к двери и давай кричать сердито:

— Эй, шкура! Отпирай двери!

Монах испугался:

— Что такое?

— Ах, милушка, ведь это мой хозяин пришел, да никак еще пьяный.

— Ох, куда ж я-то деваюсь?

А у чеботаря стояла большая кадка, в которой мочил он кожи; Марья Гавриловна посадила туда монаха и закрыла крышкою; потом отперла дверь ипустила мужа. Он вошел и закричал:

— Что, курва, намочила ль кожи?

— Намочила, голубчик!

— Врешь.

— Да хоть сам посмотри.

Он поднял крышку, заглянул в кадку и заревел.

— Это что за черт сидит?

Ухватил монаха за волосы, вытащил из кадки и ударил об пол, да таково крепко, что из него и дух вон.

Что тут делать? Взял мертвое тело и положил пока в подполье.

На другой день Маша нарядилась и пошла опять прогуляться, дошла до монастыря, встретила иного монаха и того к себе на ночь подговорила. Пришел святой отец в гости и только было хотел разговеться, как муж в дверь застучал. Монах с испугу под печь схоронился, где лежали старые колодки. Вошел муж в избу:

— Ну что, шкура, нашла мои колодки?

— А я тебе что за слуга! Ищи сам, коли надо.

Он взял свечку, заглянул под печку, увидел монашьи ноги:

— Это что за ноги?

Ухватил монаха, вытащил, ударил об пол и убил до смерти, а убивши, спрятал в подполье. На те деньги, что жена взяла с гостя, купили они вина и закусок и пировали себе как ни в чем не бывало.

На третий день Марья Гавриловна подговорила третьего монаха, взяла с него сто руб-

лев и запрятала в печь. Муж вошел в избу и просит у жены поесть. А она говорит:

— Что есть в печи, то и на стол мечи!

Чеботарь открыл заслонку и закричал:

— Это что за гусь в печи?

Вытянул монаха за длинные космы, ударил об пол, убил до смерти и бросил в подполье. После того думает он себе:

— Куда ж я их деваю?

Взял три рубля денег и пошел в кабак, а там на ту пору пьяница Тимошка Кавардак. Стали они вместе пить да гулять; выпили целый штоф. Тимошка просит приятеля:

— Возьми еще полштофа.

— Как же? За что тебя поить-то?

— Всем заслужу! Только прикажи.

Чеботарь купил ему полштофа, вывел его в сени и говорит:

— Надо-де снести мертвого монаха; залез ко мне в голбез, да там и окачурился.

— Ишь его леший занес куда! Да ладно, — говорит, — все сделаю.

Пошли они домой; ночью взвалил Тима монаха на плечи и понес в воду; прилучилось ему идти мимо монастыря; около ворот стоит придверник и окликает:

— Кто идет?

— Черт, — отвечает Тима.

— Кого несет?

— Монаха!

— Ахти, какая беда! Да куда ж он несет?

— В воду.

Придверник побежал к настоятелю с докладом:

— Ваше преподобие, черт-де монаха унес!

Настоятель оградил себя крестным знаменем:

— Что ты, дурак, бредишь! — и прогнал его вон.

Тима успел уже бросить одного мертвеца в воду и воротился к чеботарю.

— Ну, — говорит, — обработал дело, снес монаха.

— А это что? — отвечает ему чеботарь и показывает на другого монаха; он вытащил его из подполья. Тима давай пихать мертвеца ногами:

— Ах ты, дьявол длинногривый, прежде меня успел назад прибежать!

Схватил его за плечи и потащил опять тою же дорогою. Монастырский привратник опять спросил Тимошку, получил прежние ответы и побежал снова с докладом к его преподобию. Настоятель диву давался и велел пересчитать монахов. Пересчитали — трех как есть недостает. Настоятель крепко смутился, взял крест в руки, велел монахам поднять иконы и обходить монастырь крестным ходом. Надо же отстаивать себя от нечистой силы. Пока все это готовилось, Тиме пришлось стащить в воду третьего мертвеца:

— Ишь, — говорит Тима, — ты все из воды

бегаешь? Так я же ухитрюсь, свяжу тебя веревкою по рукам и по ногам, авось в омуте останешься.

Спутал мертвецу руки и ноги, стянул крепко-накрепко, выпил стакан-другой вина и понес к реке. Идет мимо монастыря, а навстречу ему сам настоятель и иноки, с крестами, образами и хоругвиями, тянутся вереницею и поют псалмы:

— Кто идет? — спрашивает опять привратник.

— Черт!

— Что несет?

— Монаха!

— Куда?

— В омут!

Монахи испугались, побросали кресты и образа и пустились кто куда попало. А Тима им вдогонку:

— Вот я до вас доберусь! Лови их! Держи их!

Тем дело и кончилось.

ЧУДЕСНАЯ ДУДОЧКА

Жил-был мальчик крестьянский, у него была чудесная дудочка да скотины всего одна свинья с тремя поросятами. Выгонит он свинью в поле пасти, сядет на пенечке да заиграет в дудочку. Свинья с поросятами знай пля-

шет перед ним. Была у царя дочь — прекрасная царевна. Узнала, что у этого-то мальчика свинка с поросятами пляшет, и вздумала купить хоть поросеночков.

Приезжает в поле. Мальчик сидит на пенечке, играет в дудочку, а свинья пляшет с поросятами. Говорит царевна:

— Продай мне поросят!

— У меня они не продажные, а заветные.

— Сколько у тебя завету?

— Показать свое тело по колена.

Царевна показала ему свое белое тело по колена, он ей и отпустил поросят. Привезла их домой, созвала музыкантов. Музыканты взыграли, а поросята со страху врозь разбежались, визг на весь дом подняли. «Верно, без матки скучают, — подумала царевна, — сем поеду да матку куплю».

Приезжает она в поле; мальчик сидит на пенечке, играет в дудочку, а свинья перед ним пляшет.

— Продай мне свинку, поросята без матки скучают.

— Она не продажная, а заветная.

— А сколько завету?

— Показать все свое тело наголо.

Нечего делать, показала ему свое белое тело наголо; мальчик ей и свинку отдал. Привозит царевна свинку, собрала музыкантов. Музыканты взыграли; нет, не пляшут ни поросята, ни свинка, туды-сюды бросаются

да визжат. Поехала царевна покупать дудочку.

(Следует неудобное для печати третье требование мальчика, после чего царевна получает дудочку.)

Узнал отец и выдал ее замуж за того пастуха. Сделался крестьянский парень царевичем и зажил себе во дворце без хлопот, без дела. Поехал он однажды на охоту, и попался ему на дороге поп. Увидал поп названного царевича, поклонился ему.

— А ты, батька, куда идешь? — спрашивает его царский зять.

И пошли у них разговоры:

— Я иду с требою, а вы куда изволите?

— А я на охоту выехал.

— Ах, ваше высочество, застрелите мне вот ту птичку.

На ту пору, как нарочно, прилетела малая птишка и села в кустах шиповника да репейника, а кругом кустов грязная лужа стоит.

— Хорошо, застрелю; только, батька, сам доставай.

Царский зять застрелил птишку, а поп полез доставать; только пошел в кусты, а хитрый царевич вытащил свою дудочку и заиграл в нее. Поп плясать пустился: так и скачет, так и прыгает, весь-то он в кустах изодрался, ноги, руки, лицо в кровь исцарапал, весь-то он в луже измазался. Перестала дудочка играть, а поп еле дух перевести мо-

жет. Вылез усталый, избитый, испачканный; рассердился и пошел к царю жаловаться:

— Твой-де зять избил меня всего, а за что — не знаю; ехал на охоту, напал на меня и давай тузить; чуть-чуть не убил, насилу убежал.

Гневен стал государь, разослал слуг во все стороны, чтобы тотчас же привели к нему зятя. Приехал царевич домой, царь захотел судить его перед всем народом, велел собрать и вельмож, и войско, и купцов, и чернь; по тому приказу живо все сошлись на площадь и встали супротив царского крыльца. Царь вышел на свое высокое крыльцо и говорит зятю:

— Показывай по сущей правде, как дело было?

Царевич вынул свою дудочку; поп, как увидел ее, побледнел со страху, лихорадка так его и трясет, и начал просить, чтобы взяли его да покрепче к каменному столбу привязали. Тотчас явилась стража с веревками, скрутила ему руки и накрепко притянула к столбу.

— Косу-то, косу-то привяжите! — кричал поп.

Привязали и косу. Тут царевич заиграл в дудочку, и, Боже мой, весь народ, все войско, и сам царь с придворными пустились вприсядку отжаривать, а поп головой о каменной столб бьет, ногами всякие шуточки выделява-

ет, а сам что есть мочи орет да в грехах кается. Перестал царевич играть, и все затихло. Царь узнал, в чем было дело, прогнал попа со своих светлых глаз, зятя простил и после того долго-долго смеялся его шутке.

СКАЗКА

Мужик пахал поле на пегой кобыле. Приходит к нему медведь и спрашивает:

— Дядя, кто тебе эту кобылу пеганой делал?

— Сам пежил.

— Да как?

— Давай и тебя сделаю?

Медведь согласился. Мужик связал ему ноги веревкой, снял с сабана сошник, нагрел его на огне и давай прикладывать к бокам: горячим сошником опалил ему шерсть до мяса, сделал пеганым. Развязал — медведь ушел; немного отошел, лег под дерево, лежит.

Прилетела сорока к мужику клевать на стане мясо. Мужик поймал ее и сломал ей одну ногу. Сорока полетела и села на то самое дерево, под которым лежит медведь. Потом прилетел, после сороки, на стан к мужику паук (муха большая) и сел на кобылу, начал кусать. Мужик поймал паука, взял — воткнул ему в задницу палку и отпустил. Паук полетел и сел на то же дерево, где соро-

ка и медведь. Сидят все трое. Приходит к мужику жена, приносит в поле обед. Пообедал мужик с женой на чистом воздухе, начал валить ее на пол, заваривать ей подол. Увидал это медведь и говорит сороке с пауком:

— Батюшки! Мужик опять кого-то хочет пежить.

Сорока говорит:

— Нет, кому-то ноги хочет ломать.

Паук:

— Нет, палку в задницу кому-то хочет засунуть.

Оглавление

| | |
|---|----|
| Лиса и заяц | 3 |
| Воробей и кобыла | 5 |
| Медведь и баба | 7 |
| Волк | 8 |
| Кот и лиса | 9 |
| Вошь и блоха | 9 |
| Пи...да и ж...па | 10 |
| Мой ж...пу | 11 |
| Худо не худо | 11 |
| Дурень | 12 |
| Щучья голова | 13 |
| Женитьба дурня | 17 |
| Боязливая невеста | 25 |
| Горячий кляп | 29 |
| Прибаутки | 30 |
| Старческий стих | 32 |
| Семейные разговоры | 33 |
| Первое знакомство жениха с невестой | 34 |
| Мужик и барин | 36 |
| Догадливая хозяйка | 38 |
| Нет | 39 |
| Муж на яйцах | 42 |
| Охотник и леший | 44 |
| Мужик и черт | 45 |
| Мужик за бабьей работой | 46 |
| Жена слепого | 50 |
| Тетерев | 51 |
| Архиерейский совет | 52 |
| Посев х...ев | 54 |
| Волшебное кольцо | 59 |
| Раззадоренная барыня | 69 |
| По-собачьи | 71 |
| Две жены | 73 |

| | |
|---|-----|
| Стыдливая барыня | 75 |
| Добрый отец | 78 |
| Сказка о том, как поп родил теленка | 79 |
| Поп и западня | 83 |
| Поп, попадья, поповна и батрак | 83 |
| Поросенок | 87 |
| Духовный отец | 89 |
| Поп и мужик | 90 |
| Поп и батрак | 98 |
| Поповская семья и батрак | 109 |
| Чесалка | 112 |
| Загони тепла | 116 |
| Похороны кобеля (или козла) | 119 |
| Суд о коровах | 124 |
| Жадный поп | 129 |
| Смех и горе | 131 |
| Чудесная мазь | 136 |
| Чудесная дудка | 147 |
| Пастух | 150 |
| Солдат, мужик и баба | 153 |
| Солдат сам спит, а х...й работает | 154 |
| Солдат и хохлушка | 156 |
| Солдат и хохол | 157 |
| Беглый солдат | 159 |
| Солдат и поп | 160 |
| Солдат решетит | 161 |
| Теща и зять-дурень | 162 |
| Болтливая жена | 163 |
| Поп ржет, как жеребец | 164 |
| Хитрая баба | 173 |
| Жидовка | 188 |
| Солдат и черт | 188 |
| Николай дуплянский | 189 |
| Два брата-жениха | 194 |
| Невеста без головы | 200 |

| | |
|--|-----|
| Бабы увертки | 208 |
| Странные имена | 214 |
| Поп и цыган | 216 |
| Добрый поп | 218 |
| Битье об заклад | 220 |
| Каков я! | 223 |
| Купеческая жена и приказчик | 227 |
| Вор | 228 |
| Архиереи отчитывают | 233 |
| В чем я? | 234 |
| Генеральская жена и купеческий сын | 237 |
| Жена Химка | 241 |
| Монах и игуменья | 244 |
| Муж да жена | 245 |
| Не любо — не слушай | 247 |
| Пахом | 248 |
| Подземный ход | 249 |
| Поп у бабы и батрак | 254 |
| Поп угодил в солдаты | 256 |
| Поп-ворожейка | 257 |
| 1. Поп, попадья, дьякон и работник | 267 |
| 2. Поп, попадья, дьякон и работник | 272 |
| Поп — толокенный лоб | 278 |
| Сны | 284 |
| Солдат и барин | 291 |
| Солдат и часы | 292 |
| Солдат-скрипач и черт | 296 |
| Солдат-скрипач и нечистый | 300 |
| Фомка-дурак и его жена | 302 |
| Хитрая жена | 306 |
| Чудесная дудочка | 311 |
| Сказка | 315 |

А.Н. АФАНАСЬЕВ



*Русские
эротические
сказки*